

Вокруг Света

ИЗДАЕТСЯ
В
ЛЕНИНГРАДЕ
ЦЕНА
15 к.

27-28

БЛИЖАЙШИЙ ВЫПУСК СОЮЗКИНО

„КУРС НОРД“

Производство фабрики культурфильм СОЮЗКИНО

„Полярный поход ледокольного парохода
„Георгий Седов“ летом 1929 года“.

Операторы:

П. К. Новицкий—1929 г.

Н. В. Пинегин—1912/14 г.

Редактор-консультант

Профессор

О. Ю. Шмидт

Сюжетно-монтажное
оформление

Режиссер: Н. Г. Вишняк

Мультипликация худож.
Мовшовича

Объемная мультипликация
художников:

Птушко А., Поповича

В фильме включены по-
длинные кино-материалы
трагического плавания
Г. Я. Седова на шхуне
„Св. Фока“ в 1912 г.

ВЫГОДНОЕ КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

техно-химич. новинки можете устроить
у себя дома с небольшими затратами.
Условия обучения высыл. за 20 к. мар-
ками. Киев. почтов. ящик № 32—В.

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ РОСПИСИ

(РАЗРИСОВКИ) по всевозм. типам красками. Рельеф, выжигал., эмаль,
брызганки, присыпками, сывороткой, бисер, жемчуг.

Способы на расписки, анжину, прозачи, росписи мягкого золота, цвет-
ного серебра, росписи глянцев., стеклян. сосудах, целлулоиде, коже,
деревя и других. К урокам прилагается свыше 200 рис. кроме тех, что
По окончании выд. свидетельство. Учения рисов. не требуется. Подроб-
ности высл. за 20 коп. мелкими марками.

МОСКВА, Ул. Дзержинского, д. № 1/а. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ РОСПИСИ.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

для выжигания, выжигал. 135 см.
Цена с пересылкой 75 коп. налож.
платеж. 1 р. Харьков, Спартаков-
ой й пер., № 8, ин. 1. И. Липинер.

Читайте журнал „РЕБЕЦ“

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Ленинград, 14, Пр. Володарского, 51

„ДЕШЕВАЯ КНИГА“

ИЗДАТЕЛЬСТВА „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

РЕМЕСЛА

Богемское. Бамбук и его приме-
нение, практ. рук. для развед. б
бука и выделка из него различн.
вещей, с 18 рис., изд. 10 г.—40 к.
Селиванов. Выст. о-рамочное про-
изводство, с 13 рис., изд. 27 г., в
60 к. за 50 к. Д. Бу. Бондарев. и
колесо с производством, с 66 рис.,
изд. 27 г., в. 60 к. за 30 к. Пер-
шин. Деревянный бондарь, как де-
лать бочки, каки, чаши и ведра,
с 26 рис.—15 к. Шанана. Производ-
ство каменнотолочных брик тов,
изд. 1906 г., в. 60 к. за 20 к. На-
зов-Даль. Бельная обувь, изд. 25 г.
—10 к. Крайнева. Как делать верев-
ки, с 11 рис., изд. 17 г.—10 к. На-
зимова. Самоделка водонепро-
ницаемая, с 5 рис., изд. 1907 г.—29 к.
Брейер. Новые маятниковые работы о
двиг. синтетическом, с 19 рис., изд.
12 г.—80 к. Лавина. Тиснене и
живопись по коже, практ. рук. для
любителей изящных ремесел, с
10 рис. 11 г.—30 к. Кларет. Ин-
терьер или мозаика по дереву, с
28 рис., изд. 12 г.—30 к. Брензе.
Производство глазури и ее приме-
нения, с рис. пети, изд. 12 г.—30 к.
Петухов. Производство дрожжей,
рук. к пригот. сухих, про-сов. и
выпечке дрожж., для собствен.
надо-ности и на продажу, устройст-
во небольшого до-жжего завода,
изд. 18 г., в. 60 к. за 30 к. Титов.
Картонное дело, рук. для само-
обучения, с 56 рис., изд. 28 г.—40 к.
Мозлов. Кустарное про-изводство
серьез и осы-ой посуды, с рис.,
изд. 19 г.—20 к. Бильченко. Кле-
сочное производство, промыв. ла-

козума, прорезывание тканей и
как сделать непромокаемые и не-
горючие ткани, (умагу, кожу,
дерево и пр.), изд. 29 г.—1 р. 40 к.
Французское колбасное производ-
ство, способы приготовления.
П. ибавление: о вредных и подо-
зрительных колбасных продуктах
и способ их распознавания, с
12 рис. по австралий и 2 хромо-
лит. табл., изд. 1901 г., в. 1 р. 30 к.
за 1 р. Дебу. Изготовление простых
кожан, рук. для кустарей, с 28 рис.,
изд. 25 г.—25 к. Сценупе. Наделка
из прута и соломы, с 50 рис., изд.
27 г.—25 к. Гданский. Огнеупорные
краски на фуксовом стекле, изд.
13 г.—20 к. Боттлер. При-над тво
лаков и олифы, изд. 22 г.—30 к. М.
Мамкина. Рук. к дешевому при-
готовл. огнеупорных и водонепро-
ницаемых со-авов и красок для
предохранения от пожара все
возможных солом. и дерев. построек,
о при-ожении: описание дешевого
особого фабрикация негорючих
до-ок и шитов, с рис., изд. 1892 г.,
в. 75 к. за 60 к. Моцков. Как са-
мому изготовить колесную ма-
шину, рук. для кустарей с 1 черт., изд.
26 г.—10 к. Вильямс. Аспиретур,
лаки, мази, ваксы и кремы для
кожан и обуви, 96 практ. рецептов,
изд. 19 г.—15 к. Едковичев. Луч-
ший и простейший способ раскра-
шивания масляными красками без
помощи кисти, изд. 28 г., в. 75 к.
за 40 к. Бабушкин. Как устроить
завод для по-учения мыльного, а
также других хозяйн. эфирных
масел, с 2 черт., изд. 1908 г.—30 к.
Добровольский. Устройство и обо-
рудование небольших масляных

заводов, изд. 22 г.—20 к. Рюшин.
Кустарное про-изв. лампадного (гар-
ного) масла, изд. 12 г.—20 к. Студ-
ников. Производ. растит. и сел.
в селлах, изд. 22 г.—10 к. Ду-
шевский. Рогово-кожовое дело в Рос-
сии, изд. 19 г.—20 к. Егоров. Про-
извод. рогов и тул, изд. 28 г.—
6 к. Першин. Молочное производ-
ство, как добывать молоко и выдел. из
нее рогожи и кули, изд. 12 г.—15 к.
Ралла. Мыловаренное производство
с 36 фиг., изд. 28 г.—80 к. Назов-
Даль. Как самому варить мыло,
изд. 25 г.—20 к. Н. Дамуар. На-
лика чучел птиц и животных и при-
гот. шкурки и скелетов, рук. для
куст. и охотников с 61 рис. и 5 табл.,
изд. 29 г.—65 к. Селиванов. На-
лика чучел птиц и животных, практ.
рук. для охоты и любителей по-
на-лике чучел разн. жив. и птиц,
с 10 рис., изд. 27 г., в. 60 к. за
50 к. Назов-Даль. Как гнуть ободья
и колеса, с 11 рис., изд. 24 г.—
10 к. Бахтияров. Фабрикация обоев,
краткое описание выделка обо-
в на петербург. к. обояных фаб-
рик, изд. 1904 г.—20 к. Сатуниа. Рабо-
та на пальце-маше, практ. рук. вы-дел-
ки из пальце-маше различн. вещей,
изд. 27 г.—40 к. Михайлов. Парфю-
мерия и косметика, 170 рецептов ч.
проняв. исп., изд. 19 г.—30 к. Беренде.
Плавильное хозяйство, изд. 25 г.—
50 к. Озернов. Общедоступная пи-
рохотения. Рук. для пригото-
вл. и ука-фе верхов, с 36 рис.,
50 коп. Селиванов. Изготовление
большин сетей и вязание сеток,
гаммаков и мешков с 44 рис., изд.
27 г., в. 60 к. за 50 к. Шахматин.

Кустарное производство токарной
и долбленой деревянной посуды
в России и м-ры к насаждению
этого промысла на севере, изд.
29 г. 15 к. Преос. Столяров. Ре-
месло, с 116 рис., изд. 28 г.—80 к.

Ини-ры Мовшович, Рыбин и
др. Подсвечные про-изв. одес-
та, практ. рук. в. для ремесл. и ку-
стар. с рецептами и рис., про-
изв. верев., кожи, мыла, за-
мазок, клеев, смазок, масел и
др., с 60 рис., изд. 1927 г.—
3 р. 20 к.

Федоров. Домашний ре-сечеленик,
работы по дереву, металлу, печные,
штукат., и лапные, перепл.-карт.
и др., а также правила о ра-сечел-
е инструмен., изд. 29 г.—3 р.

Лесовяз. Ручн. й труд практ.
рук. для пригото-л. столб.,
топ рым, слесарных, перепл.
и др. работ, кройка, шитье и
вышиванье, с 199 рис., изд.
29 г.—2 р. 60 к.

Петров. Починка резиновых га-
лош, в-лосипед., автомобильных
шин и др. предм. из резины, изд.
27 г., в. 40 к. за 30 к.

Выпол. ение заказов на книги по
всем отраслям знаний. 3 назв. на
оумну сумму 10 руб. выполняются
из получения задатка в размере
25 проц. стоимости заказа. По-
сылка за счет заказчика. При за-
казах при-снять для ответов поч-
товую марку или старытну.

СОДЕРЖАНИЕ: Шелковая нитка — путевой очерк М. Зуева-Ордынца. Заговорили пуш и — Г. Уэллс. Бостон — путевой очерк Е. Клиновского. Школа чудес — рассказ Г. Моррис. Судьба Зеленого острова — очерк С. Марвича. Бешеная акула — рассказ С. Емелина. Строим советский дирижабль. Черная Африка — А. Северова. Федькина находка — повесть П. Зайкина (продолжение). Газета «Вокруг Света». Рис. на обложке (к рассказу «Черная Африка») худ. С. Верховского

К заводу „Туркшелка“ двигался караван, нагруженный объемистыми мешками с коконами..

Легко сказать — шелковая нитка!

Она древнее самой древней истории. Она протянулась к нам из седой мглы веков. О багрянице и виссоне, древних шелковых одеждах царей и аристократов, упоминается в «Одиссее» Гомера. Грену, яйца тутового шелкопряда, находили не раз в гробницах древних египтян. Документально подтверждено, что человек пять тысяч лет назад сучил шелковую нить.

Шелководство и изготовление тканей из шелка появилось в незапамятные времена в Китае, откуда перешло в Японию. С шестого века нашей эры шелководство проникло в западную Азию и на Балканы, а с восьмого века оно, благодаря арабам, появилось в Европе, сначала в Италии, а с четырнадцатого века в южной Франции, которая вскоре заняла в Европе первое место по шелку. В России в 1714 году была основана в Москве первая русская шелковая фабрика. Но работала она исключительно на ввозном сырье, а потому вскоре закрылась.

Никто точно не знает, когда началось шелководство здесь, в Средней Азии, в долине Ферганы, в горных областях Таджикистана, в оазисах Узбекистана и Туркмении. Очевидно шелк пришел сюда вместе с завоевателями-арабами. Арабы ушли, а шелк остался. Известно

ШЕЛКОВАЯ НИТКА

Путевой очерк М. Зуева-Ордынца

лишь одно, что шелководство наиболее старый промысел Средней Азии, существующий по крайней мере пятнадцать веков.

До последнего времени по добыче шелка на первом месте стоял Китай, но недавно он уступил первенство Японии. Мировая добыча шелка 42 миллиона кило в год.

Миллионы людей кормятся шелком. Шелковая нитка держит на себе тысячи фабрик и заводов с сотнями тысяч рабочих. Все мы видели шелковую нитку, держали ее в руках, вдевали в игольное ушко, но все ли мы знаем, кто и как создает ее?..

Начну издадека, с дерева.

Всюду в Средней Азии вдоль кишлачных улиц, канав, арыков, рвов, вокруг дехканских хуторов в виде живой изгороди, зеленого плетня, вы встретите небольшое корявое деревце. Даже в городах на людей, шагающих по каменным тротуарам, сыплются сверху жирные, приторно-сладкие, похожие на белую малину ягоды этого дерева. Это шелко-вица, тут. Ученые ботаники называют его *morus alba*.

На светлозеленых листьях этого дерева, только его одного, живет гу-

сеница, жирный желтовато-черный червяк с забавной, похожей на носорожью мордочкой.

Рис. Н. Кочергина

Таких гусениц обычно боятся дети и нервные женщины. Червяк живет себе потихоньку и, поощряемый на то чело-веком, бессовестно вредительствует, объедая листья туты.

Так, жирея не по дням, а по часам, четыре раза сбрасывая ставшую тесной шкурку, червяк блаженствует приблизительно месяц. А затем впадает в странное беспокоейство, перестает есть, часто поднимает головку, как будто что-то отыскивая. Вот наконец найдено то, что нужно: удобная ветка, сучок. Червяк успокаивается и начинает выделять клейкое вещество, на воздухе превращающееся в тончайшую паутинку. Этой паутинкой он обвивает себя.

Этот червяк — тутовый шелкопряд. Тончайшая паутинка шелкопряда есть чистейший шелк, правда далеко еще не тот, который мы видим в нитках или тканях.

Выделив почти полтора километра шелковой паутины, гусеница свивает для себя шелковый кокон и, превратившись в куколку, засыпает в нем. Неуклюжую гусеницу мы больше не увидим. Вместо нее из кокона выпорхнет бабочка, с пушистым туловищем беловатосерого цвета, с черными гусарскими усами. Впрочем, «выпорхнет» — это

сказано слишком. Бабочка шелкопряда не умеет летать. За пять тысяч лет человек избаловал, обессилил, одомашнил шелкопряда. Разве могут летать курица, домашний гусь, как летали их далекие предки? Разве может скакать по скалам, над бездонными пропастями, неуклюжая деревенская овца?

Также и шелкопряд. Гусеница его не может самостоятельно доползти до корма: человек подкладывает ей еду, как овце или корове. А бабочка на своих слабых крыльях не сможет подняться и улететь. Поэтому за всю свою коротенькую жизнь, шелкопряд пользуется исключительным вниманием и заботливым уходом человека. Для этой цели существуют специальные заводы. Так индустрия подчиняет себе биологию.

Адрес этого завода: Ташкент, Биш-Агачский район, Арапьянская, 51. Над низким, времен военного коммунизма глиняным дувалом висит пыльная вывеска:

«Гренажный завод Туркшелка».

Странный завод! На дворе рабочие легко вскидывают на плечи мешки величиной с рояль. Ишак оглядывает, скептически прищурившись, груз, который сейчас навьючат на него. Тяжесть этого груза казалось бы не выдержит и слон. И как должно быть удивлен длинноухий философ, когда слоновий груз оказывается не тяжелее обычной поклажи!

Странный завод! Вместо каменных, кирпичных корпусов — легкие деревянные сараи, с широкими дверями-воротами. Входишь внутрь — новая неожиданность! Не музыкальный ли магазин это? Вместо станков — деревянные ящики и рамы с бесчисленным количеством нитяных струн. А вместо гула машин слышишь здесь легкий, едва уловимый шорох миллионов крошечных крылышек бабочек-шелкопрядов.

И все-таки, это завод, работающий быстро, бесперебойно, безостановочно, строго и точно. Работа здесь полупроизводственная, полу-научная, так как завод имеет дело с живыми организмами, превращая физиологические процессы в индустриальные. Здесь изготавливается целлюлярная, то есть микроскопически проверенная, обеззараженная и улучшенная грена — яички шелкопряда, основа всего шелководства.

В начале лета, между 10 и 25 июня, шелководы Средней Азии — узбеки в ярких халатах и цветных тюбетейках, туркмены в лохматых, как туча, тельпеках, горцы-таджики в козих шкурах и черных чалмах везут на гренажные заводы «Туркшелка» объемистые, но удивительно легкие на подъем мешки.

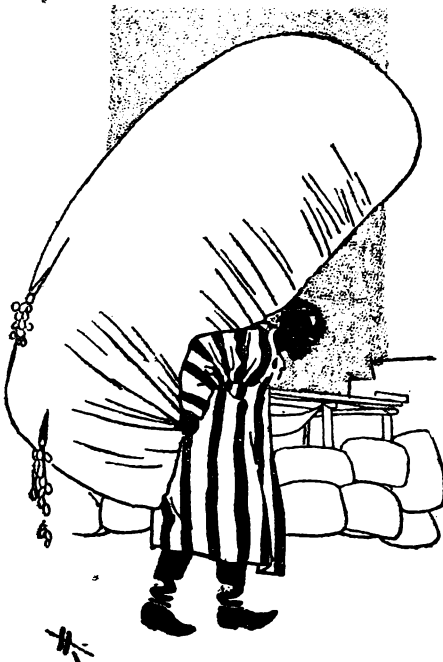
В мешках — шелковый уржай, груды коконов. Двадцать семь рублей за пуд коконов платит дехканам-червоведам советский трест «Туркшелк».

В заводских амбарах-коконохранилищах каждому червоводу отведена отдельная полка или кровать, как их здесь называют. Вот например над полкой, загруженной сугробами коконов, висит дощечка:

№ 12. Гафиз Шамансуров. Кишлак Чичляр.

Запомните эту надпись. Мы еще много раз встретимся с ней.

С кроватей хаммалы-носильщики перетаскают коконы в сортировку, где ра-

Узбек без всякого труда поднял огромный мешок...

ботницы рассортируют их по породам и сортам.

Вот девушка-узбечка в цветной безрукавке запустила в кучу коконов, словно прачка в мыльную пену, засученные до локтя руки. С тихим, сухим шорохом распускаются коконы, так похожие на крупные китайские орехи. И когда смуглая рука снова поднимается, на ней висят гроздь коконов. Шелковинками своими они прицепляются к малейшим шероховатостям кожи так крепко, что отрываются не без труда.

В первую очередь коконы сортируются по породам. Среди шелководов Средней Азии наиболее распространены породы: Багдадская, дающая белые коконы, и Итальянская — Асколи с коконами желтыми, как лимон. Асколи — наиболее доходная порода. Черви ее требуют меньше тутового листа, заливка червем кокона происходит очень рано, шелк ее тоньше, крепче и легче разматывается. Шелк же Багдадской породы — грубее, путаннее, а потому труднее разматывается на фабриках. Но зато Багдадская порода нетребовательна к уходу и вынослива, чего нельзя сказать про Асколи, нежную и капризную. Следовательно нужно что-то третье, какая-то иная порода, которая соединяла бы в себе высокие промышленные качества

Асколи с нетребовательностью и стойкостью Багдада. Эта синтезированная порода изучается сейчас в Шелководческом институте, а после многократных испытаний будет передана гренажным заводам для распространения ее среди червоводов. Третья порода в сущности уже имеется. Это местная порода Джайдари, дающая смесь коксов разных цветов, от розового до зеленого. Но Джайдари — это бич шелковода, это злое наследство былого, хищнического, дореволюционного шелководства. Грена этой породы обычно заражен какой-нибудь болезнью, пембиной — чахоткой шелкопряда, флатчидетцой, от которой черви гниют заживо, мускардиной — рахитом червей, или наконец желтухой. Примешивание Джайдари даже в незначительном количестве к здоровой грене вызывает гибель всей выкормки червей.

После сортировки по породам коконы сортируются по качественным категориям. Первый сорт — это вполне здоровый кокон, тугой, как мяч или ещенее как орех, в котором опытный глаз сортировщицы не замечает ни щелочки, ни трещинки, ни вмятинки. Второй сорт — это «ак-пачак», то есть белый брак, коконы недозавитые, мятые, рыхлые, двойные, в которых ежат два червя. И наконец третий сорт — «кара-пачак», то есть черный брак, коконы завитые больными червями, опасные в смысле заразы.

Стать родоначальниками новых поколений достойны лишь коконы первого сорта. Остальные будут отправлены на шелкомотальную фабрику. Куколок, заключенных в них, убьют паром, а сами коконы размотают.

После сортировки коконы отправляются в папилонажные сараи. Работницы насыпают коконы в рамы с натянутыми вместо стенок струнами-нитками с таким расчетом, чтобы в каждой раме было приблизительно равное количество коконов самцов и самок. Их легко отличать друг от друга. Кокон, из которого выйдет бабочка-самец, круглый, кокон самки — с перехватом посредине. Рамы с коконами подешиваются на специальных вешалках. На каждой раме ярлык, поясняющий — какого цвета здесь коконы. Вот на одной из них знакомая нам надпись:

№ 12 Гафиз Шамансуров. Кишлак Чичляр.

Папилонажный сарай заполнен рамами, и весь завод приходит в состояние напряженного ожидания. В коконах спят куколки, но скоро они проснутся и бабочка сбросит с себя кокон. Этот-то момент и ждет напряженно весь завод. Если упустить его — беда! В деревнях говорят: день упустить — год потеряешь. А здесь эту поговорку американизировали: минуту упустить — все дело пропало! Поэтому до трехсот узбе-

чек-работниц день и ночь дежурят на заводе.

Но до вылета бабочек, коконы сдают еще один экзамен. Контролер из партии каждого червовода отбирает 3—5% коконов. Взяты например коконы из партии Гафиза Шамансурова, взрезаны, а куколка выложена на ладонь. У ней уже потемнели глаза, это значит — она скоро превратится в бабочку. Куколки растираются в ступках и исследуются под микроскопом.

Ташкентский гренажный завод имеет лабораторию на двадцать микроскопов. В светлой комнате, с окнами чуть ли не от пола до потолка — стук и звон медных ступок. Здесь работает много работниц в белых, стерилизованных халатах. Одни моют ступки, другие растирают куколки, готовя из них жижицу, третьи микроскопируют. Все работницы — узбечки, которые только весной этого года сбросили паранджу и сейчас еще ходят по улицам с опаской, озираясь по сторонам, боясь встречи с суеверным фанатиком.

Если микроскопистка обнаружит в растертых теле куколки овальные, блестящие бактерии пембины или возбудители какой-либо другой болезни, вся партия коконов будет изъята из папильонажного сарая и отправлена на шелкомотальную фабрику. Это — второй экзамен, после которого остается ждать вылета бабочек.

Обычно это происходит рано утром. Коконь сразу темнеют, сыреют с одного конца. Это вылупившаяся из куколки бабочка смачивает свою тюрьму едким составом, пробивая дорогу к жизни. А затем легкий шорох, и молодые, с тяжелым, непросохшим еще брюшком бабочки выползают из коконов и охорашиваясь садятся на нитки рамы.

Но это пока еще передовые разведчики. Их ловят по несколько штук из каждой партии и отправляют в лабораторию, под микроскоп. Это — третий экзамен.

Через час-полчаса начинается массовый вылет бабочек. Рамы словно лепестками усеяны бабочками, расправляющими крылья. Работницы ловят бабочек (их в текущем году было больше трех миллионов), помогают самцу найти самку. Сотни работниц снуют по папильонажному сараю, ловкими, уверенными в то же время легкими в прикосновении пальцами сортируют по рамочкам тяжело перепархивающих самцов и медленно, неуклюже ползающих самок...

... Через четыре часа те же работницы собирают самцов. Они свое дело исполнили, больше они не нужны. В последние годы трупы самцов употребляют на удобрение и даже на корм курам. А самки становятся предметом дальнейших забот. Бережно опускается

каждая из них в пергаментный, продырявленный для «вентиляции» мешочек, чтобы бабочка не задохнулась в нем, а умерла бы естественной смертью, погрузилась бы безболезненно в сон смерти, когда это будет ей «на роду написано».

А на роду бабочки-шелкопряда написано, что она должна умереть через 15—20 дней после своего рождения. За эти две-три недели бабочка не ест и не пьет, по той простой причине, что не имеет рта: но часто в первый же день она начинает откладывать яички и кладет их до последнего дня своего существования. А потому не меньше трех недель висят под потолком папильонажного сарая длинные цепочки пергаментных мешочков. А на некоторых из этих вязанок — ярлык: № 12, Газиз Шамансуров, кишлак Чичляр. Даже в напряженно-хлопотливые часы папильонажа опытные работницы не спутали бабочек товарища Шамансурова с бабочками других дехкан-червоводов.

В начале четвертой недели пергаментные мешочки вскрываются. В каждой мешечке — трупик бабочки и 400—500 яичек. Это будущие шелковичные черви, будущие коконы, а следовательно и многие тысячи метров шелковой нити.

Вот она лежит перед нами, эта шелковая икра, похожая нето на маковые

человеку то, чего он ждал от нее — грены. Но и после смерти она нужна еще заводу. Трупик их несут все в ту же лабораторию, на четвертый экзамен-испытание.

Туловище каждой из бабочек снова растирается и микроскопируется. В дни микроскопирования трупов бабочек заводская лаборатория живет особенно напряженной жизнью. В лабораторных залах буквально грохот стоит от растирания в ступках трупов бабочек, такой грохот, что слов не слышно, нужно кричать.

Трудно вообразить, какая это сложная, кропотливая и огромная работа. Повторяю, микроскопировать должно трупик каждой бабочки. А сколько их? Можно высчитать. Производственный план ташкентского гренажного завода — 1 500 коробок грены по 25 граммов в каждой. Итого 37 500 граммов. Но каждая бабочка дает максимум полграмма грены. Следовательно микроскопировать нужно 75 тысяч бабочек. И если какая-либо из бабочек окажется зараженной, ее грены тотчас же уничтожают. Это четвертое испытание.

Но и этого еще недостаточно. Работница-микроскопистка могла ошибиться. А ошибок быть не должно. Это грозит тяжелыми последствиями для советского шелководства. Поэтому мешочки с греной идут на микроскопирование в контрольный зал. Тут микроскопи-

Работница разбирала привезенные коконы...

зернышки, нето на семена неведомого экзотического растения. Недаром же и называли их «греной». Graine — по-французски «семя». И редко-редко среди темных маковых зернышек грены мелькнут золотистой булавочной головкой яички, не оплодотворенные самцом-бабочкой.

Бабочка-самка, эта главная работница гренажного завода умерла, дав

руют не туловище бабочек, а только их головки, по десять головок сразу. И если одна из десяти окажется больной, уничтожается грена сразу всех десяти бабочек.

Вся эта работа сопровождается точнейшим учетом, многочисленными записями в своеобразные генеалогические червоводческие книги. И среди этих записей не раз мелькнет ния

червовода Гафиза Шамансурова из кишлака Чичляр.

Итак на заводе грена проходит пять испытаний, четыре из которых микроскопических. Но и этого еще недостаточно. Чтобы окончательно убедиться в том, что грена здорова, необходимо увидеть, каких червей она даст. Если зоркий глаз микроскопа рассмотрел бациллу какой-либо болезни, эта болезнь скажется на червях.

Это — шестое и последнее испытание. Для него необходимо оживить грену.

Известный процент ее из партии каждого червовода отправляется в инкубаторий, комнату, где искусственно поддерживается температура в 20–22° Реомюра. Грена рассыпается тонким слоем на листе белой бумаги и кладется на специальные полки-стилажи. На одной из полок мы в последний раз увидим знакомый нам ярлык.

№ 12. Гафиз Шамансуров
Кишлак Чичляр

Приблизительно через месяц темная грена окрасится вдруг в нежно-голубой цвет. Это под влиянием тепла в яичках грены развивается новый организм, и в одну из ближайших ночей из грены выплывают крошечные чернобурые гусеницы. Им тотчас же подложат мелко нарезанный тутовый лист.

А затем все начинается сначала. Червяки вредительствуют, объедая тут, жиреют, растут, сбрасывая одну за другой ставшие тесными шкурки. Но за ними, за каждым червяком в отдельности, следит зоркий и опытный глаз работников завода. Легко сказать — червяк. Это же катушка шелка. И если червяк не слаб, не вал, обладает хорошим аппетитом если тело его не покрывается бурными пятнами пембины, если кожа его не твердеет от злосмускардины, это значит, что партия коконов червовода Шамансурова была вполне здоровой, что она достойна стать прародительницей новых поколений шелкопрядов.

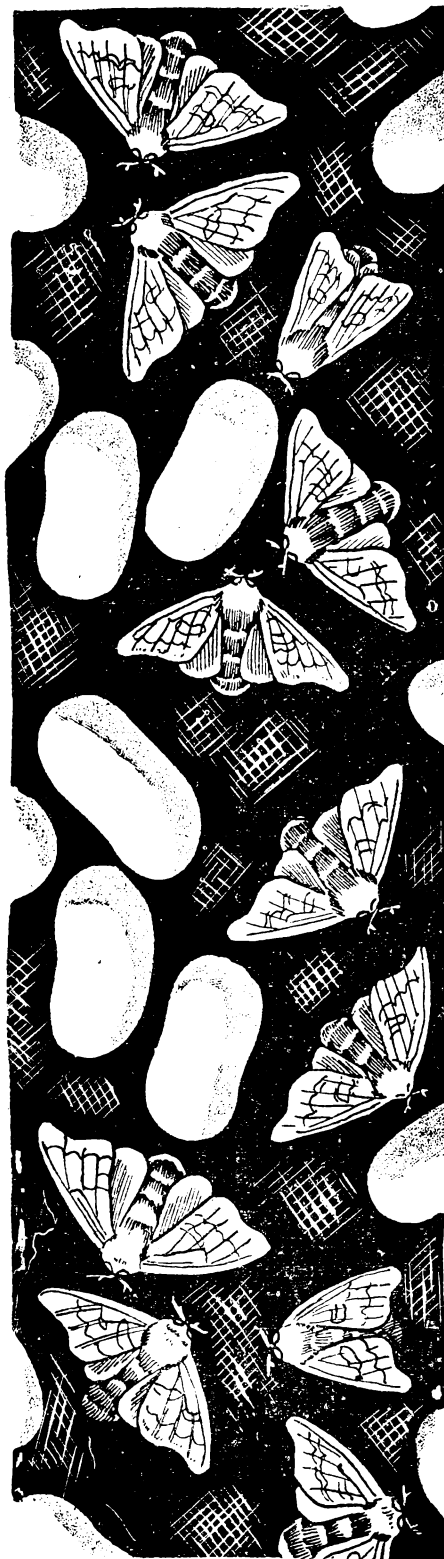
Приблизительно через месяц после выхода из грены черви впадут в странное беспокойство, перестанут есть и, найдя удобный сучок, завьют кокон.

Круг замкнут. Завод, получивший от дехкан-червоводов коконы, прекратил свою работу коконами же.

И если вы проведете по поверхности кокона пальцами, то к ним прилипнут гончайшие шелковые паутинки. Песучите их, и получится, правда скверная, слабая, но все же шелковая нитка. Эта работа будет проделана на шелкомотальной фабрике. Там, размочив коконы в кипятке, размотают их и спрядут греж, сырцовую шелковую нитку.

Но кроме коконов гренажный завод получил еще около 40 тысяч граммов обеззараженной, многократно прове-

ренной целлюлярной грены. Теперь можно смешать вместе, разбив их лишь по породам, партии всех вообще червоводов. А затем грену вымоют, высушат, при чем она потеряет 13% своего веса, и высыплют в красивые, яркие, похожие на конфетные коробки, по 25 граммов в каждой. На складах, где будет храниться грена, искусственно поддерживается температура в 10 градусов Реомюра, предохраняющая грену от преждевременного оживления.

Бабочки шелкопряда не могут летать и только неуклюже ползают по рамкам

Всю осень и зиму пролежат на заводских складах эти яркие коробки, в которых в состоянии полусна-полусмерти таятся бесчисленные зародыши новых жизней. А в начале следующего лета, на завод приедут из кишлаков дехкане-червоводы, купят кто одну, кто две коробки грены, заплатив за каждую по 2 р. 75 к. и, завзвнув бережно в платки, увезут домой. Червоводы эти могут быть спокойны. Их выкормки червей будут вполне здоровы, если конечно они не подмешают к заводской грене грену, купленную где-нибудь на базаре, зараженную болезнями.

А затем колесо снова завертится. Дехкане оживят грену, выведут червей, выкормят их, соберут коконы и отвезут их, часть на шелкомоталку, а часть на гренажный завод, который снова и снова продезинфицирует, обеззаразит грену. Так, год за годом, гренажные заводы вычесывают все те болезни, которыми еще болеет советское шелкопрядство, которые наносят ему многомиллионный ущерб.

Но откуда же появилась эта зараза?

Лет 60 назад в степи, горы, пустыни и оазисы Средней Азии пришли полчища австрийцев, искателей легкого заработка, проворовавших чиновников и купцов-толстосумов. Колонизатор принес с собой волчью алчность, угнетение коренного населения, жажду к наживе.

Быстро расхватываются жирные лесовые поля, дающие колоссальные урожаи хлопка, риса, пшеницы, рыбные богатства Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи, Аральского моря, золотосные отдели Вахша и Зеравшана, нефтяные промысла Челекени и Нефте-Дага. Не миновал рук «культуртрегеров» и старинный промысел Средней Азии — шелководство.

Алоизи, Бауэр, Евтихиди и прочие «шелковые короли» повели дело по принципу: «поменьше вложить, побольше взять». Ничуть не думая интересами местного населения, шелковые фабриканты стремились лишь к хищническому извлечению прибыли. Грена употреблялась привозная, из Франции. А французы в далекую Среднюю Азию посылали грену самого худшего качества, зараженную всеми болезнями, в расчете на то, что дикари-туземцы все равно не поймут.

Неудивительно поэтому, что уже в начале 50-х годов прошлого столетия черви выродились, и шелководство упало. Многочисленные районы, с сотнями кишлаков, которые существовали исключительно шелком, разводили червей, мотали шелковые нитки, вышивали цветными шелками тюбетейки и сюзани, — забросили свое исконное ремесло, и жизнь в этих когда-то цветущих и богатых районах замерла.

Советская власть затратила немало трудов и средств для борьбы с этим тяжелым наследием старого хищнического хозяйствования. И советская власть победила!

Сейчас коробка заводской, целлюлярной грены дает урожай коконов в 32 килограмма, то есть превышает на 60% урожай довоенного времени. Старое, мрачное наследие изжито. Но опасность попрежнему велика, и идет она со стороны мелких, индивидуальных шелководческих хозяйств. Некультурная постановка дела в этих мелких хозяйствах грозит всему советскому шелководству вспышками новых, мощных эпидемий. Поэтому так тщательно, под микроскопами проверяется вся продукция единоличных хозяйств.

Шелководческие хозяйственники ждут очень многого от организовываемых сейчас шелководческих совхозов и колхозов. В этих крупных хозяйствах, которые будут вестись на научных основах, можно будет повысить урожай одной коробки грены до 50 килограммов коконов. Таков обычный урожай в наиболее культурных шелководческих странах. Такие урожаи не за горами и в Средней Азии. Их ждут здесь в будущем году. В 1931 году валовой урожай коконов по Средней Азии будет равен 68 тысячам тонн, то есть превысит урожай текущего года в семь раз...

Я не люблю шелк, ненавижу его. У меня связаны с ним неприятные воспоминания.

Почти ребенком я вынужден был пойти работать на московскую аппретурную фабрику «О. Хишин и Сыновья». Я работал в шелковой складальне. Здесь убирали, наряжали и без того нарядный шелк, складывали его в удобные кокетливые сверточки и пеленали туго в картон с фабричными клеймами. Складальня наша с утра до вечера была завалена шелковой тафтой всех цветов: серой, с лиловым отливом, похожей на грозовую тучу, светло-зеленой, словно тина стоячего прудка, и черной, с жирным блеском, как сажа в устье печки. Изредка попадали к нам шелковые платки, яркие, пестрые, веселые, как ярмарочная карусель. Я почему-то думал тогда, что эти платки носят испанки. Теперь я знаю, что ими подпоясывают по праздникам халаты узбеки и таджики.

Вот тогда-то я и возненавидел шелк, возненавидел за его свист. Мы, уборщики, удерживая тафту, складывали ее пополам и, зажав складку между пальцами, быстро проводили по ней рукой. От этого, едва уловимого глазом движения шелк свистел у нас под пальцами, как может свистеть только шелк, остро и бездушно, пронизывая холодом мозг. Даже теперь, увидав на ком-ни-

будь шелковое платье, услышав его холодный свист, я ежусь от внутреннего озноба, как ежусь и вздрагивают нервные люди, услышав скрежет ножа о тарелку или визг трущейся о стекло пробки.

Но личные антипатии не в счет, когда вспомнишь, что миллионы человеческих глаз со вниманием смотрят на своих кормильцев, белесоватых червей, которые, изгибаясь полупрозрачным телом, жадно пожирают светло-зеленые листья тутовника. И блестя

Жирные гусеницы объедают листья тутового дерева...

радостью глаза дехкан, когда видят, что не чернеет кожа на гусеницах, что здоровой растет вся выкормка. А выкормка, даже небольшая, — это много тысяч метров шелковой нити, много метров шелковых тканей, шарфов, платков, кружев.

До мировой войны русское шелководство, подорванное хищниками-фабрикантами, давало в год около 9 тысяч тонн коконов, из которых приблизительно половина приходилась на Среднюю Азию. Гражданская война, особенно свирепая и длительная здесь, в Туркестане, окончательно подорвала средне-азиатское шелководство. В 1919 году урожай коконов сократился до 5% довоенного уровня, и занятие шелководством здесь почти прекратилось.

После национального размежевания Средней Азии, положившего конец гражданской войне, начинается быстрый рост шелководства. В 1922 году урожай был равен уже 20% довоенного, а в 1924 году — 60%. В 1927 году мы догнали довоенный уровень, в 1929 — удвоили, а в текущем 1930 г. — утроили.

Но даже этот необычайно высокий темп развития оставляет в значительной степени неиспользованными благоприятные для шелководства климатические условия. В ряде районов Узбекистана, Туркмении и особенно Таджикистана, шелководство сможет из подсобного стать основным промыслом. Из небольшой территории ферганской долины шелководство развернется в огромное хозяйство, охватывающее всю Среднюю Азию и южный Казакстан. Шелководство может распространиться и еще дальше на север, приблизительно до меридиана Москвы, где червяка вместо тутта можно будет кормить травой скорцонер, выдерживающей самый суровый климат.

Шелковая пятилетка потребует вовлечения новых 250 тысяч дехканских хозяйств и охватит все сельское хозяйство Средней Азии на 80%.

Валовой доход от шелководства с 5 миллионов рублей довоенного времени, с 25 млн. 1928 года поднялся к текущему году до 68 млн. рублей. К концу же пятилетки прибыль средне-азиатского шелководства будет равна 110 миллионам рублей.

К концу пятилетки будет полностью покрыта потребность в шелке нашего внутреннего рынка, а кроме этого мы сможем продать за границу шелкового сырья на 86 млн. рублей, что будет крупным вкладом в индустриализацию республик Средней Азии.

Шелковая нитка притянет к нам из-за границы фабрично-заводское оборудование, трактора, пароходы, автомобили...

Аул Махтум-Кули.
Август 1930 г.

ЗАГОВОРИЛИ ПУШКИ

Герберт Дж. Уэллс

В Англии только-что вышел новый роман известного писателя Герберта Джорджа Уэллса — «Самодержавие м-ра Пархэма». Роман этот, вокруг которого уже поднят большой шум, безусловно является одним из удачайших произведений Уэллса. «Самодержавие м-ра Пархэма» — отклик на злободневнейшие события, волнующие Англию. Содержание его вкратце таково:

Заурядный английский профессор истории, м-р Пархэм, мечтает о восстановлении былой мощи Британской империи и страстно ждет диктатора типа Муссолини, который огнем и мечом вернул бы родине подобающее ей первое место среди мировых держав и вновь пробудил бы в нации угасающие чувства патриотизма, империализма и т. д. Он мечтает об издании влиятельного журнала, в котором он мог бы проводить эти свои идеи. Деньги на журнал он рассчитывает добыть у промышленного магната, сэра Бэсси Вудкока, разбогатевшего выскочки, пользующегося м-ром Пархэмом как справочником по всем научным вопросам. М-р Пархэм неотступно следует за сэром Бэсси и, в конце концов, попадает вместе с ним на спиритический сеанс. Во время сеанса является таинственный «Дух повелителя» и вселяется в м-ра Пархэма. Отныне м-р Пархэм уже не посредственный ученый, а диктатор Англии, лорд Парамаунт (непревзойденный). Он начинает осуществлять на практике выношенные им в тиши кабинета теории. Он предпринимает по образцу божотворимого им Муссолини поход на Вестминстер, свергает рабочее правительство, разгоняет парламент и вводит фашистский режим. Он провоцирует войну с Сов. Россией и Китаем, а затем и с Америкой. В грандиозном морском бою английский и американский флоты истребляют друг друга. Но это не смущает лорда Парамаунта, и он, жестоко подавляя недовольство в тылу, продолжает свою агрессивную политику. Вся Европа охвачена пожаром войны, Англия на краю гибели. Единственное ее спасение — ядовитый газ. Но сырье для этого газа поставляет сэр Бэсси, который категорически отказывается поддерживать авантюристическую политику лорда Парамаунта. Последний насильно захватывает завод сэра Бэсси. На заводе происходит взрыв, все летит куда-то... и м-р Пархэм просыпается. Он заснул от скуки на спиритическом сеансе и видел сон. А действительность гораздо прозаичней и горше: сэр Бэсси окончательно отказывается финансировать фашистский журнал, и м-р Пархэм — у разбитого корыта.

В эту сюжетную канву Уэллс вплетает ряд философских рассуждений, дающих ему возможность с предельной ясностью изложить свои социально-политические воззрения. Каковы же эти воззрения? Прежде всего, совершенно очевидно глубочайшее презрение автора к фашистскому и империалистическому режиму и всем тем твердолобым английским «государственным мужам», которые мечтают под знаком этого режима возродить мощь «доброй, старой Англии». Уэллс в своем романе совершенно свободен от каких бы то ни было политических иллюзий либерализма. Он прекрасно понимает, что современная «демократическая» парламентская система Англии есть фикция и не сможет защищать страну от диктаторских поползновений воинствующего империализма. Не даром одной из центральных сцен романа является сцена разгона парламента фашистами-соратниками лорда Парамаунта. В этой сцене Уэллс поднимается до высот подлинного социально-политического памфлета. «Рабочее» правительство, рабочую партию и все прочие парламентские фракции он рисует в виде стада баранов, бессловесных трусов и болтунов, разбегающихся от первого окрика. Презрение Уэллса к этому стаду

Рис. Г. Фитингофа

столь велико, что он даже не считает нужным зашифровать как следует выступающих в этой сцене, ныне здравствующих, английских политиков. В Мак-Дугале читатель без труда узнает Макдональда, в Сноуфильде — Сноудена, в Сент-Джорже — Ллойд-Джорджа и т. д.

Точно так же Уэллс совершенно правильно намечает те политические пути, по которым пойдет воинствующий английский фашизм. «Окружение и изоляция Советской России» — основной лозунг лорда Парамаунта. Под высокими фразами о спасении европейской цивилизации и пр. кроется звериная ненависть и страх капиталистического мира перед пролетарской республикой, чьи идеи неотвратимо должны завоевать мир. Эта двойная игра ясна Герберту Дж. Уэллсу. Видит он также и все ханжество и беспримерное лицемерие всевозможных конференций по разоружению, под прикрытием которых капиталистические хищники лихорадочно вооружаются для новых кровавых боев. «Америка и Британия готовились к этому событию (войне) в течение десяти долгих лет, заявляли, что оно никогда не свершится, и неустанно готовились», — говорит Уэллс в блестящей главе «Заговорили пушки», печатаемой нами ниже. Вся политическая концепция романа обнаруживает в Уэллсе не только талантливейшего беллетриста, но и дальновидного политика.

Но как только дело переходит к концепции социально-экономической, Уэллс, как и следовало ожидать, оказывается в плену самых недоброкачественных либерально-интеллигентских иллюзий. От кого ждет он освобождения человечества из капиталистического плена и той грандиозной паутины лжи, лицемерия, жестокости и насилия, которая неразрывно связана с капитализмом? От капитализма! Да, как это ни странно, как это ни противоречиво и наивно, Герберт Уэллс совершенно искренно повидимому верит в то, что мир приведут к социализму «бескорыстные» магнаты промышленности в роде сэра Бэсси Вудкока, единственного положительного персонажа нашего романа, в чьи уста Уэллс вкладывает все свои мысли и сокровеннейшие чаяния. Как это произойдет? Повидимому кучка промышленных магнатов, захватившая фактическую власть над всем миром в свои руки, в один прекрасный день отдаст ее трудящимся. О таком осуществлении социализма советский читатель уже слышал. Советский читатель знаком с теорией Генри Форда, но он знаком также и с практикой Форда — той практикой, о которой не знает, или вернее не хочет знать Герберт Уэллс.

Из этой основной, глубочайшей ошибки Уэллса вытекает целый ряд других непоправимых ошибок, делающих для нас «Самодержавие м-ра Пархэма» совершенно неприемлемым и насквозь идеалистическим произведением. В романе пролетариат не фигурирует вовсе. Рисуя грандиозные катаклизмы, которым суждено в самые ближайшие годы, по словам Уэллса, потрясти мир, Уэллс ни словом не упоминает о роли, которую сыграет в этих катаклизмах международный пролетариат. Уэллс твердо убежден, что судьба капитализма и победоносного социализма будут окончательно решаться в кабинетах американского президента и двух-трех «просвещенных» промышленников, которые и подарят благодарному пролетариату этот «социализм сверху».

Эта типичная для западно-европейского интеллигента и салонного бунтаря наивность может вызвать у советского читателя только улыбку. Советский читатель пожелает Уэллсу как можно скорей разувериться в подобных теориях, но с большим интересом прочтет талантливый роман и возьмет от него то, что он несомненно может дать, несмотря на все свои ошибки.

Лорд Парамант спокойно пил чай, уверенный в том, что войны, к которой он готовился, не будет...

Лорд Парамант решил произвести грандиозную морскую демонстрацию и перебросить без предупреждения весь военный флот через Атлантику к Галифаксу. Это был ход ферзем — смелый и рискованный ход через всю доску, создающий совершенно новое положение. Грозный флот должен был внезапно появиться у берегов Новой Шотландии, нагрянуть с северо-востока, обходя пути пассажирских судов, создать неслыханный эффект и ударить по напряженным нервам американского материка.

Мощная эскадра войдет в залив св. Лаврентия и двинет отряд легких судов по направлению к Оттаве, в то время как главные силы, прикрытые завесой истребителей, эсминцев и авиоматов, развернутся широкой дугой к востоку от мыса Сэбл, угрожая Нью-Йорку. Когда этот маневр будет выполнен, все океанские пароходы, прибывающие или уходящие из Нью-Йорка, Бостона и Галифакса, будут находиться в поле зрения британского военного флота. Линкорам и линейным крейсерам было предписано все время держаться на виду и контролировать морские пути. Моральное воздействие на Канаду и Соединенные штаты должно быть огромным.

Лорд Парамант знал, что большая часть американского флота находится в Тихом океане, в бае Сан-Франциско; много судов стоит в доках, и превосходство британских сил очевидно. Тем временем обмен мнениями с Вашингтоном должен продолжаться до тех пор, пока поход флота не будет закончен.

Лорд Парамант сомневался в успехе своего предприятия. Но у него не было времени взвешивать возможные последствия неудачного исхода. Смелый вызов Новому Свету казался единственной возможностью пресечь американскую экспансию и покончить с колебаниями европейских держав. Он подавил сомнения и сосредоточил все свое внимание на переговорах с Японией относительно найма японских войск для поддержания порядка в Индии. Индийский вопрос требовал не-

рую вероятно входили «Колорадо», «Вест-Вирджиния» и по меньшей мере еще десять линкоров, была стянута между Азорами и Мексиканским заливом и шла на север повидимому для того, чтобы воспрепятствовать британскому флоту достигнуть берегов Канады. Эскадра эта была гораздо сильнее, чем он предполагал, задумывая свой ход ферзем. Но теперь было уже поздно менять ход.

В течение следующих трех дней Северная Атлантика действительно напоминала шахматную доску. Оба флота сообщались по радио в течение тридцати шести часов с того момента, как лорд Парамант принял свое решение, а в его кабинете булавы и записки на карте Атлантического океана все время держали его в курсе игры.

Ни то ни другое правительство не хотело возбуждать публику пространными сообщениями об этих грандиозных маневрах. Ни то ни другое в продолжение трех дней не признавалось в том, что ему что-либо о них известно. Пресса не получала никакой информации, и все запросы оставались без ответа. Американский президент повидимому готовил какую-нибудь декларацию или манифест, почти, но не совсем, ультиматум. Два мощных флота постепенно приближались друг к другу, а правительства все еще надеялись, что какое-нибудь чудо предотвратит столкновение.

9 мая после полуночи передовые части обоих флотов увидели факелы и прожекторы противника. Надо было соблюдать осторожность. В том году на юг шла необычная большая масса пловучего льда, а у берегов Нью-Фаундленда не рассеивались густые туманы. Ночь была тихая и довольно пасмурная, море спокойно. Мерцающие на облаках отсветы были первыми признаками, по которым британцы узнали о приближении американского флота. Адмиралы сносились между собой по радио; никакой другой связи между двумя флотами не было, хотя воздух был полон зашифрованных донесений и приказов с обеих сторон.

И тот и другой флот нес огни; еще предполагался мир. Очевидцы, оставшиеся в живых, рассказывают, что эта ночная сцена казалась удивительно странной и невоинственной. Слышались стук машин, кипенье и плеск воды у бортов, ритмическое жужжание реющих аэропланов и больше ничего. Никто не произносил ни слова, — рассказывают очевидцы. Какой-то страх, какое-то предчувствие рокового часа заставляло молчать участников этого похода на запад. Они молча стояли на палубах и следили за бледными лучами прожекторов, шнырявших по сторонам, выхватывая из мрака истребитель или крейсер, или буравя блуждающую полосу тумана. Какой-нибудь корабль внезапно вырисовывался в луче прожектора, белый и четкий, а потом опять пропадал во мраке, мерцая двумя-тремя огоньками. Тогда все глаза обращались к югу, где вдали мигали огни все еще скрытого за горизонтом американского флота.

История этих нескольких роковых часов, предшествовавших бою в Северной Атлантике, остается смутной и запутанной. Почти невозможно восстановить последовательное развитие событий. Что было известно тому или иному командующему, когда он отдавал тот или иной приказ? Было ли вообще получено то или иное распоряжение?

медленного разрешения. Вся Бенгалия была охвачена пропагандой пассивного сопротивления, и повсюду вспыхивало повстанческое движение; систематическое вредительство расстранивало транспорт, а афганское наступление разворачивалось с неожиданной силой. Ему становилось ясно, что он был недостаточно осведомлен об истинном положении дел в Индии. Распоряжения Лорда Параманта выполнялись не так быстро, как он рассчитывал. Морское командование повидимому держало особую мнения относительно возможности обнажения британских берегов, многие корабли не были готовы к походу, и это создавало задержку. Адмиралтейство давно уже было государством в государстве, и Лорду Параманту стало ясно, что он попросту забыл об этом.

Только через три дня большой флот вышел в море. В него входили: «Родней», «Роял Соверен», и еще четыре корабля этого класса, «Бархэм», «Уорспайт», «Малайя», и еще два линкора — «Гуд», «Ренаун», и еще один линейный крейсер, авиоматки «Эроик», «Кореджес» и «Глориз». Завеса истребителей и крейсеров-разведчиков прикрывала левый фланг большого флота. Первые части легких сил,шедшие из Плимута, на 12 часов опередили линейные суда. Последние шли с север и с юга Британских островов к условленному месту встречи — южнее мыса Феруэлл.

Американский флот, как выяснилось на следующий день, уже находился в пути. Он оказался против ожидания подвижным и сильным. Лорду Параманту донесли, что эскадра, в кото-

Ясно только, что американский флот все еще слягивался и широкой дугой обходил британский флот. Последний шел теперь на юго-запад к Галифаксу. Американский адмирал Семпл повел свои силы параллельно британскому курсу. Они договорились по радио не переступать до восхода солнца определенной линии; оба флота будут до зари идти бок-о-бок на расстоянии по меньшей мере пяти миль друг от друга.

Никто этого не знал.

— Этот грошовой Муссолини провоцирует нас! Как выбраться из этой истории? Неужели нет выхода?

— Неужели нет выхода? — спрашивал лорд Парамант, забывая о часе.

— Военный флот строится для того, чтобы воевать, — сказал кто-то в Вашингтоне.

— Ах, бросьте! — сказал президент. — Мы строили его по тому, что у нас на

— Ну-с, — сказал президент, — как долго мы еще можем не сталкиваться с ними?

— Сэр... — сказал расторопный молодой секретарь с таким волнением в голосе, что президент поднял глаза и уставился на него.

— Ох! — сказал президент и сжал руки словно для молитвы. На бледном лице секретаря он прочел все.

В этом чудовищном бою корабли расстреливали друг друга в упор и

шее сидели эти проклятые эксперты. Лучше бы мы не впутывались!

В Вашингтоне кто-то остроумный предложил следующее: пусть американский флот повернет к югу, а потом идет на восток к берегам Великобритании. Грейгу придется либо следовать за ним со всеми своими силами, либо раздробить флот, либо оставить английские берега незащищенными.

— Повторится история с Ирландией, — сказал президент. Бессонная ночь утомила его и лишила выдержки и терпения. — Это же совершенно невозможно, чтобы два флота носились взад и вперед по Атлантическому океану без единого выстрела. Это смешно! Нет, когда мы строили флот, мы полагали, что это будет флот. Он и есть флот. И будет им. И будет соответственно вести себя. Надо сейчас же решить это дело. Надо кончать агонию. Пусть Семпл держится. Как долго они еще могут гулять бок-о-бок, ничего не предпринимая?

Расторопный молодой секретарь пошел узнавать.

Тем временем лорд Парамант влез в теплую пижаму и начал набрасывать черновик блестящего меморандума президенту. Он должен быть примирительным по тону, но твердым по существу. Он должен вновь поднять нерешенный вопрос о свободе морей и облечь его в новые повелительные слова.

Вестники бедствия вошли почти одновременно к обоим вождям.

Расторопный молодой секретарь вернулся в кабинет президента.

— «Колорадо»... — сказал юноша. — Взорван... Мы потопили линкор...

Лорду Параманту эту весть принесли почти одновременно. И на лице английского вестника, освещенном каким-то похоронным возбуждением, можно было прочесть страшную новость.

— Бой! — сказал он. — Мы потеряли «Родней»...

В течение нескольких секунд сознание лорда Параманта сопротивлялось.

— Это сон, — сказал он.

Но если это был сон, то этот сон не хотел прерваться, и повесть о катастрофе развернулась перед лордом Парамантом, неотвратимая и беспощадная, словно давно написанная историческая книга.

Серый рассвет над темными водами Атлантики открыл оба флота и между ними полосу воды, шириной примерно в три мили. Оба адмирала намеревались держаться в пяти милях друг от друга, но по видимому та или иная сторона ошиблась в вычислениях или легкие суда вторглись в запретную зону. На западе плавал туман, скрывавший море. Оба адмирала, все еще надеясь на мирный исход, лихорадочно готовились к действию с того самого момента, как флоты увидели друг друга. Линкоры той и другой стороны шли кильватерной колонной, оставляя между собой более чем достаточное для маневрирования расстояние. Американскую колонну вел «Колорадо»; за ним следовали «Мэрилэнд» и «Вест-Вирджиния». Далее, чуть ближе к британцам, шли «Айдахо», «Миссисипи», и «Нью-

Затем адмирал Семпл счел нужным оповестить британского главнокомандующего сэра Гектора Грейга об общем характере полученных им инструкций.

— Я имею инструкцию, — гласило сообщение, — нести дозор в Северной Атлантике и всеми мерами воспрепятствовать каким-либо враждебным действиям против Канады и Соединенных штатов Америки в Северо-американских водах.

Сэр Гектор ответил:

— Я имею инструкцию нести дозор в водах между Великобританией и Канадой, базироваться на Галифакс и послать легкие суда вверх по реке св. Лаврентия.

И тот и другой передали эти сообщения своим правительствам. Лорда Параманта разбудили на рассвете. Он сидел на кровати в белой шелковой пижаме, пил чай и знакомился с положением дел.

— Ничего не должно произойти, — сказал он. — Грейг не должен стрелять, пока на него не нападут. Пусть он держится взятого курса. Американцы, как видно, колеблются...

В Вашингтоне была ночь, и американский президент не ложился.

Каковы британские силы? — спрашивал он.

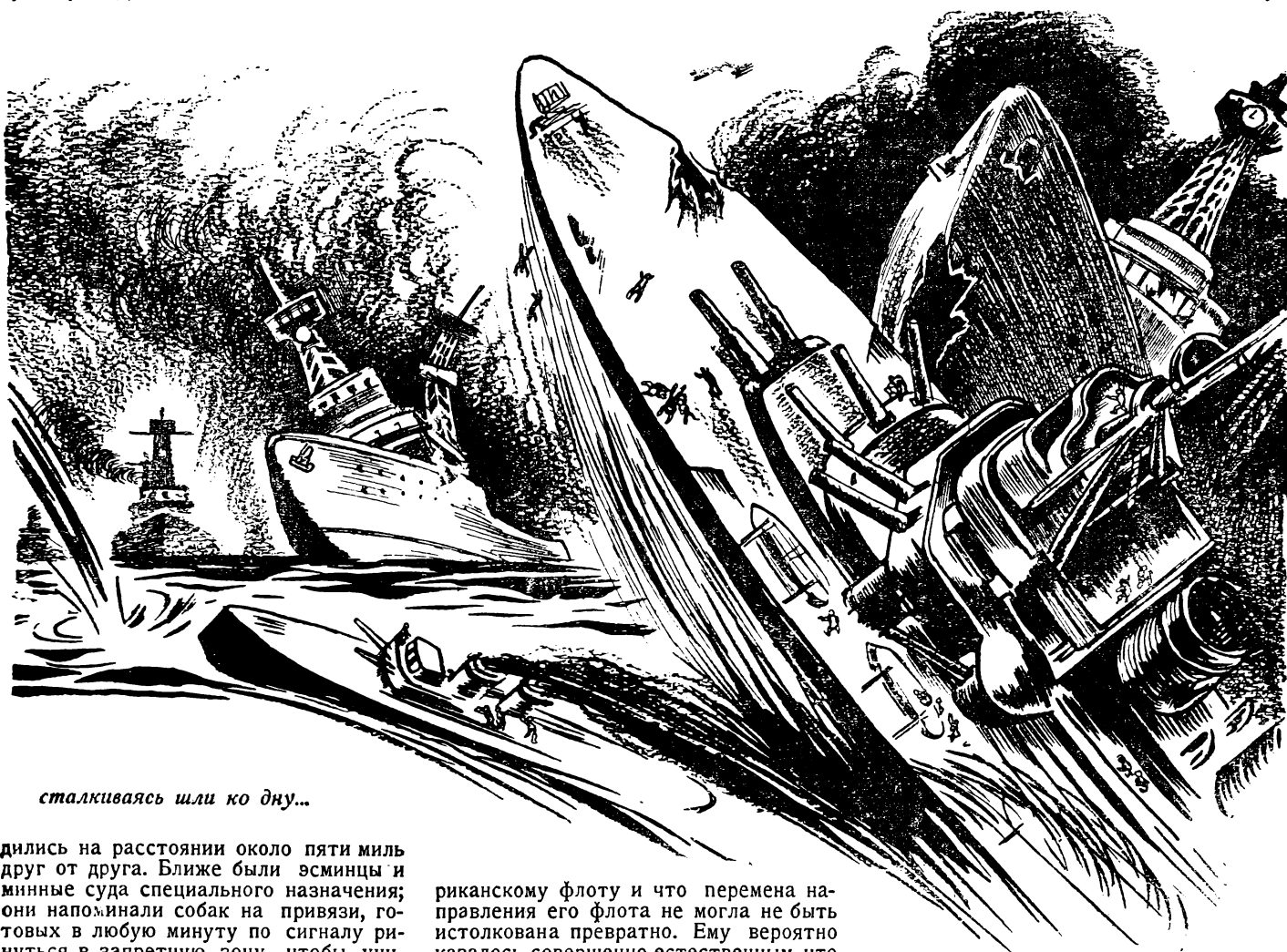
Мехико», еще дальше — «Калифорния» и по меньшей мере еще семь линкоров. Эти три группы готовы были к мгновенной перестройке трех кильватерных колонн в боевой порядок.

И с той и с другой стороны линейные крейсера следовали за линкорами. Концевым кораблем британцев был «Гуд», а авиоматки шли под прикрытием линкоров с внешней стороны колонны. За ними шли бригады легких крейсеров. Две главные колонны нахо-

может быть Грейг известил его об этом неожиданном препятствии. Может быть имела место дискуссия. Легко сидеть в кабинете, взвешивать все возможности и вероятия и доказывать, что правильной всего было бы поступить так-то и так-то. На самом же деле Грейг поступил следующим образом: он дал сигнал всему флоту повернуть на два румба к югу. Он вероятно так никогда и не узнал, что эти огромные массы льда были почти невидимы аме-

нахились должно быть в состоянии жесточайшего ужаса перед тем, что они совершали.

Кто знает? Может быть, имела место и экзальтация. Сами орудия, казалось, недоверчиво принохивались своими поднятыми хоботами. Первые аэропланы жужжа поднялись в воздух. А затем «Мэрилэнд» дал залп из всех своих малокалиберных орудий по двум ближайшим британским истребителям, и одновременно обе колонны разрази,

сталкиваясь шли ко дну...

дились на расстоянии около пяти миль друг от друга. Ближе были эсминцы и минные суда специального назначения; они напоминали собак на привязи, готовых в любую минуту по сигналу ринуться в запретную зону, чтобы уничтожить противника или погибнуть.

Подводные лодки ждали приказаний за внешним флангом обоих флотов. У британцев видимо были в резерве и минные заградители для предполагавшихся у американского берега операций. Авиоматки были готовы выпустить свои воздушные эскадры под прикрытием линкоров и линейных крейсеров.

Когда совсем рассвело, мутные глыбы тумана расступились и открыли перед нечто странное. Появились какие-то огромные массивы, напоминавшие согнутые спины исполинских чудовищ. Сначала они были темно-синие, а потом на них появились сверкающие полосы. Колонна айсбергов, плывших один за другим, преградила путь британскому флоту примерно в четырех милях от флагманского корабля. Они рыгнули из тумана подобно третьей Армаде, враждебной британскому флоту. По сравнению с ними британские лев афаны казались скорлупками. Британскому флоту они внушили ужас, словно цепь подводных скал, но до сих пор не известно, знал ли об их появлении адмирал Семпл.

риканскому флоту и что перемена направления его флота не могла не быть истолкована превратно. Ему вероятно казалось совершенно естественным, что американцы тоже переменяют курс. Американский же адмирал, понятия не имевший о появлении айсбергов, мог найти только одно объяснение маневру британского флота. Британцы, — решил он, — повернули, чтобы завязать бой.

Может быть ему тоже следовало вступить в переговоры. На самом же деле он послал снаряд из мелкого орудия прямо по носу «Роднея». Затем он замолчал — как бы вопросительно.

Оба адмирала вероятно мучительно металась между желанием предотвратить столкновение и необходимостью дать окончательный приказ к атаке. Если уж предстоит бой, то крайне важно нанести первый удар. Никто никогда не узнает, сделал ли в тот момент один из адмиралов еще одну попытку договориться с противником. Все очевидцы вспоминают эту паузу, но никто не может сказать, длилась ли она несколько секунд или несколько минут. Во всяком случае в течение какого-то ошутимого отрезка времени оба отряда гигантских боевых машин надвигались друг на друга без единого выстрела. Тысячи обреченных людей, составлявших экипажи обоих флотов,

лись таким чудовищным орудийным громом, какого наша планета никогда еще не слыхала.

Неизбежное свершилось. Америка и Британия готовились к этому событию в течение десяти долгих лет, заявляли, что оно никогда не совершится, и неустанно готовились. Все инстинкты расы воспламенялись всеми возможными средствами для того, чтобы создать повод к этому конфликту. И все же в эти последние секунды и Грейг и Семпл вероятно испытали чувство изумления. Вображение бессильно перед этими последними секундами, когда грохот раздробляемого металла, шипение вырывающегося пара и кипение воды развеяло, искрошило, растопило их изумление.

«Колорадо» принял на себя соединенный удар «Роднея» и «Роял Соверена». Их одновременные залпы пробивали его броню в нескольких уязвимых местах. «Колорадо» исчез, охваченный пламенем, которое с воем вознеслось к небу вместе с высоким столбом дыма. «Родней», его главный противник, разделил его судьбу. Шестнадцатидюймовые орудия «Колорадо» и «Мэрилэн-

да» вспороли ему бок, что-то случилось с его рулевыми механизмами; не теряя хода, он начал описывать циркуляцию, и «Роял Северен», ослепленный вторым залпом «Мэрилэнда», с ужасающим грохотом врезался в середину борта. Торпеда с аэроплана довершила, по словам некоторых очевидцев, катастрофу. Но это сомнительно. Американские воздушные силы вступили в бой весьма энергично, но не столь быстро.

«Родней», — рассказывает очевидец, — сначала как бы осел в воду, а потом стал донуть, кормой книзу; его бесчисленные орудийные башни вздымались высоко над «Роял Совереном» и люди падали с его палуб дождем. Потом он перевернулся и исчез под водой подле самого «Роял Северена». Гигантская волна кипящей воды отшвырнула «Роял Северна», как детскую игрушку. Его подбитый нос был изуродован столкновением. В то время, как он нырял и качался над останками «Роднея», «Мэрилэнд» дал по нем второй залп. Его оглушенные и конуженные командоры проявили величайшую храбрость. «Роял Северен» немедленно ответил из всех своих восьми тяжелых орудий и продолжал сражаться, пока не перевернулся и не последовал в пучину за флагманским кораблем. В британской колонне был тоже охвачен пламенем «Уорспайт», а на «Гуде», сильно поврежденном соединенным огнем «Аризоны», «Ок-ахомы» и «Невады», произошел ряд взрывов. «Айдахо» также горел.

Так начался этот чудовищный бой. После первого столкновения исчезли все признаки упорядоченного руководства. Чтобы построиться в боевой порядок, главные силы должны были повернуть, прорывая неприятельскую линию, и даже этот основной маневр не был выполнен. В дальнейшем уже не было никаких комбинированных тактических операций. Быстрое чередование приказов является необходимым условием современного морского боя. Но после первого же столкновения все средства связи были уничтожены. Сигналирование стало абсурдом, и бой вступил в ту фазу, когда дело могли решить только орудия. Обе колонны, уже разбившиеся на три основные группы, сражались теперь вплотную, используя все орудия. Каждый корабль искал мишени поближе и делал все, что было в его силах, одновременно лавируя, чтобы избежать минных атак, грозивших ему из всеобщего хаоса и дыма. Легкие суда сражались поодиночке между линкорами, пользуясь каждой возможностью, чтобы выпустить мину. Вскоре появилась туча аэропланов; они поднялись со своих маток и жужжали вверх в дыму и огне. Темперамент и традиции обоих флотов толкали их на отчаянные атаки, и ни одна сдача или бегство не омрачили безумного великолепия этой трагедии.

Никогда еще ужасающая мощь современной артиллерии не имела возможности проявить себя на столь малом пространстве. Гигантские корабли сражались на расстоянии двух миль и того менее. Каждый снаряд попадал в цель. Впервые в XX столетии линкоры таранили друг друга. «Роял Ок» налетел на «Тенесси», и они столкнулись носами. «Нью Мехико» протаранил «Вальянту» середину борта. Он дал задний ход, пытаясь освободиться от своей жертвы, но тут же был протаранен «Малайей». Все три корабля так и не могли расцепиться и

продолжали сражаться, пользуясь легкой артиллерией, пока не утонули, причем оба британских корабля сделали отчаянную попытку взять «Нью Мехико» на бордаж.

Частый огонь по ближайшему противнику — был единственный приказ. — «Стреляйте торпедами по наиболее крупной мишени!»

Бой медленно распадался на ряд отдельных столкновений. Дым пылающих кораблей и многочисленных дымовых завес темнил небеса и плавал плотными черными глыбами, непрерывный гул взрывов, извержения пара и воды, вспышки раскаленного металла, потоки огня оглушали, ослепляли, создавали хаос, сквозь который пробирались наощупь легкие суда, чтобы уничтожить или быть уничтоженными. Когда возшло солнце и золотой день пронзил своими лучами дым и пламя, длинная линия первого столкновения была уже изломана и разорвана на куски. Линкоры и линейные крейсера, еще не бывшие из строя, разбились на группы: «Кинн Элизабет», «Бархем» и «Уорспайт» вели изолированный бой с «Пенсильванией», «Миссисипи» вокруг все еще горевшего и тонувшего «Айдахо». Все три британских корабля прорвали американскую линию, увлекая за собой противников. Это дикое кружение продолжалось далеко к югу от места первоначальной стычки до тех пор, пока не замолкли все орудия и искалеченные враги не последовали один за другим на морское дно.

Исполнская американская авиатка «Саратога» была вовлечена в эту чудовищную пляску смерти; по ее палубам пронесся ураган огня, и она не могла больше оказывать помощь аэропланам. Тем не менее она столь удачно использовала свои восьмидюймовые орудия, что осталась единственным уцелевшим от этой схватки кораблем. К полудню кроме нее оставалось еще пять кораблей. На палубах «Саратоги» находилось до тысячи спасенных ею людей. Большинство воздушных торпедоносцев уже выпустило все свои торпеды и кружило высоко над боем, пока не вышло горючее; они падали один за другим и тонули. Два-три аэроплана сели на айсберги.

Вест-Вирджиния, сражавшаяся к западу от группы «Роял Северена», налетела на один из этих айсбергов и пошла ко дну. «Ревендж» и «Резольюшен», страшно искалеченные, но все еще держащиеся на воде, оказались к полудню отрезанными льдом от центра сражения и уже не могли вступить в него вновь.

После первого столкновения гигантских кораблей роль истребителей стала весьма важной. Они сражались в черном, удручающем тумане, и подчас им приходилось подступать вплотную к какому-нибудь кораблю, чтобы отличить своего от врага. Они вели между собой ожесточенные бои и не упускали случая выпустить мину в каждое более крупное судно, попадавшееся им на пути.

Воздушные торпедоносцы оказались особенно сильным оружием в борьбе с легкими крейсерами. Они имели возможность подняться высоко над хаосом сражения и точно установить местонахождение неучтенной жертвы. Они неожиданно низвергались вниз и никакие зенитные орудия не могли причинить им ни малейшего вреда. Говорят, что «Невада» была потоплена английской подводной лодкой, но никаких

иных свидетельств успешных действий подводных лодок в этом бою нет. Одинаково возможно, что «Невада» наралась на пловучую мину, ибо, как это ни невероятно, один британский минный заградитель успел положить несколько пловучих мин.

К трем часам пополудни сражение фактически кончилось. В половине четвертого установилось нечто вроде перемирия — перемирие от изнеможения. Американский флаг еще веял над жалкой кучкой судов к югу-западу, а британцы были разбиты на две группы роковой колонной айсбергов, вторгшихся в сражение. Громадные ледяные глыбы медленно плыли по водам сражения, сверкая в ярком дневном свете. Их вмешательство несомненно обрадовало обе изнуренные стороны. Ни та ни другая не возобновляла боя, поскольку уж он был прерван.

Так бессильно кончился бой в Северной Атлантике. Это не был бой в прямом смысле этого слова, это было столкновение, ошеломяющая кровопролитная перестрелка. Пятьдесят две тысячи человек, отборных и вытрезившихся, в расцвете сил, были утоплены, заживо сварены, разорваны в куски, искрошены, раздавлены, как мухи молотком.

И тогда только до сознания усталых и оглушенных противников дошли радиовести с родины. Им было приказано прекратить огонь и направиться к ближайшей базе.

Оставшиеся в живых адмиралы, капитаны и старшие офицеры, по мере того как расстреливалось одно радио за другим, постепенно приходили к убеждению, что ими была совершена величайшая ошибка. Бой произошел по недоразумению, и теперь они должны были торопиться с «оказанием всемерной помощи терпящему бедствия противнику», как гласила британская инструкция.

Сначала возникло сомнение, как обращаться со спасенными противниками и выловленным снаряжением, но в конце концов было решено рассматривать их как военнопленных и военную добычу. Это повело впоследствии к горчайшим взаимным упрекам.

Еще до наступления ночи началась дискуссия, которой суждено было стать бесконечной, — дискуссия, имеющая вне всяких сомнений «величайшее» значение для человечества: кто «выиграл» бой в Северной Атлантике? Участники боя уже начали приводить в порядок и готовить к изданию свои путанные воспоминания...

Весь мир был повергнут в изумление. Не только в Лондоне и Нью-Йорке, но повсюду, где люди живут в городах, известие о бое вызвало «удовищное смутение». Ночь сменила день, но на всей планете улицы городов были ярко освещены и переполнены возбужденными толпами. Газеты выходили почти без перерыва, по мере того, как поступали свежие новости, и радио-станции затопляли и настороженный мир вестями. Становилось ясно, что британский и американский флоты фактически уничтожили друг друга. Что будет теперь, когда две самые мощные державы скинуты с международных весов? Это событие было достаточно, ужасно само по себе, но последствия, которые оно влекло за собой, — последствия, о которых никто до той поры не думал, — были неизмеримо более ужасны и гибельны для человечества.

Перевод с английского

В. Стеница

Американцы следили за каждым движением „настоящих русских большевиков“...

Б О С Т О Н

Путевой очерк Е. Клиновского

Рис. Н. Кочергина

Сквозь сетку дождя на вокзальных часах еле видимые стрелки показывали 9. Неприятным казался громадный застекленный фонарь, накрывший пол сотни подъездных путей с тяжело дышащими локомотивами и суетящейся, но странно молчаливой толпой.

С проводником мы вышли на улицу. Почему-то все мы были уверены, что сразу же нам придется ехать на пароходы и приниматься за привычную работу. С некоторым удивлением, даже неудовольствием, принимается известие, что суда еще находятся в ремонте в доках завода «Атлантик Воркс» и нам придется прожить не меньше месяца здесь в Бостоне в ожидании окончания ремонта.

Уже через два дня весь Бостон знал, что где-то на Маджинал-стрит в Ист-Бостоне живет первый отряд большевиков, состоящий из шестидесяти человек. Самый факт прибытия «этих» большевиков казался бостонским жителям весьма значительным и даже опасным. Пресса постаралась выставить нас в таком свете, чтобы по возможности не привлечь к нам даже проблеска симпатий у населения.

Газетчикам казалось странным, почему русские капитаны, «офицеры» и даже простые кочегары и матросы так неохотно дают себя интервьюировать.

В Америке ницт возможность попасть в газету. Сознание, что имя и фамилия какого-нибудь мистера или миссис Стэн мелькнуло на страницах газеты или журнала, льстит самолюбию этого мистера или миссис. В каком освещении это преподнесено, будь-то скандальный процесс, описание хулиганской шутки или хвalebный дифирамб уму и щедрости — им безразлично.

Погоня за сенсацией изменила самде лицо газеты. Самый характер американских газет и журналов явно рекламный.

Больше двух третей какой-нибудь пятидесяти-страничной газетицы занято рекламированием и описанием товаров и продающихся или сдаваемых в аренду земельных участков и зданий. Первые страницы этих газет резко отличаются

от «наших» советских изданий. Наши «Правда», «Гудок» «Труд» и др. о событиях, имеющих характер политический или экономический, пишут в первую очередь и на первой странице. В Американских же газетах статью, определяющую направление газеты, едва ли отыщешь ближе шестой, а то иногда и десятой страницы.

Первую же страницу занимают другие более «важные» известия. Там-то, тогда-то, сын такого-то миллионера повенчался в автомобиле, заставив пастора стоять рядом с шофером. Из тюрьмы в Чикаго досрочно выпущен всеми любимый (?), бесстрашный красавец бандит ирландец Ореини. Дирижеры и певец джаза — «Маджестик» божественный Руди Валлис сломал ногу и не будет выступать, пока не выздоровеет, и много-много другой подобной ерунды. Телеграммы застревают где-нибудь на задворках, позади объявлений или заметок об очередных матчах и аэро-мото-велогонках. Кому интересно, думают редакторы, читать всякие там известия, что где-то в Англии сменен кабинет, или в Марокко вспыхнуло восстание, — гораздо нужнее знать, как чувствует себя собачка мисс Софи Вандербильт, которую (не мисс, а собачку) свободно можно уместить на ладони и которая стоит что-то очень много долларов.

Так из года в год газеты обрабатывают читателя, воспитывают покорных, не думающих о политике граждан.

Представьте себе всеобщее изумление, когда наши ребята даже не поинтересовались, что за статью состряпали о них, и не восхитились предупредительностью бостонской газеты, бесплатно и так досконально их описавшей. Ведь эта самая газета как-то раз «разругала» даже самого Форда за пренебрежительное отношение к обществу любителей и покровителей кровавого собаководства, а тут вдруг... какие-то матросы и так к ней отнеслись.

Ну, уж и расписали же за это нас впоследствии! Вот к примеру одно такое произведение, написанное повидимому специально для воскресного чтения скупающих старичков, в утреннем воскрес-

ном выпуске «Бостон-График» за 12 января:

Русские большевики в Бостоне.

«Все представления о большевиках опрокинуты. Все, что о них было говорено и говорится, должно подвергаться тщательной проверке и критике.

В настоящий момент в Бостоне находятся две команды советских моряков. Из наблюдений за ними (?), из разговоров с прислугой отеля и пр. мы узнали, что на Меджинал-стрит, по соседству с морским домом св. Марии, где они временно жили, сейчас Амторгом снято у м-ра Кинга (3 Меджинал-стрит) пятиэтажное здание для помещения вночь приезжающих команд.

Мы крайне изумлены тем, что нам удалось видеть в общежитии русских моряков в Ист-Бостоне.

Совсем нет бородатых. Все бреются и очень старательно. Одеваются вполне по-европейски и не только не уступают жителям Бостона в манере держать себя и свой костюм, но даже проявляют хороший вкус.

Их 60 человек. С капитаном и офицерами даже кочегары обращаются как с равными себе! Почти половина моряков молоды. Вообще возраст большинства из них колеблется от 20 до 35 лет. В общежитии их в отличие от бординхаузов, норвежцев и испанцев, находящихся по соседству с домом св. Марии, никогда не бывает ни буйства ни драк. Вообще же эти моряки очень мало имеют такого, что мы привыкли считать присущим людям моря. Они очень аккуратны. В от ле м-ра Гри (29 Фелон-сквер), где временно до 16 января проживает 14 из них, не могут припомнить случая, когда бы они опоздали к столу или за рывтию дверей. Русские моряки — на редкость музыкальны, многие из них великолепно поют, играют на струнных инструментах, а некоторые даже (!) на пианино.

Все вопросы, которые интересуют команду, решаются на собраниях, которые собираются ежедневно.

В Бостоне мы прожили месяц. Вынужденные признать, что ни погромов

ни убийств в городе с приездом большевиков не при авилось, печать сконфуженно замолчала. А «большевики» разгуливали по Бостону, посещали музеи и единственный, как и в Нью-Йорке, оперный театр и составляли послужной список Бостона, игравшего когда-то роль передового культурного центра.

Бостон — самый старый город на восточном берегу Америки. Нью-Йорк и Монреаль долго не имели значения большого порта и общественного центра, каким был Бостон. В Бостоне происходили первые собрания республиканской партии англичан-колонистов, обсуждавших право штатов на самоопределение. Около него и в нем происходили бои между английскими королевскими войсками и колонистами. Но все это в прошлом. Сейчас Бостон получил уже другую, мрачную славу. Здесь еще недавно погибли Бартоломео Ванцетти и Николо Сакко. Здесь в страшных круглых тюрьмах Чарльстона и Синг-Синга (одноименный с нью-йоркским), выстроенных специально для политических, содержится еще одна сотня пронумерованных обезличенных людей. Имена Фостера, Майнора, Амтера, Раймонда и других рабочих лежат на соvestи Фуллеров и Уоллов.

В итальянском квартале города, по соседству с которым мне привелось жить в отеле м-ра Гри, в одном из подвальных помещений есть небольшая зеленая лавочка. В ней на стене, в черной рамке висит небольшой портрет Николо Сакко, брата владельца лавочки. Здесь же в смежных комнатках живут родные Николо. Десять минут, проведенные в обществе родных казенного, будут памятны нам троим, посетившим эту комнатку.

— Николо собирался уехать в Италию, — говорит молодая еще, но уже изможденная, повидимому много пережившая женщина, жена брата Сакко. — И мы много и тяжело работали и молились за него, чтобы отправить его здорового и молодого обратно домой в Торрамаджоре. Но все случилось по иному. Я теперь не хожу в церковь, я теперь не верю, я узнала, кто по настоящему управляет судьбами людей.

Напротив, чуть наискось, через улицу, красная католическая церковь-школа. Звонко-голосые итальянские ребятишки выбегают из открытых настежь ворот. На них еще не в полной мере сказалась система порабощения человека человеком, но уже видны первые ее признаки. Почтительно и молча подходят дети к старому падре в белой пелеринке и целуют благославляющую руку. Неверующих не должно быть. Великолепно разбирающийся в людях и следящий за ними падре хорошо может обмануть ребенка.

— Нас так же учили, — продолжает женщина, — не противиться злу. И Николо прежде тоже слышал эти слова.

Горестно склоненная голова и заломленные руки женщины не вяжутся с оглушительно рекламируемым «процветанием» Штатов.

Около Бостона, в расстоянии нескольких километров раски-

нулись два городка. Эти городки имеют свое особенное лицо и своих особенных жителей. Это города-университеты Кембридж и Гарвард, тезки английских колледжей. Многочисленные обитатели, все эти юноши и девушки, носящие форму и знаки своего колледжа, имеют своеобразнейшие взгляды на свое нахождение в учебном заведении. Если спросить такого паренька, что он делает сейчас, делал прежде и что думает делать впредь, он наверняка ответит:

— Гарварду нас ни за что не обставить. Мы, кэмбриджцы, тренируемся и будем тренироваться, пусть это каждому из нас будет стоить лишнего года сидения в колледже, но нас они не осилят.

Спорт — вот что влечет в колледж богатую молодежь. Для спорта они согласны даже посещать скучные лекции. Учиться в колледже и в других американских высших учебных заведениях могут лишь люди состоятельные или дети таких людей. Плата за учение в год — что-то около 250 долларов. Само собой разумеется, что в такой университет кто-то, имеющий такой карман, почти никогда не попадает.

Все американские университеты и в том числе бостонские очень богаты. Они имеют свои музеи, библиотеки, хранящие не одну сотню тысяч томов, свои спортивные стадионы. Но на всех этих музеях, библиотеках и всяких других учреждениях, имеющих назначение быть светочами науки, лежит что-то гнетущее. В этих громадных залах, набитых бесценными сокровищами, не чувствуешь себя так же хорошо, как где-нибудь у себя в Эрмитаже, Третьяковке или Русском музее.

На дверях зала, где хранятся картины мастеров нидерландской и итальянской школ, вывеска: «коллекция, пожертвован-

ные м-ром Томасом Мослей-сыном (крупными буквами и жирным шрифтом), состоящие из картин: Веласкеса, Рубенса, Тициана и др. (мелко).»

Даже при беглом взгляде на эти собрания редчайших книг, скульптур, картин, археологических древностей, неприятно поражает бессистемность и вот именно это выпячивание никому ненужных имен владельцев. Рядом с книгой, напечатанной еще Гуттенбергом, находится зулусское вооружение и макеты построек римских терм. Славянская живопись чередуется с найденной где-то в высохших руслах Нила двоякодышащей рыбой. Эта-то неразбериха и действует так угнетающе. Это не музей, где можно учиться, а какая-то грандиозная селалка редчайших вещей. В этом и заключается неуютность этих покоев зал, где торговцы показывают, прикрыв сусальным золотцем научности, собранные скуки ради коллекции. Смотрите, мол, мне это долларов стоило, а я вот бесплатно показываю.

Группами, по два-три человека разбредались мы по городу и разглядывали морщинистое и подкрашенное его лицо и рекламы, затмевающие все виденное прежде в Лондоне и Гамбурге. Я простаивал часами глядя, как по фронтону здания пробегают змейкой сверкающая дорожка, а по дорожке два зеленых сапога совершают торжественное путешествие с одной стороны здания на другую. Колоссальная пробка бесшумно вылетает из горлышка матовой бутылки, и электрическая влага как настоящая течет в фужер. На огромных с гребешками волнах, чуть покачиваясь, движется светящийся парокход.

А рядом с ним в светящемся колесе мечется туда и обратно лиса, распустив пушистый хвост.

Все эти бегущие лисицы, бутылки со стреляющими пробками, лайнеры, дымящие из всех своих четырех труб, шагающие по небу сапоги вещают миру, что только у такой-то фирмы можно купить несравненные по качеству сапоги, вино или мех.

Перед глазами зрителя эти мишурные блестящие могут образовать тяжелую завесу и через нее можно не разглядеть настоящего, не подрисованного лица города. Уже на расстоянии одного квартала от Вашингтон-стриты или Скаллайсквера вы попадаете в полосы тишины и необычайного покоя. Скучный свет от керосиновых ламп над воротами и стеклянные трубки с горящим газом над дверями адвокатов или у квартир сапожников и портных плохо освещают эти переулки. Наружные фасады десятиэтажных громад кажутся падают на узкую и грязную улицу. Развешанное на протянутых через улицу веревках сохнувшее белье заставляло опасливо нагибаться и проходить поближе к стене.

По скрипящей деревянной лестнице, точно такой же, как у нас где-нибудь в деревянном домике на Охте, поднимаюсь в третий этаж одного из таких мрачных домов. Тут на Стенифорд-стритт, подальше

Мистер Стен чувствовал себя героем, увидев свое имя на страницах газеты...

от «зорких» глаз американских полисменов, уютится в двух комнатах клуб русской колонии. Только что кончилось собрание, на котором внимательной аудитории предложена была беседа о пятилетке в Советском союзе и проистекающих отсюда обязанностях всех сидящих в этом «зале». Шумно и с интересом расспрашивают эти заблужденные на другую половину земного шара русские американцы о том, как живет сейчас страна, которая прежде называлась Россией. Потом своими силами организуют концерт. Из наших ребят, находящихся в клубе, выбирают тех, кто может аккомпанировать на рояле, гитаре или еще каком-нибудь инструменте.

Как не похож этот клуб на другой, находящийся на Бойлстон-авеню «Клуб богатых»!

В Америке сухой закон. В Америке преследуются все, кто пьет или продает вино, но... это не касается посетителей и владельцев «Клуба богатых». В «Клубе богатых» играет негритянский джаз. У негров — неподражаемый бесподобный смех, они не надуманны, естественны в своем заражающем весельи. Неожиданно бравурные и вдруг тоскливые мелодии среди хаоса невероятнейших звуков заставляют радостно улыбаться даже англичан и — о, удивление! — голландцев и белобрсых сосредоточенных матросов скандинавов. Барабан неистовствует, необычайные инструменты вроде кофейников и березовых поленьев выводят такие замысловатые рулады, что положительно диву даешься.

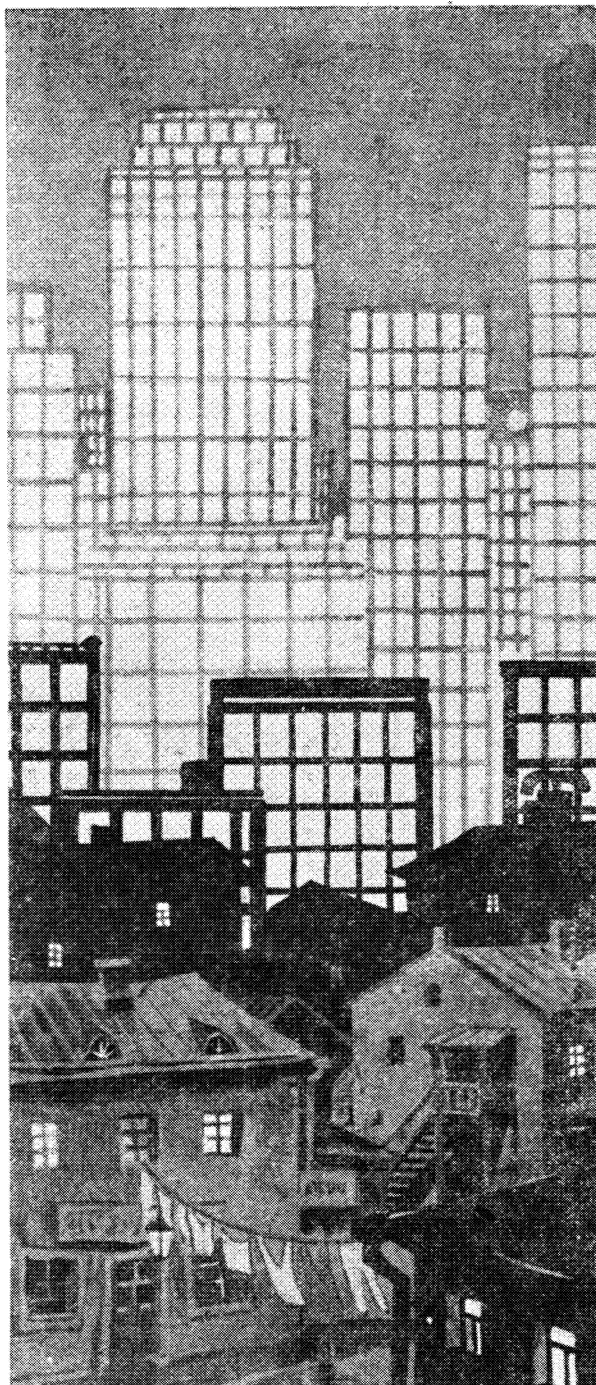
Этим неграм платят хорошо, этих негров «любят», но есть другие негры. Я рассорился с Тарасюком из-за случая в негритянском квартале Бостона. Тарасюк с 19 лет в Америке. Он был и плотником и рабочим на ферме. Был хобо и сидел в тюрьме за пристрастие к неоплаченным путешествиям.

Вывишись из рабочих в мастера и смотрители цеха, он стал самостоятельным человеком. У него есть возможность иметь два автомобиля и катать на них своих знакомых.

Вечер опустился быстро и застал нас в квартале «Джерри» или «цветных» (негритянская улица). С улыбкой наш проводник сказал, что здесь чаще чем где-либо может произойти несчастный случай. Улица темна, обитатели темнокожие не различать и...

Он еще не закончил своих разглаговлствований, когда вдруг через улицу перебежала маленькая девочка-негритянка. Развив величайшую скорость, Тарасюк умудрился на мгновение погасить фары и зажег их перед самым носом ребенка, ослепив и испугав его до такой степени, что лицо девочки из черного превратилось в серое и застыло в какой-то непередаваемой grimase ужаса.

— Черная собака! — прошипел новый янки. Повидимому он и ему подобные

У подножия небоскребов ютятся лагуны рабочих кварталов Бостона...

такую штуку проделывали довольно часто и привыкли к ней, так как уже через минуту он вновь весело улыбался. Я выразил свое мнение по поводу этого шоферского искусства. Тарасюк недоуменно посмотрел на меня и почти обиделся, когда мы попросили остановить машину и вышли.

Лицо девочки-негритянки запечатлелось в моей памяти неизгладимо. О случаях линчевания темнокожих нам рассказывали в клубе. Негры получают лишь две трети заработка белых. Они должны жить в отдельных кварталах и иметь своих священников, адвокатов и врачей. Экономическое и политическое бесправие — вот удел этой группы населения «просвещеннейшей» страны.

Из Бостона в Нью-Йорк мы ушли 9 февраля. Все работы по проверке машины и вспомогательных механизмов были закончены. Не хватило времени лишь на покраску наружных частей парохода, и судно вышло из дока с бортами, пестревшими красными пятнами.

Трап убрали. Не слышно обычного при швартовках и отвалах шума.

Палуба еще не убегает из-под ног, а представляет твердую опору и кажется непоколебимой в своем неестественном горизонтальном положении.

По вновь окрашенным бабкам кнехтов, сдирая свежую чернь, поползли в клюзы стальные концы. Из-под троссов извиваясь поднялась струйка дыма, и запах горелой пакли ударил в нос.

— Потравливай помалу, потравливай. Трави!

Троссы побежали быстрее. Громыкнула и умолкла лебедка. Капитан отдает приказание внешне спокойно, но в голосе его есть что-то, что выдает нервозность его состояния. Повидимому лихорадка ухода охватила и нашего «старика».

Перебегая через открытые двери штурманской рубки с одной стороны мостика на другую, он внимательно смотрит, как идут концы. Поминутно взглядывая на часы, досадливо трясет седой головой. Когда нужно, рука машинально поднимается, и резкая трель свистка, похожего на милицкий, рвет воздух. Седые щетинистые усы капитана внимательно опускаются книзу.

— Отдать швартовы!

Дрянный деревянный буксирчик послушно копошится у борта.

Из-под кормы взмывает кипящая пена. Стремительно рванулись в клюзы троссы. Стальными витками сверкнув, плеснулись в воду и, шурша и скрежеща по железному борту, поползли на палубу.

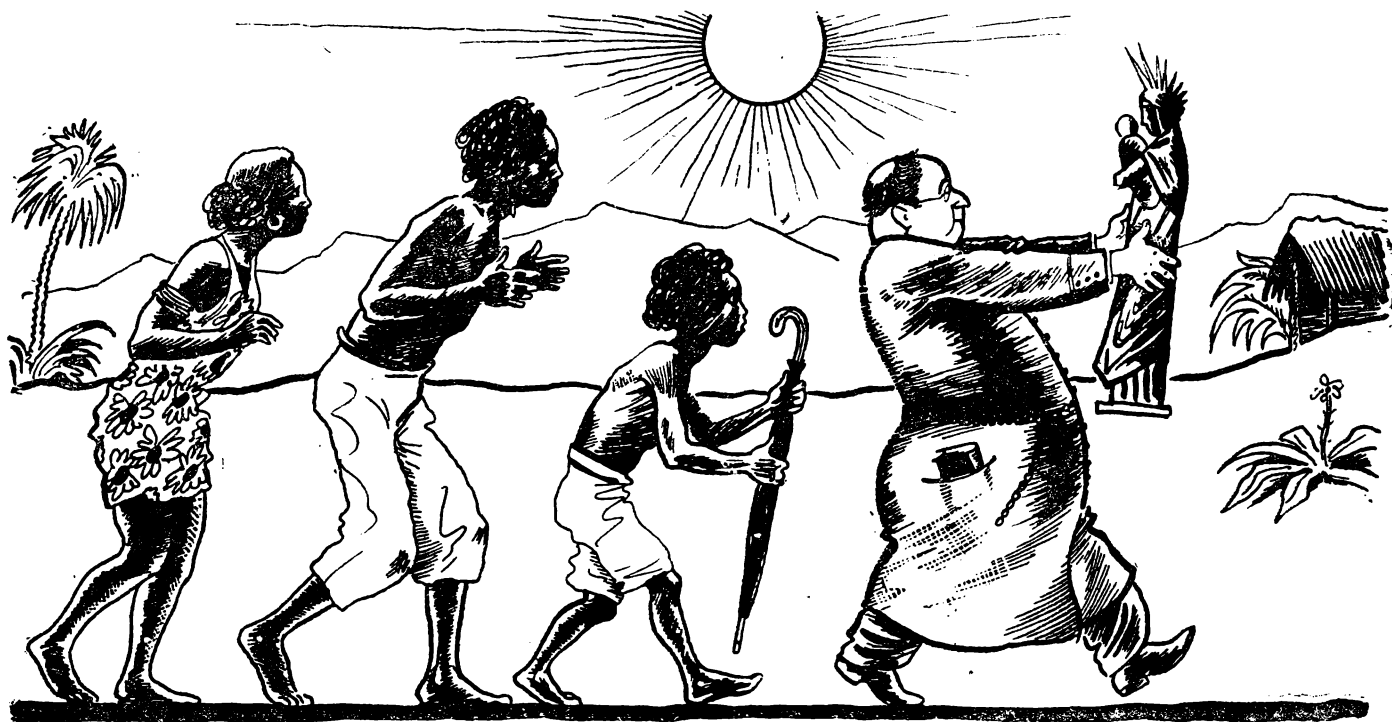
Медленно, с еле заметным ускорением судно скользит на середину Чалз-ивера.

По пирсу на самый конец бежит с фотографическим аппаратом запоздавший к моменту уборки трапа Андрей Дивенко.

Наскоро раздвинув ножки штатива, он примеряется увековечить наши печальные физиономии, торчащие в оль фальшборта, и наше судно, испещренное яркими пятнами сурика.

В кубрике, свесив ноги с верхней койки и в три погибели согнувшись под бимсом, Марков терзает гитару. «Вы по-тану-ули-б канаты проклятые. Вот она жизнь моряка».

За кормой плещется взбаламученная первыми поворотами винта серая неласковая вода.

Патер потащил „чудесную“ статую к себе в церковь...

ШКОЛА ЧУДЕС

Рассказ Г. Моррис

Рис. Г. Фитингофа

Туземцы, составлявшие паству отца Бриллинга, были добры и послушны. Подчиняясь воле патера, они даже согласились носить платья, а мужчины ходили в коротких штанах. Это было единственным «достижением» патера Бриллинга.

Раз в месяц все население деревни, за исключением китайца Винглу, владельца лавочки, и самого отца Бриллинга, уходило в горы, якобы для ловли креветок и омаров в горных озерах, а также за апельсинами и фаней (род бананов). На самом же деле ежемесячные отлучки предпринимались ради посещения могил предков, украшенных идолами из дерева и камня. Но патер особенно не волновался. Восставить против существовавших на острове обычаев ему было лень.

Однажды, во время такого массового трехдневного отсутствия всей деревни, отец Бриллинг, слонаясь без дела по главной улице, забрел в хижину плотника Туртурей и увидел на верстаке грубо вырезанную из дерева пуа фигуру какого-то идола.

— Ах, он бессовестный! — воскликнул патер. — Вот он чем занимается, оказывается!.. А еще считается столпом церкви и громче всех орет псалмы!

Дерево пуа похоже на индийскую смоковницу, или баниан. Но баниан или индийская смоковница годятся лишь на то, чтобы служить насестом для ворон, а дерево пуа является ценным материалом, годным для всевозможных из-

делий. Когда оно еще свежее, из него можно вырезать все, что угодно также легко и свободно, как из куска сыра. Когда же дерево как следует высохло, оно твердеет все больше и больше, пока не становится твердым, как железо.

Приятный желтоватый цвет пуа и лежавший тут же рядом прекрасный набор отточенных инструментов ввели скромного патера в искушение. Застыв в хижине плотника, он на целых два дня, т. е. на время отсутствия хозяина, превратился в резчика и художника.

Прежде всего патер Бриллинг вытащил грубое изображение идола из станка и, повертев его в руках, нахмурился и сжал губы. Туртурей как и всегда подготовил свою работу с полным знанием дела. Каждый человек, знакомый с идолами острова, мог догадаться, что Туртурей собирался изобразить божка с узким черепом, свинными глазками под косматыми бровями, огромными ушами и огромным крючковатым носом. Под этими намечавшимися отвратительными чертами отец Бриллинг начал усматривать возможность изобразить нечто совсем другое. Еще в детстве он удачно вырезывал из букового дерева трости с собачьими и лошадиными головами. Схватив инструменты, патер принялся за работу...

Туртурей, самый спокойный и уравновешенный из всех туземцев был несказанно потрясен происшедшим во время его отсутствия волшебством в его ма-

стерской. Выбежав из дома, он громкими криками собрал вокруг себя своих соплеменников; в ужасе тыкал он пальцем по направлению своего жилища. Вместе с туземцами в хижину плотника вбежал и патер. Его работа находилась на токарном станке, там же, где он ее оставил.

— Ну, Туртурей, что же такое с тобой приключилось? — спросил патер с самым невинным видом. Туртурей указал на изображение.

— Я начал делать совсем другое, — сказал он в замешательстве. — Эта штука предназначалась для украшения парусной лодки. А теперь...

— Да ведь это мадонна! — воскликнул отец Бриллинг. — И ты вырезал ее из дерева?

Туртурей в смущении теребил свой рукав.

— Когда я отправился в горы, — твердил он, — резьба была начата в виде фигуры для парусной лодки. А когда я вернулся, она оказалась такой...

— Неужели ты хочешь сказать, что это не твоя работа?

— Да как бы я мог сделать это? Ведь я никогда не видел белых женщин? — прошептал плотник.

— Ты прав, я об этом не подумал! Но, если статуя вырезана не тобой, то кто же мог сделать за тебя эту работу? Ведь на острове нет другого резчика, значит совершилось чудо! Скорей Туртурей, становись на колени! Я также вместе с тобой вознесу хвалу

господу! — И они оба опустились на колени среди желтых стружек, склонив головы перед «чудесным» изображением.

Затем отец Бриллинг благоговейно понес статую в маленькую церковь.

Теперь перед патером Бриллингом выросла новая задача: чудесное изображение нужно было окружить соответствующей роскошью, например украсить жемчугами. Время для этого было самое подходящее. Начался лов жемчужных раковин в лагуне. Лов был удачен — и туземцами было предоставлено отцу Бриллингу право выбирать самые лучшие жемчужины для украшения статуи. Скупщикам на этот раз пришлось удовлетвориться жалкой добычей: мелким, бесформенным или тусклым жемчугом. Зато и денег и товаров они оставили в поселке много меньше, чем в прошлые годы. Жизнь туземцев стала еще более жалкой, пища хуже и скуднее. А все самые ценные жемчуга передавались отцу Бриллингу.

Проходил год за годом. Началась война. Молодые туземцы с острова принуждены были идти сражаться под французскими знаменами. Только один из них вернулся на родину. Это был Райхоа. Повидав свет, он научился говорить по-французски, ему довелось повидать Бордо, Париж, Нью-Йорк и Лондон. С Райхоа — за эти годы произошла большая перемена. Благодаря виденному он стал скептиком и вдумчивым человеком, предлагавшим отцу Бриллингу нескромные вопросы, на которые затруднительно было отвечать.

— Я единственный из всех ушедших на войну товарищей вернулся домой. Правда ли, что бог был на нашей стороне?

Патер досадливо морщился и спешил перевести разговор на другое:

— Я часто вижу, как ты разговариваешь с китайцами, не забудь, что они язычники! О чем же вы разговариваете?

— О чудесах, — ответил Райхоа.

— О чудесах? — воскликнул отец Бриллинг, побавровев. — О каких таких чудесах?

— А помните ли вы, святой отец, что в то время, когда случилось чудо святой девы, в деревне не было никого, кроме вас и этих китайцев? И пока вы работали в лавке плотника Туртура, маленькие китайчата подглядывали за вами через окошко.

— Тогда как раз подвернулся такой удобный случай. Райхоа, когда я очутился наедине с чурбаном из дерева пау и у меня оказались под рукой хорошо отточенные инструменты, мною овладело искушение. Без вдохновения я не мог бы вырезать изображение, а вдохновение это тоже в своем роде чудо!.. А теперь, когда они уверовали, было бы нехорошо отнять у них веру, — сказал отец Бриллинг.

— Разумеется! — насмешливо улыбаясь произнес Райхоа, но знаешь, если бы они получили обратно жемчуг, они пожалуй утешились бы. Они получили бы возможность провести воду в свою деревню так, чтобы в каждой хижине был блестящий медный кран. И кроме того, на эти деньги можно было бы купить машинку для делания льда, который нам так необходим, а может быть устроить даже и больницу...

Но отец Бриллинг наотрез отказался отдать жемчуг.

— Но может быть, — возразил Райхоа, — если святой отец помолится как следует, можно будет найти повод отдать жемчуг народу?

— Для того, кто молится, все возможно, — торжественно произнес миссионер.

— Так вы помолитесь хорошенько, святой отец, — закончил беседу Райхоа.

Началась ловля жемчуга и большинство жителей деревни двинулось к верх-

нему концу лагуны, где находились раковины.

В этом году улов был не особенно удачен, если не считать удивительной находки, сделанной Райхоа. Крик торжества, вырвавшийся у него, заставил выбежать на берег всех жителей поселка. Найденная им жемчужина была необычайно велика и отличалась необычайной красотой. При одном виде ее люди широко открывали глаза от изумления.

— В обмен на такую жемчужину — подумал отец Бриллинг, — я охотно отдал бы все другие. Когда волнение немного улеглось, патер обратился к Райхоа:

— А что ты будешь делать с этой огромной жемчужиной? Продашь скупщикам?

— Нет, я согласился бы обменять свою жемчужину на весь тот жемчуг, который спрятан у вас в церкви. — Райхоа вопросительно взглянул на патера. Патер утвердительно кивнул головой.

Обмен состоялся. Скупщики жемчуга проводили бессонные ночи.

Прошли годы. В поселке провели водопровод. Райхоа пользовался уважением и почетом.

Однажды патер Бриллинг временно уезжал на материк. Большую жемчужину он «для верности» взял с собой. Вернувшись, он имел длительное и бурное объяснение с Райхоа.

— Что ж, я прошел у вас хорошую школу чудес. Они совершаются не только на нашем острове, — заявил искатель жемчуга. — Они повидимому совершаются и в больших городах, как Париж. Там в витринах магазинов имеются и еще более крупные жемчужины. Их можно купить... за восемьдесят обесцененных франков. Знаете, святой отец, для вашей статуи такой жемчуг достаточно хорош. А настоящий пошел на постройку водопровода.

Перевод с англ. В. Арена

— Чудеса совершаете не только вы, — говорил Райхоа ошеломленному патеру..

СУДЬБА ЗЕЛЕНОГО ОСТРОВА

Очерк С. Марвича

Рис. Н. Кочергина

25 апреля 1916 года безупречный английский джентльмен подавился от возмущения, взглянув на первую страницу экстренного выпуска газеты. Газетам в этот день выходить не полагалось. Старая Англия праздновала пасху, а в пасху нет ни газет ни развлечений. Но по ту сторону неширокого пролива св. Георгия произошли такие события, что понадобилось открыть газетные типографии. Лондон был сбит с толку этими событиями, Лондон потерял всякую сдержанность, Лондон ошалел от злобы. Праздник был испорчен. Пасха, время вообще было невеселое. По ту сторону узенького Ламанша сразу же у моря начинались прорытые в земле злоеющие траншеи, в которых миллионы солдат дожидались потери здоровья или жизни. Здесь стлались по низу газы, тяжело ползали первые танки и самолеты, поднимаясь много выше, чем пасхальные жаворонки, сообщали артиллерии, какой требуется взят прицел.

Но к войне Англия привыкла. Она ее ждала давно, не переставала думать о ней. А вот к тому, что в разгар этой войны по ту сторону пролива св. Георгия вооруженные ирландцы выйдут на улицу атаковать английское господство, — к этому уважаемые джентльмены не были подготовлены. Джентльмены стискивали зубы от бешенства и требовали решительных мер. Они требовали жестоко проучить эту каналью-ирландца, ибо он в один день испортил игру английских политиков. Во время войны эти политики изо всех сил уверяли, что Англия защищает тех, кого угнетает германская военщина. И вдруг ирландец, взяв винтовку в руки, заявляет всему миру, что он недоволен британской властью, британским покровительством. На куски разорвать

этого ирландца! На глазах у детей! Пусть правнуки помнят и трепещут!

26 апреля из Англии в Ирландию выехал с неограниченными полномочиями генерал Максвелл. Еще через три дня открылся после пасхального отдыха парламент. Первый министр, человек с открытым лицом и развевающимися седыми волосами, говорил длинную речь на тему о том, что ирландский народ, приняв тяжелый урок, осудит безумцев. В эти же часы генерал Максвелл произносил свою первую речь в Дублине. Речь генерала была очень коротка. Он не считался выдающимся оратором и без особого умственного напряжения произносил только: «Стройся!» и «Пли!» Но английским джентльменам такие речи в эти дни казались наиболее исчерпывающими ирландский вопрос.

Когда-то в далекой старине Ирландия считалась богатой и цветущей. Теплое течение на пути в Европу первым омывало этот остров. Ему доставалась самая щедрая доля влаги и тепла. Зеленили пашни и сады острова, тучнел скот на жирной траве. Плодородную страну называли «Зеленым островом».

Остров зеленел вплоть до конца XVI века. К этому времени англичане, воевавшие в течение четырех столетий за обладание островом, достигли того, что ирландцам уже не могли помочь ни теплое течение, ни богатая земля. Войны и набеги англичан превратили «Зеленый остров» в глухую пустыню. «Проклятие неба тяготеет над этой страной, — писал один путешественник. — Можно пройти всю страну из конца в конец, не встретив на пути ни одного мужчины, ни женщины, ни ребенка».

Мрачная работа завоевателей была завершена через полвека. Английский диктатор дворянин Кромвель, фанатичный непримиримый враг католиков (Ирландию населяли почти сплошь католики), прешел с сильной армией остров из конца в конец, вырезая на пути все население. Из похода Кромвель доносил на родину, что бог благословляет предпринятое им дело.

Зеленый остров терял свою веселую окраску. Победители угоняли скот, выжигали посевы, разрушали поселения. Ирландцев продавали в рабство за море. Оставшимся на острове было приказано переселиться в глухую провинцию Коннаут, тощая земля которой не привлекала англичан. Того, кто отказывался переселиться в Коннаут, немедленно убивали. Кромвель был твердо убежден, что после смерти ирландца ожидает ад, и приказ Кромвеля гласил: «В ад, или в Коннаут».

Шаг за шагом, опустошая Ирландию, истребляя и выселяя ее население, англичане завладели почти всеми хорошими землями. Эти земли английское правительство роздало своим верным слугам, а от них ирландские крестьяне получили землю в аренду. Так долгие века ирландский крестьянин прозябал на арендуемой у победителей земле. За землю он платил почти столько же, сколько добывал каторж-

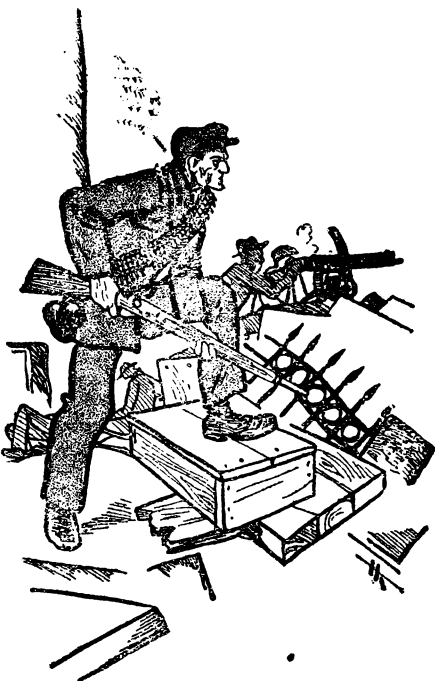
ным трудом, и весь свой век дрожал, как бы не согнали его с участка.

Англичане день и ночь заботились о том, чтобы Ирландия никогда не сумела выйти за пределы нищеты. Один ирландский политический деятель с горьким юмором писал, что на примере ирландцев англичане пылливо изучают, как далеко можно углубиться в страну нищеты, и с каждым годом все дальше и дальше угоняют ирландцев в эту страну. Едва начали в Ирландии работать верфи, как английский король издал закон, запрещавший ирландским судам ввозить товары в Англию и в колонии. После этого закона ирландские верфи замерли.

«Грабь Ирландию, но следи за тем, чтобы она не развивалась и не мешала английской торговле», — этим правилом неуклонно руководствовались англичане, управляя Зеленым островом. Чуть только развивается в Ирландии скотоводство, как появляется закон о запрещении вывоза скота из Ирландии в Англию. На шерстяные изделия накладывают высокую пошлину, и шерстяная промышленность Зеленого острова сходит на-нет. Ирландцы пробуют разводить лен, появляются первые ткацкие фабрики, но английское правительство не дремлет. Оно вводит такие законы, что ткацкие фабрики закрываются, и тысячи ткачей остаются без хлеба.

Зеленый остров продолжает пустеть. Крестьяне десятками тысяч покидают страну. Голод и болезни гуляют по

Англия
пожам
ланди
«свобод
ле

Повстанцы овладели улицами
Дублина...

милостиво
дала Ир-
ландии титул
«коро-
левства»

стране. Ирландия, считавшаяся подвластным Англии королевством, лишается всяких намеков на прежние куцые «вольности». С начала прошлого века она входит в состав Соединенного королевства. В самом большом городе Ирландии — в Дублине высится дворец («Дублинский замок»), в котором расположились английские власти. Англичане твердо знают, что представляет для них Ирландия. Владея Зеле-

ным островом, они неуязвимы с моря. Если в Ирландии укрепится другая сила, это означает смертельную угрозу морскому владычеству Англии. «Дублинский замок» жестоко правит страной. Он изгоняет все, что напоминает ирландцам об их прошлой независимости. Он зорко следит за всеми теми, кто поддерживает у ирландцев надежды на освобождение от англичан. Но иногда «Дублинский замок» начинает вдруг заигрывать со страной. Он дает неопределенные, туманные обещания каких-то реформ. И страна не верит этим обещаниям. Об отношении ирландцев к таким поворотам политики «Дублинского замка» лучше всего говорит старая ирландская пословица: «Берегись трех вещей: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина».

Своими лицемерными улыбками «Дублинский замок» не мог прекратить борьбу ирландцев за независимость. Этим улыбкам не верили на Зеленом острове. Остров никогда не был спокоен, сколько бы ни держали на нем англичане солдат. Сколько бы ни держал «Дублинский замок» явных и тайных шпигов, ему не удастся предупредить вооруженные вылазки ирландцев. Много раз восставшие обитатели Зеленого острова наносили жестокие удары по английской короне. Много раз казалось, что вот-вот англичане будут сброшены в море. Но один раз у ирландцев не хватило сил, другой раз не было единства, третий раз восстание провалили подкупленные англичанами главаря. Англичане не жалели денег на подкуп. Чтобы провести через ирландский парламент закон о полном воссоединении Зеленого острова с Англией, английские власти отпустили 12 миллионов рублей золотом. Депутаты ирландского парламента считали себя горячими сторонниками независимости Зеленого острова, но в то же время они смертельно боялись революционных всплесков и с большой симпатией относились ко всякому золоту, с какой бы стороны оно ни приходило. Англичан эти депутаты как будто не любили, но под защитой английского солдата они чувствовали себя вполне спокойными за свои поместья и капиталы, а блеск английского золота смягчал их неприязнь к британской короне.

Мы это видели не только в Ирландии. Гоминдановцы с удовольствием

— Бог благословляет мое дело, — говорил Кромвель, разоряя Ирландию.

пользовались самоотверженностью китайских рабочих и крестьян в походе на север против старых губернаторов, которые мешали буржуазии. Но когда оказалось, что у рабочих имеются свои особые классовые цели в этой борьбе, буржуазные националисты с полной готовностью примирились и со старыми губернаторами и с иностранными завоевателями лишь бы раздавить рабочих.

По всей Ирландии ходили листы и густо покрывались подписями голосовавших против полного соединения с Англией. На этих листах насчитали около миллиона подписей. А листы, на которых расписывались сторонники Англии, собрали всего 7 тысяч голосов. Народные массы ясно выразили свою волю. Но за 12 миллионов чистым золотом английские власти купили себе в ирландском парламенте могучее большинство. Ирландский парламент объявил себя распущенным, а Зеленый остров полностью и окончательно присоединен к Англии.

Набеги англичан превратили Зеленый остров в унылую пустыню...

Депутаты получили свои деньги, но это не было концом великой борьбы Зеленого острова. Борьба продолжается еще целый век. Буржуазные националисты, крича на весь мир о своей любви к угнетенной родине, все же закинали народ «во имя почтения к королю, во имя религии» воздерживаться от всяких вооруженных выступлений. Но народ не слушал этих советов. Больше ста лет назад начали свою работу ирландские профсоюзы. Они были тогда настолько сильны, что всерьез пугали фабрикантов.

Год от году Зеленому острову жилось все хуже и хуже. Население постоянно уменьшалось. Бедность железным обручем сжала Ирландию. В Англии окончательно решили, что обитатели Зеленого острова безнадежно погрязли в тупости и невежестве. Ирландец становится карикатурной фигурой. Над ним смеются в юмористических журналах, в театрах. Нескончаемый дождь насмешек падает на голову ирландцев. Ирландец-дурачок, ирландец-простофиля, ирландец-колпак, — вот образ Зеленого острова. Английская армия горланит «Типерери» — песню про глупого «Падди»*. Падди — это ирландский Ивашка дурачок — пишет любимой девушке в Ирландию идиотское письмо. Он просит ее немедленно сообщить ему, если она не получит этого письма.

— Хо-хо, — вот дурак-то! — смеются веселые англичане.

Если в этом письме много ошибок, то Падди сваливает вину на плохое перо, а он тут не при чем.

— Вот дубина!

Падди уезжает из Лондона к себе на родной остров. С билетом в кармане он идет накануне отъезда по Лейстер-скверу, где гуляет и веселится благородная публика. Падди, извольте ли видеть, разнежился и объявляет леди и джентльменам, что хотя ему и приятно возвращаться в таком благородном обществе, но ничего не поделаешь, — надо уезжать. Прощай Пикадилли, прощай Лейстер-сквер, путь Падди лежит в Типерери, где живет его милая.

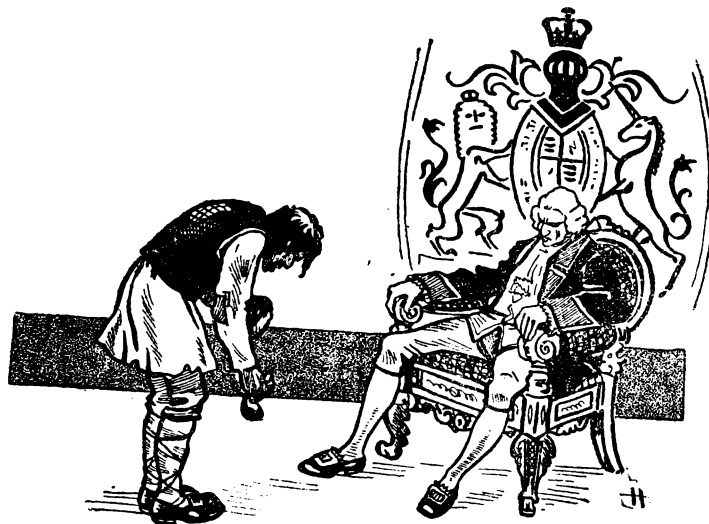
— Ну, и бада ирландец! — самодовольно ухмыляются англичане. — С суконым рылом в калашный ряд! Подумаешь, какая потеря для лондонского общества, если грязный ирландец покидает его. Били этих идиотов, целые века били и еще, видимо, бить надо, потому что не научились они скромности.

С песней о глупом ирландце английские полки подавляли восстание сипаев, высаживались в Египте, маршировали к Пекину, жгли негритянские деревни, брали Капштадт. Они и тепе поют эту песню, но она устарела и потеряла всякую остроту.

В течение всего XIX века ирландцы яростно борются за независимость.

* Уменьшительное от имени Патрик. Патрик — самое распространенное имя в Ирландии.

Революционная организация «Фениев»* организует заговоры и восстания. Они наносят чувствительные удары английскому господству, но все же эти удары не настолько сильны, чтобы свалить англичан. Фении стояли в стороне от широких масс крестьян и рабочих и этим обрекли свою борьбу на неудачу. Все же в английском парламенте раз-

Ирландец выпрашивал в аренду у английского лорда свою же землю...

даются голоса за то, чтобы дать ирландцам самоуправление. Надо было что-то сделать для Зеленого острова, конечно возможно меньше, — авось прекратятся эти беспорядки.

Твердолобые того времени издавательские встретили это предложение. «Самоуправление Падди? Пожалуйста, любопытно, что он будет с ним делать. Вст потеха-то будет!» Но это были только шуточки твердолобых. Когда дело доходило до решения, они неизменно отказывали ирландцам в самоуправлении. Твердолобых было в парламенте большинство. Если же закон проходил через парламент, его отменяла палата лордов.

Лишь перед самой мировой войной прошел куций, урезанный закон о самоуправлении Ирландии. Но и тут твердолобые не сложили оружия. Они заявили, что если самоуправление распространится также и на север Зеленого острова, то неизбежно в Ирландии разгорится гражданская война. А как-раз на севере, в провинции Ольстер, твердолобые владели текстильными фабриками, машиностроительными заводами, гигантскими верфями. Твердолобые не желали быть объединенными с остальной Ирландией. Они закупали оружие, свозили боевые припасы и ждали только сигнала, что бы наброситься на южную Ирландию. Война помешала схватке. Из-за войны Ирландия не получила самоуправления. Англичане пообещали дать его Зеленому острову после победы над немцами.

В пасхальную неделю 1916 г. ирландские республиканцы подняли восстание. Тогда-то и был отправлен в Дублин молчаливый генерал Маквелл. Восставших было всего 2 тыс. человек.

* «Фениями» в древней Ирландии назывались легендарные храбрые воители.

У англичан в Дублине стояло вдвое больше солдат, но все же «Дублинский замок» запросил подкреплений. Каждый день прибывали в Дублин новые английские отряды.

Повстанцы захватили почтамт, вокзалы, фабрики, склады и выпустили первый номер своей газеты. Повстанцы вплотную подошли к «Дублинскому замку».

Англичане повели осаду захваченных повстанцами кварталов по всем правилам военного искусства. К этому времени у Маквелла имелись уже — сильная артиллерия, броневики и даже бронированный поезд. Английский крейсер вошел в реку и начал обстреливать рабочий клуб, находившийся в руках повстанцев.

28 апреля армия Маквелла состояла из нескольких десятков тысяч солдат. Но победа нелегко давалась англичанам. Две тысячи кое-как вооруженных повстанцев дались как черти. Маквелл начал бомбардировку занятых кварталов. У повстанцев пушек не было, и все же медленно, слишком медленно двигался Маквелл к своей цели.

В Дублине начались пожары. Английские снаряды зажигали новые и новые дома мирных жителей, не принимавших никакого участия в восстании. Повстанцы были окружены. Им не удалось прорваться сквозь густые цепи английских войск.

Среди двух тысяч волонтеров, поднявших восстание, были представители самых различных классов и политических партий Ирландии. Но большинство состояло из рабочих, для которых восстание было средством не только национальной, но и классовой борьбы. Командовал силами повстанцев рабочий деятель Конолли, отдавший свою жизнь борьбе за освобождение пролетариата.

Кольцо английских войск замкнулось. Продолжали разрываться снаряды над домами ни в чем неповинных ирландцев. Борьба стала бесполезной. Маквелл потребовал сдачи «без условий». Вожди восстания отдались в руки английской полиции на тихой улице в небольшой табачной лавочке, которая долгое время служила конспиративной квартирой ирландских революционеров.

Маквелл начал расправу. Один за другим умирали под пулями вожди повстанцев. Последним 12 мая был казнен Конолли. Он был тяжело ранен во время восстания и не вставал с кровати. В военно-полевой суд его доставили на носилках. Судили лежащего. Конолли говорил слабым голосом, военные судьи его не слушали. Приговор был написан заранее.

После смертного приговора Конолли унесли на носилках обратно в «Дублинский замок», где содержались арестованные. Ему дали пожить еще несколько дней. Англичане все еще не могли решить, как они казнят Конолли. В четверг 12 мая в тюрьму вызвали жену и дочь Конолли на последнее свидание. В ту ночь Конолли впервые крепко заснул за все время. Но английский закон требует разбудить приговоренного за несколько часов до смерти, чтобы он имел время подумать о своей жизни, о своем конце и

раскаяться. За два часа до казни дежурный офицер положил руку на плечо спящего Конолли. В камеру входили жена и дочь.

В четыре часа Конолли понесли на место казни. Нести было далеко — за четыре мили ст «Дублинского замка». На месте казни палачи спорили, каким способом убить Конолли. Конолли ждал на носилках окончания этого спора. Английский офицер осведомился, может быть Конолли сумеет все-таки встать. Ведь это будет последним усилием. Нет, Конолли, раненый в руку и ногу, не мог шевельнуться. Тогда одному из офицеров пришла в голову блестящая мысль. Поставили стул, к нему прислонили носилки с Конолли. Он был расстрелян на носилках.

Окончилась война, англичане продолжали держать в тюрьмах тех, кто боролся за независимость Ирландии. Но Зеленый остров попрежнему доставляет много беспокойства британской короне. Борьба не прекращается. Напряженно проходит 1920 год. Ирландские республиканцы совершают набег за набегом на английские казармы, чтобы завладеть оружием. Англичане наводняют Зеленый остров полицией и солдатами. По Дублину расхаживают патрули в полном боевом снаряжении, громят танки, пушки. Над городом реют самолеты. Британская корона демонстрирует свою мощь. Запрещены всякие собрания, в том числе и спектакли. Назначены крупные награды за головы самых опасных бунтарей. Аресты и обыски идут днем и ночью.

Но никакими танками историю вспять не повернешь. В конце 1921 г. англичане вынуждены дать Зеленому острову такие же права на самоуправление, как Канаде, Австралии и т. д. Но провинция Ольстер выходит из состава Ирландии и управляется самостоятельно. Твердолобые постояли за себя.

Отныне южная Ирландия называется Ирландским свободным государством. Английские власти покидают Дублинский замок, откуда столько веков подряд правили Ирландией. Дублинский замок переходит к ирландскому правительству. Спешно проводится граница между Свободным ирландским государством и Ольстером, где окопались консерваторы. Ольстер становится тем районом, откуда английская реакция всегда будет угрожать Ирландии.

Борьба временно прекратилась. Но вся свобода ирландцев, за которую Зеленый остров заплатил такими жертвами, заключена лишь в названии нового доминиона. Ирландское свободное государство очень несвободно. Оно представляет собой лишь часть Британской империи. У Ирландии нет ни армии ни флота. Англия держит в Дублине своего губернатора, сама вступает в переговоры за Ирландию со всеми государствами. Победа оказалась очень посредственной.

А что выиграли рабочие и крестьяне от соглашения? В напряженные моменты борьбы с Англией вождь ирландских буржуа-республиканцев обращался к рабочим массам с призывом стать на сторону республиканцев. «Мы просим рабочих соединиться с нами, — писал де-Валера, — чтобы сделать страну свободной. Мы понимаем, что не можем достигнуть этого без помощи рабочих, и мы говорим, что когда рабочий поможет освободить эту страну, он получит свою долю».

Ирландия получила право доминиона, но ирландский пролетариат ничего не получил от своих недавних союзников. Когда после соглашения с англичанами к временному ирландскому правительству явилась делегация дублинских рабочих с требованием помочь им в борьбе с безработицей, министры призвали рабочий класс к терпению. Это — все,

что они могли ответить. За восемь лет своей власти буржуазные националисты ни разу не поступились своими классовыми интересами. Ирландская буржуазия ничем не отличается от буржуазии английской. Она так же преследует стачки, революционные газеты, революционные профсоюзы. Она сажает революционеров в тюрьму и пускает полицию в ход против рабочих демонстраций. Дороги ирландских рабочих и буржуазных националистов разошлись и никогда не сойдутся.

Ничего не получило и ирландское крестьянство. И тут землевладельцы оказались на страже своих интересов. Власти жестоко преследовали бедноту за захват помещичьих земель. Суд карал за это строго и решительно. Буржуазия не провела земельную реформу, которую столько раз обещала ирландскому крестьянству, когда нуждалась в его помощи в борьбе против англичан.

Борьба окончена, крестьянство и пролетариат остаются в прежнем положении — такова негласная, но твердо проводимая программа ирландской буржуазии. Лицо Зеленого острова не изменилось. Бедность попрежнему царит в рабочих кварталах и в деревнях. Англичане ушли, но остался еще один враг, которого предстоит вытеснить с острова. Рабочие и крестьяне никогда не примирятся с негласной программой ирландской буржуазии. Они опрокинут и буржуазию и ее программу.

Путь Ирландии — это путь, о котором говорил коммунист Конолли, сын расстрелянного англичанами вождя дублинских повстанцев — Джемса Конолли. Это — неустанная борьба с буржуазией; ей, Советам, диктатура пролетариата. И тогда Зеленый остров снова станет цветущим островом, станет свободной страной трудящихся ирландцев.

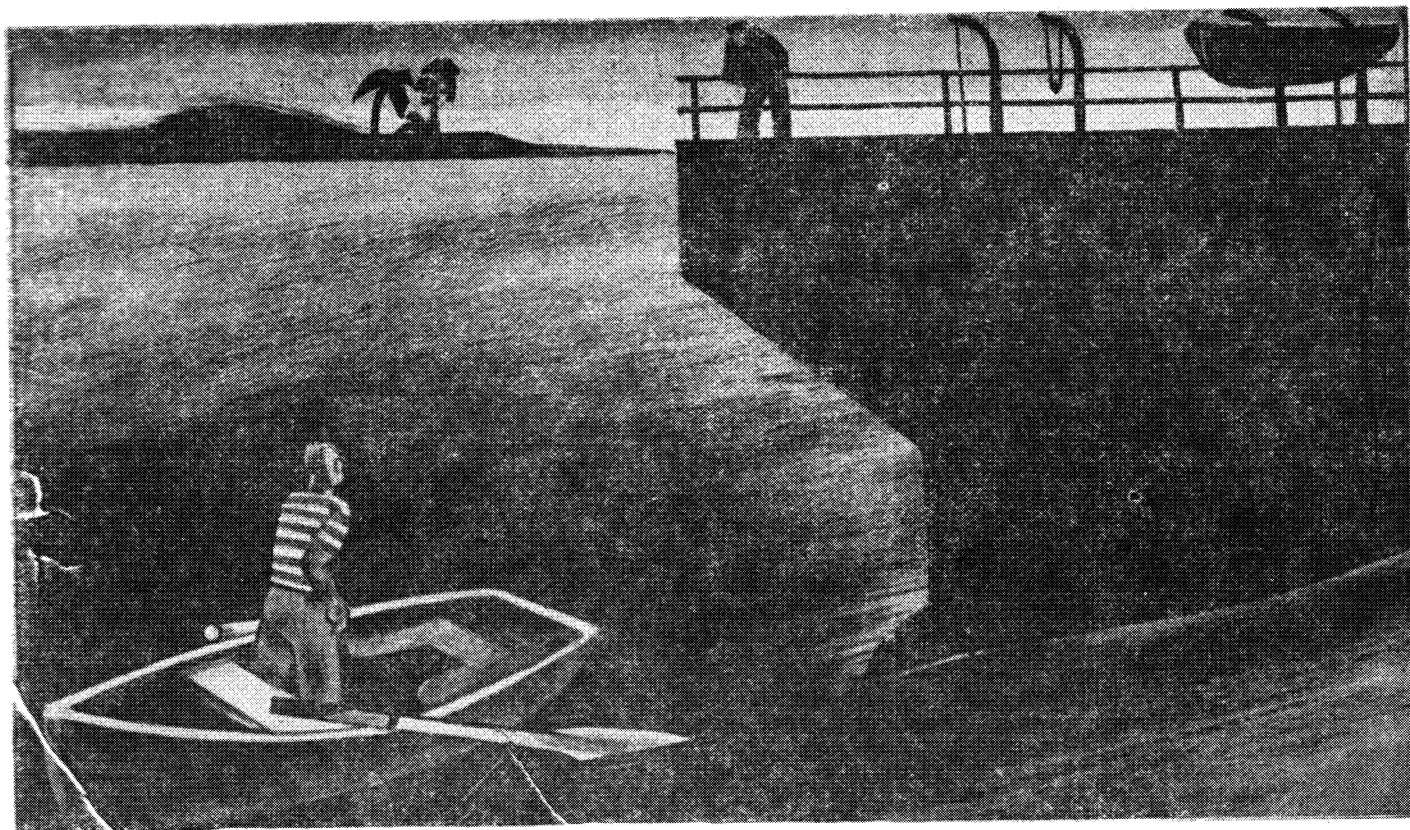
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА „ВОКРУГ СВЕТА“

Подписавшимся на журнал „Вокруг света“ с приложением 36 книг „Библиотеки романов“ разосланы следующие книги:

О. В. Гайль — „Лунный перелет“; М. Розенфельд — „В песках Каракума“; Н. Крыленко — „В неизведанные выси“; М. Тьерри — „Капитан Джемс Кук“; Н. Можарский — „Особая Дальневосточная“; Б. Лапин — „Журналист на границе“; В. Новодворский — „Коронка в пиках до вала“; З. Рихтер — „Мои путешествия по суше, морю и воздуху“; А. Жербо — „Один в океане“; Л. Берман — „В новую Мангазею“

ПЕЧАТАЮТСЯ И БУДУТ РАЗОСЛАНЫ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:

А. Альман — „Борьба за Северный и Южный полюсы“; Ю. Стеклов — „Огюст Бланки“; П. Голубь — „Ян Фабрициус“; Д. Конрад — „Теневая черта“; Е. Руссат — „Свэн Гедин“

— Через минуту ваша лодка пойдет ко дну! — кричал капитан с корабля...

БЕШЕНАЯ АКУЛА

Рассказ С. Емелина

Рис. Б. Нечаева

— Вот он идет и прихрамывает. Знаете, как его зовут? — «Бешеная акула!» И это прозвище находится в тесной связи с его хромотой...

Говоривший указал мне на штатского, по внешнему виду иностранца, ковылявшего по портовой стенке. Обветренное лицо его выдало моряка, хотя на голове была не капитанская кепка, а фетровая шляпа. Проходя он взглянул на нас. В лице моряка не было ничего особенного, что давало бы повод назвать его акулой, да еще бешеной. Но взгляд его голубых глаз меня поразил. В них внезапно засветились и ужас и затаенная злоба.

Человек прошел мимо нас и не оборачиваясь, торопливо прихрамывая, направился к покачивающимся у стенки пароходам.

— Как его зовут? Кто он?

— Его фамилия — Вессон, Георг Вессон, капитан парохода «Луиза Ли». Но вот уже добрый десяток лет как его зовут «Бешеная акула». Здесь, в Балтике, это прозвище капитана Вессона еще мало кому известно. Он редко заходил в Финский залив. В Ленинграде он пожалуй в первый раз. Зато от Суэца и до Сингапура, на Цейлоне и на Борнео его иначе как «Бешеная акула» не зовут. Любой грузчик Сингапура укажет вам, где стоит судно капитана «Бешеная акула».

— Надо вам сказать, что в 1918 году, — начал мой собеседник, — я плавал под командой капитана Вессона в Индийском океане. Он и тогда командовал «Луизой Ли». Можно думать, что Вессон и умрет на этой посудине. И был момент, когда это чуть чуть с ним не случилось.

— В мае 1918 года «Луиза Ли» направлялась к берегам Цейлона. Подойдя к проливу Каррэтивоз, «Луиза Ли» бросила якорь против селения Баттикот. В этом месте песчаные мели заставляли всегда брать лоцмана.

Экваториальная ночь быстро спустилась на море и землю. Нестерпимый зной сменился чуть заметной прохладой. Подул легкий ветер. С берега доносились звуки труб «падиалей», загонявших на ночь слонов. Из прибрежных хижин неслись звуки пестиков, ударявшихся в гранитные ступки. Это женщины толкли «нели» и «карри», готовили ужин.

Море светилось фосфорическим блеском. Каждая волна искрилась и переливалась миллионами светящихся точек. Полная луна серебрила и море и зелень на берегу, а особенно прозрачная атмосфера, которая бывает только в этих широках, во много раз усиливала освещение.

События, развернувшиеся в эту ночь, зародились на несколько дней раньше.

Двадцать два моряка — экипаж «Луизы Ли» — интернациональная семья: французы, голландцы, германцы, англичане и даже один нубиец. Черный Амуду нанялся на пароход в Суэце, после того как англичанин Рольс сломал себе ногу. Капитан Вессон принял нубийца неохотно. Но что делать? С Рольсом случилось несчастье за час до отхода. Его свезли на берег в больницу. Пароход не мог ждать. А место Рольса в кочегарке никем нельзя было заменить из состава экипажа. Амуду согласился работать за плату гораздо меньшую, чем получал Рольс. Цветным всегда платили меньше, чем белым. У моряков тогда еще не было организаций, которые отстаивали бы их права. Низкая оплата труда негра, пожалуй, и повлияла окончательно на решение капитана принять Амуду. Несколько фунтов разницы всегда пригодятся капитанскому карману.

— Черномазый, на тебе не будет заметна угольная пыль, — таким заключением капитан Вессон дал свое согласие на прием Амуду.

Весь рейс нубиец честно работал. В самые убийственные часы зноя он стоял у топок и подбрасывал уголь. Его тело блестело от пота, смешанного с угольной пылью. Ни разу никто не слышал, чтобы Амуду выразил недовольство или просто заявил об уста-

лости. Но капитан даже без всякого повода придирался к Амуду и говорил ему оскорбительные вещи. Каких только кличек он ни придумал для нубийца! Амуду все сносил молча. Матросов удивляли его покорность и выдержка. Том Брэд часто укорял нубийца:

— Ты трус, Амуду! Разве можно спокойно сносить все, что говорит этот болван? Он загонял тебя. Какого чорта ему нужно? Ты работаешь, как машина.

Амуду только улыбался, сверкая белыми глазами.

Но даже и машина нуждается в передышках для ремонта. Так случилось и с Амуду. Дней за пять до Цейлона железная натура нубийца не выдержала. В этот день зной был нестерпим. Команда на палубе казалась, что в легкие попадает не воздух, а расплавленное олово. Можно себе представить, что творилось в кочегарке.

Амуду вышел из кочегарки, не достояв вахты. Он обессилел от огня и жара топок и свалился под тентом у борта. Том Брэд увидел в каком состоянии находится нубиец и принес ему чашку воды. Он был уже в нескольких шагах от товарища, когда между ним и Амуду внезапно выросла фигура капитана.

— Что это за скотина валяется! — загремел капитан. — Эй, ты, черномазая харя, вставай!

Амуду не мог отвечать. Он только посмотрел на капитана и бессильно уронил голову на палубу. Вессон шагнул вперед и толкнул нубийца ногой. Амуду не шевелился. Он был в обмо-

роке. Тем временем Том Брэд обошел позади капитана и, словно не замечая его, стал на колени около Амуду. Он намочил ему голову водой и хотел влить несколько капель влаги в рот нубийца.

— Нежности! — заревел Вессон. — Убирайтесь к чертям, Брэд, со своей водой! Черномазая образина встанет и без вашей помощи. Негодяй притворяется!

Том продолжал, не слушая капитана, приводить в чувство товарища. Вессон взбесился окончательно.

— Вам говорят, Брэд, бросьте нежничать с этой сволочью. А ты, чортова образина, вставай!

Амуду не двигался. Брэд спокойно продолжал смачивать ему голову. Тогда Вессон схватил чашку с водой и швырнул ее за борт. Брэд медленно поднялся на ноги и шагнул к капитану. Его большая рука мелькнула в воздухе и в тишине раздалась звонкая пощечина. Капитан пошатнулся, схватился левой рукой за лицо. В правой руке у него блеснул револьвер.

Наступила тишина, еще большая чем была до этого момента. Каждый из экипажа слышал, как бьется сердце его соседа. На палубе повисло ожидание выстрела. Револьвер в руке капитана медленно поднимался и остановился на середине груди Брэда. Томительное мгновение. Но Брэд выдержал его, и револьвер скрылся в кармане белых капитанских брюк. Вессон отрывисто приказал:

— Боцман, заковать Тома Брэда! В трюм!

Рыжий, как апельсин, ирландец О'Кролли с четырьмя капитанскими любимчиками подошел к Брэду.

— А этой сволочи, как только придет в чувство, дать две вахты в наказании! — указал Вессон на лежавшего Амуду и ушел в каюту.

Брэда свели вниз.

Сидя в трюме, он имел достаточно времени, чтобы подумать о случившемся. Было ясно, что по приходе в порт капитан сразу же выдст его полиции. Капитан на английском судне пользуется неограниченными полномочиями в случае бунта. А то, что сделал Брэд, суд каждой капиталистической страны квалифицирует, как проявление бунта. Да и какой чудак-судья станет находить смягчающие вину обстоятельства для матроса, ударившего своего капитана? Брэд отлично понимал это и знал, что его ждет. Одно только оставалось для него загадкой, — почему Вессон не застрелил его? Но он ничем не мог объяснить такой выдержки Вессона. Мысли Брэда перенеслись на другое.

«Год тюрьмы, — самое меньшее, — думал он. — А потом — «бичкомерство». Короче говоря, ни один капитан не возьмет к себе на судно «бичкомера» — выгнанного матроса. Пощечиной капитану Брэд заработал себе волчий билет. Место грузчика в порту тоже недостижимо для «бичкомера». В лучшем случае хозяин какой-нибудь полупиратской джонки китайских контрабан-

Над бортом показалась темная голова нубийца...

дистов, где не обращают внимания на документы, может его принять. Но такая перспектива не улыбалась Брэду. Хорошо еще, что он одинок. Значит придется заботиться только о себе.

И все же Брэд знал, что он прав. Он чувствовал, что пощечина, которой он угостил Вессона, была протестом не только его одного и возмездием за хамское отношение к товарищу. Нет, эта пощечина была протестом всего коллектива моряков.

Все же мысли Брэда принимали не-веселую окраску. Будущее было слишком мрачно. К тому же тропическая жара в душном трюме убийственно действовала на нервы. Скованные руки и ноги затекали.

В узкие щели люка он видел полоски света, которые четыре раза сменялись темнотой. Том Брэд отсчитывал дни по перемене освещения в щелях люка. Небольшое разнообразие в эту четырехдневную трюмную жизнь узника вносил француз Леру. Он два раза в день ставил Брэду воду и немного консервов. Леру был любимчиком боцмана и капитана и лучшего тюремщика было трудно найти. Он ни слова не говорил Брэду и не отвечал на его вопросы. Вскоре Брэд и сам перестал его спрашивать.

На пятый день Том услышал визг и лязг якорной цепи. Вот оба якоря упали в воду. Потом постепенно наступила тишина. Только за бортом шуршала волна. Для Тома Брэда потекли часы еще более томительного ожидания. С минуты на минуту он готовился к тому, что откроют люк, его вызовут на палубу, где он увидит полицейских. А там — суд, тюрьма... а может быть и хуже... Но никто не приходил за ним и никто не вызывал его на палубу. Как обычно, Леру принес еду и молча ушел. Полоски света наверху потемнели, а потом и совсем перестали блестеть. Брэд понял, что наступила пятая ночь. Усилиями воли он заставил себя заснуть.

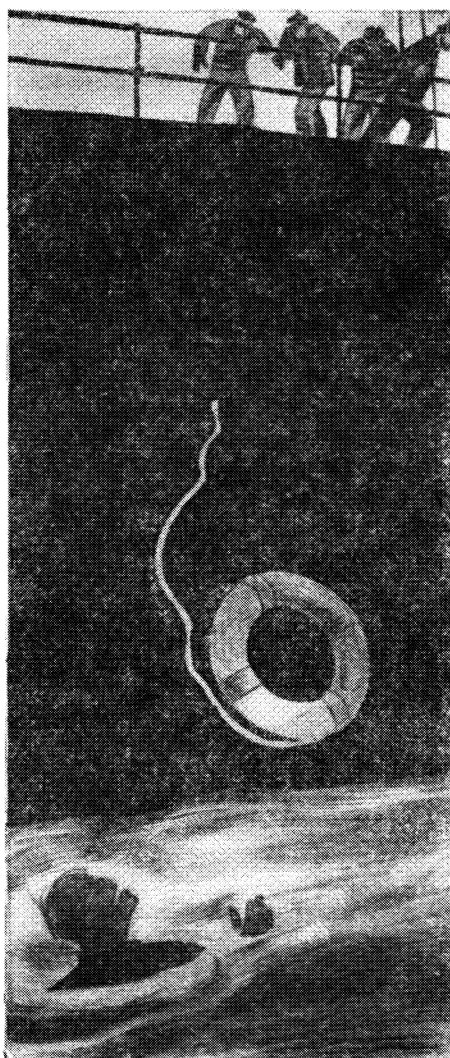
Проснулся Брэд от еле слышного шума. Блеск электрического фонаря заставил его снова закрыть глаза. Когда глаза освоились со светом, Брэд изумился: перед ним стоял Вессон.

— Вы удивились, Брэд? — Капитан говорил таким тоном, будто за эти дни ничего не произошло. — Я много думал о случившемся. В конце концов тюрьма вас не исправит. Да и слишком долго мы плавали вместе, чтобы мне послать вас в тюрьму.

Брэд не понимал, к чему ведет речь капитан. А тот продолжал спокойно, ласковым тоном.

— И я решил, Брэд, списать вас с судна. Да, да, списать. Вот свидетельство об увольнении по собственному желанию матроса первого разряда Тома Брэда. Такое свидетельство по-

лучают тысячи матросов. Возьмите тузик и перебирайтесь на берег. Мы стоим против Баттикотта. Для всех ребят на судне — вы сбежали. Надеюсь, что они не будут звонить об этом в каждом портовом кабаке. Подождите, я сниму с вас браслеты, — улыбнулся Вессон. — Что делать, Брэд, это была не лишняя предосторожность. Вы — очень горячий парень. Но я не помню

Спасательный круг полетел к обезумевшему от ужаса капитану...

зла. Возможно, что и я был неправ. Поднимитесь на палубу и сейчас же отваливайте от парохода. Луна зашла. Берег недалеко. До рассвета вы должны быть на острове.

Через несколько минут ошалевший от неожиданности Брэд поднялся на палубу. Все было тихо. На безлунном небе сияли только крупные звезды тропиков. Невдалеке смутно темнел берег. Капитан удачно выбрал время. Был час, когда на спокойных стоянках вся вахта спит.

— На Цейлоне вы найдете много судов, Брэд. Такой матрос — находка для капитана. И не произойди этой глупой истории... Но живей, живей! Тузик — на таях. Я сам спущу его на воду. Помогите мне только в начале, а по-

том — марш по штурм-трапу. Смотрите как будете на воде — сейчас же за весла! Здесь сильное течение и вас может подтянуть к килю. Тузик — легкий, но это все, что я могу вам предоставить для отправки на берег.

Брэд действовал, как автомат. Он помог Вессону спустить с талей тузик, и когда суденышко повисло над водой, Брэд быстро спустился в него. Капитан ослабил трос и тузик стал на воду. Брэд бросил петлю и в несколько уверенных взмахов веслами отошел от борта. На корме темнела фигура Вессона.

Брэд вспомнил, что он даже не поблагодарил капитана. В конце концов такого исхода он никак не мог ожидать. Вессон имел все данные, чтобы упрятать его в тюрьму. Брэд открыл уже рот, чтобы крикнуть на прощанье несколько слов, но из темноты послышался голос капитана. Он смеялся

— Какой же вы дурак, Брэд! Неужели вы не могли сообразить такой простой вещи, что капитан Вессон никогда не простит вам? Я не подарил вам пулю в лоб совсем не потому, что имел желание запереть вас в тюрьму. Нет! Какой мне расчет, что вы будете сидеть? Мне хотелось сделать вам более приятное развлечение. Через минуту-другую ваш тузик пойдет ко дну. Я позаботился о пробке. Не ищите ее. Она у меня. Ваш тузик — решето! Желаю вам веселой встречи с акулами. Они как бешеные вертятся сегодня целый день около «Луизы Ли». А вечером я сам позаботился о приманке. Передайте привет чертовой бабушке, когда попадете на акулы зубы!

Капитан замолчал. Под ногами у Брэда начала внезапно прибывать вода. Около борта на темной воде сверкнул плавник. Капитан был прав. Акулы — здесь и чуют поживу.

Течение относило тузик от судна. Броситься в воду и поплыть к судну было безрассудством. Акулы не дадут сделать и несколько ярдов. Они уже заметили добычу. Через минуту тузик пойдет ко дну, и тогда встречи с акулами не избежать. У Брэда пробежали по телу мурашки. Для него стало ясно, что спасения нет.

В ту же минуту что-то плеснуло у борта. Тузик накренился. Акула! Брэд занес для удара весло и решил бороться до последнего мгновения. Но он во время успел остановить удар. Над бортом показалась темная голова, и чье-то тело перевернулось в шлюпку. Брэд увидел близко у своего лица смеющиеся глаза Амуду и услышал его шопот.

— Тузик не потонет, Том. Не бойся! Амуду следил за капитаном. Амуду все слышал, спустился по якорной цепи и взял с собой пробку. Тузик не потонет

Том! Теперь закричи и ударь веслом по воде. Пускай капитан думает, что Тома съела акула.

Брэд последовал совету нубийца, Из темноты послышался довольный смех. Капитан Вессон был уверен, что рассчитался за пощечину. Он знал, что Тома Брэда больше не существует на свете.

— Теперь к берегу, Том! — зашептал Амуду.

Но Брэд упрямо покачал головой и начал тихо подгребать к пароходу. Амуду неодобрительно посмотрел на него, но ничего не сказал. Нубиец знал характер своего товарища. На палубе никого не было видно. Вессон, довольный своей местью, ушел в каюту.

— Мы взберемся по якорной цепи. Тузик утопим. Ты вернешься в каюту и никому ничего не скажешь. А утром мы посмотрим. Я что-нибудь придумаю.

Вынутая пробка открыла доступ воде и тузик быстро затонул под бугшпритом «Луизы Ли». Для моряка подняться по якорной цепи — пустяк. Амуду скрылся в кубрике, а Брэд притаился за бухтами канатов и какими-то ящиками на носу парохода. Он еще не знал, что будет делать, но оставить безнаказанным подлый поступок капитана не мог. Тропическая ночь дышала остатками дневного зноя. Одежда Брэда успела высохнуть раньше, чем взошло солнце. Но еще раньше в уме матроса созрел план.

Первым его увидел боцман. Веснушчатое темное лицо под шапкой рыжих волос выразило недоумение, бесцветные глаза, казалось, были готовы выскочить на палубу. На мгновение боцман замер, потом попятился и хотел уже позвать на помощь. Арестант, который сидел закованный в трюме, оказался на свободе!

Но Брэд вынул из кармана бумагу об увольнении и протянул ее ирландцу.

— Все уладилось, боцман. Как видите, капитан изменил свое решение. Он сам освободил меня. Самое важное в жизни — уметь договориться. Это меня устраивает больше, чем суд. Вероятно и капитан думает почти так же.

Брэд улыбнулся и щелкнул пальцами. Через четверть часа вся команда знала, что Том Брэд списан с судна. Матросы радовались, но предостерегали Брэда.

— Смотри, Том, не такой он, чтобы забыть. Нет ли какого подвоха? Как написана бумага? — Десятки раз перечитывали они удостоверение, пытались найти в нем какие-нибудь скрытые

козни Вессона. Но документ был в порядке.

Когда Вессон вышел на палубу, Брэд с ясной и безмятежной улыбкой подошел к нему. Капитан с тресливой злобой смотрел на Брэда и не верил глазам. Брэд вернулся? Тот самый Брэд, которого ночью разорвали акулы? Не может быть! Вессон слышал крик, когда Брэда схватила акула. Вессон слышал всплеск воды. Из зубов акулы никто не возвращается. И все же этот Брэд здесь! И еще улыбается!

— Прощайте, сэр! — громко, так чтобы его все слышали, сказал Брэд. — Спасибо вам за вашу любезность. Я сожалею, что немного погорячился. Я уверен, что товарищи, видя вашу доброту, сохранят в тайне и забудут эту историю.

Брэд сделал еще шаг к капитану, отгесняя его к борту. Вессон, охваченный ужасом, беспомощно протянул вперед руки. Он как бы оборонялся ими от твердого, упорного взгляда Тома.

Брэд медленно подвинулся вперед. Капитан, как загнипотиженный, так же медленно попятился назад. Брэд продолжал молча наступать. Шаг, другой и...

— Капитан за бортом! Спасай капитана! — не своим голосом завопил боцман, бросаясь к таям. Спускай шлюпку!

Там, где стоял капитан, был только открытый полупортик борта. Брэд жестко усмехнулся. Теперь пусть сам Вессон поплавает в соседстве с акулами. Это ему не вредно.

На воду полетели спасательные круги. Совсем близко от судна под водой мелькнула длинная тень. На поверхности моря появилась голова Вессона с вытаращенными глазами. Дело принимало серьезный оборот.

В руке капитана сверкнул кривой нож. Матросы, бросив круги, повисли на бортовых сетках и не отрываясь смотрели на воду. О спасении капитана никто не думал. Только боцман бесновался на палубе, сыпал отборными проклятиями, то приказывая, то умоляя спустить шлюпку. Но его никто не слушал.

Акула мелькнула совсем близко от капитана. Было видно, как она описала под водой дугу и снова приближалась к нему. Вессон извивался, держась за круг.

— Тащите трос! Тащите!.. — вопил он, ударяя рукой по воде. Пожалуй эти удары отпугивали чудовище. Но видно

было, что акула заинтересовалась нелевой фигурой, барахтающейся на воде, и снова приблизилась к капитану.

Видя, что избежать борьбы нельзя, Вессон лег плашмя лицом на воду и следил за акулой. В одной руке он сжимал нож, а другой держался за круг. Боцман и еще два матроса подтягивали его тросом к пароходу.

Внезапно Вессон отпустил круг и скрылся под водой. Метнулось огромное тело, пеня спокойную поверхность моря. Через несколько мгновений огромная акула всплыла вверх брюхом. В брюхе ее по рукоятке торчал нож капитана. Вессон плыл к кругу и кричал, указывая назад. Дело в том, что акулы почти никогда не плавают в одиночку.

Дальнейшее произошло с кинематографической быстротой. Когда Вессон схватился за круг, в нескольких ярдах прямо на него стрелой мчался плавник акулы. Вторая!

Вот плавник скрылся под водой. Акула переворачивалась белесым животом вверх, чтобы схватить капитана.

Боцман и его помощники изо всех сил выбирали трос. Вессон, поднятый из воды, повис в воздухе и дико закричал.

Из ноги капитана широкой красной лентой хлестала кровь. Почти над самой водой акула успела схватить капитана за ногу, и если бы не сильный рывок троса, капитан остался бы в зубах акулы.

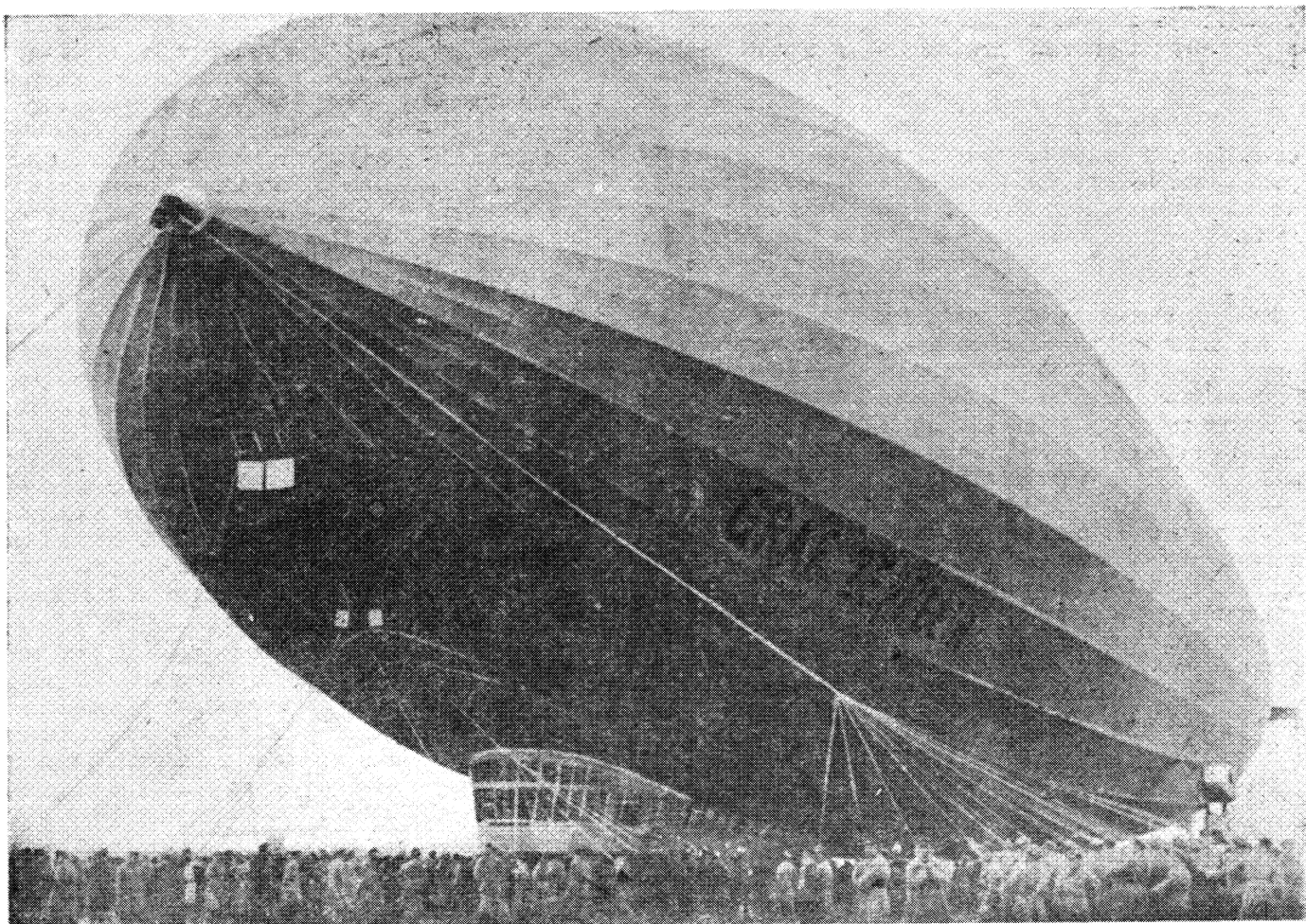
Рана была неопасна, кость осталась не поврежденной. И все же Вессону была обеспечена хромота на всю жизнь.

В тот же день Том Брэд навсегда покинул «Луизу Ли». В кармане его куртки было удостоверение об увольнении, подписанное Вессоном. Брэд быстро устроился на другое судно.

— Но матросы все-таки узнали об этой истории, — закончил Том свой рассказ. — И капитан Вессон получил прозвище «Бешеная акула». Я не знаю, как это произошло. Во всяком случае до вас я никому не рассказывал этой истории. Вы понимаете, что мне не хотелось попасть под суд. Все-таки открытый полупортик мог послужить уликой. Вы заметили, как испугался Вессон, увидев меня? С тех пор это первая наша встреча.

Я удивленно взглянул на собеседника. — Если я вам понадоблюсь, мы стоим здесь четыре дня, — сказал он, — пожимаю мою руку, — спросите на «Гаконе» Тома Брэда.

15 сентября в Москву прибыл германский дирижабль „Гр. Цеппелин“

СТРОИМ СОВЕТСКИЙ ДИРИЖАБЛЬ

15 сентября в Москву прибыл один из крупнейших воздушных кораблей мира — германский дирижабль «Гр. Цеппелин». Его появление в столице пролетарского государства имеет огромное значение и ставит перед советской общественностью огромный по своей важности вопрос.

На заре авиации, когда последним словом техники были неуклюжие аэропланы Фармана и Райта, когда германский изобретатель Цеппелин производил свои первые полеты, — в то далекое время шел горячий спор на тему, кому принадлежит будущее — летательным машинам «тяжелее воздуха» или «легче воздуха», авиации или воздухоплаванию. Спор этот кажется странным, когда читаешь послужной список «Гр. Цеппелина». Впервые выведенный из эллинга 9 сентября 1928 года, он покрыл до настоящего времени уже свыше 200.000 километров расстояния, совершив больше 60 полетов. Из них прежде всего выделяются кругосветный перелет 1929 года в промежутке времени с 15 августа по 4 сентября, и совершенный в мае этого года кругоатлантический перелет из Фридрихсгафена через Севилью, Пернамбуко, Рио-де-Жанейро, Нью-Йорк и обратно во Фридрихсгафен. Перелет этот длился 18 дней, при чем был совершен с полной нагрузкой пассажиров и груза.

Гигантские цифры километров, кругосветные полеты как-то не вяжутся с необычайно легкой, изящной конструкцией цеппелина. Прежде всего бросается в глаза исключительная пропорциональность его размеров. Глядя на воздушного гиганта, никак нельзя поверить, что он весит 120 тонн, может держаться в воздухе несколько дней при работе всех его моторов общей мощностью в 2750 лошадиных сил. Его жесткий каркас, сделанный из прочнейшего, но в то же время чрезвычайно легкого сплава — «дюралюминия», обтянут снаружи особой материей, благодаря которой поверхность дирижабля становится особенно гладкой и приобретает хорошую обтекаемость для воздуха. Внутри металлического каркаса дирижабля помещается 19—20 баллонов из прорезиненной материи, наполненных водородом. 105 тысяч кубических метров газа дают возможность цеппелину подняться на воздух самому и поднять 26 пассажиров

и 15 тонн груза.

Во время своих знаменитых полетов «Гр. Цеппелин» блестяще выдержал испытание на прочность и дальность полета. Так была окончательно разрушена давнишняя легенда о непригодности летательных аппаратов легче воздуха. Дирижаблю предстоит сыграть большую роль для торгового, пассажирского и почтового сообщения. При помощи цеппелинов можно перебрасывать тяжеловесные грузы и в большом количестве, чего не могут сделать самолеты. Вычислено, что воздушное сообщение между Берлином и Буэнос-Айсом гораздо выгоднее осуществить на дирижаблях, чем на самолетах.

Особую важность приобретает воздушное сообщение на дирижаблях в СССР. В эпоху напряженной социалистической стройки в особенности нужны такие средства сообщения, которые помогали бы перебрасывать грузы в кратчайший срок в самые далекие уголки Советского союза, куда перевозка по железной дороге или невозможна совсем или отнимает много ценного времени. Постоянная связь окраин с центром — это необходимое условие культурного роста Союза — тоже требует вмешательства дирижабля для перевозки почты и для пассажирского сообщения. Но до последнего времени мы не имеем больших советских воздушных кораблей, которые могли бы померяться силами с нашим гостем «ЛЦ 127». Развертывая социалистическое строительство на всех фронтах, сравниваясь с Западом в области строения самолетов, мы должны воздвигнуть «Дирижаблестрой» и «Авиастрой». Советская общественность должна принять участие в этом деле, и потому сейчас особую важность приобретает начатый по инициативе «Правды» сбор пожертвований на постройку советского дирижабля. Полет «Гр. Цеппелина» в Москву лишний раз подчеркивает, что Советскому союзу нужны десятки, сотни воздушных кораблей. Строим советский дирижабль, — вот лозунг, в осуществлении которого должны принять участие все трудящиеся.

ЧЕРНАЯ АФРИКА

А. Северов

Рис. С. Верховского

«Меня назвали хулиателем строительства Франции», — говорит французский журналист Альбер Лондр в предисловии к своей новой книге «Черная Африка». А. Лондр совершил большое путешествие по Западной Африке и области Конго и пришел к заключению, что французская колониальная политика ведет население черного материка к быстрому вымиранию. Миллионы негров гибнут «во славу цивилизации», бегут из французских владений, бросают свои поля и деревни и скрываются в глухие болота, спасаясь от бичей колониальных чиновников. Мы советуем читателю ознакомиться с книгой А. Лондра, о которой рассказывает А. Северов.

«Мой нога в дорога»

Пароход наш остановился в Дакаре. Глыбы белого кам я на берегу — дворец генерал-губернатора. Это административный центр французских колоний в Африке. Это — Африка. Настоящая проклятая черная Африка.

Я высиделся в Дакаре. Сенегал, Гвинея, Судан, Верхняя Вольты, Слоновый берег, Того, Дагомея, Габон, Конго — черная империя французской республики — маршрут моего путешествия. Автомобиль, железная дорога, верблюд, шаланда, пирога, носилки, собственные нога — средства передвижения.

«Мой нога в дорога», — говорят негры, пускаясь в путь.

Вот идут они по большой дороге, ведущей из Сенегала в Нигер.

Целая деревня — мужчины, женщины, дети — идет сдавать хлопок, неся на голове туки в тридцать кило. Разносчики несут из Тимбукту груз соли и возвращаются оттуда с орехами колы. Семь арестантов шагают гуськом, связанные общей веревкой. Сопровождающий их стрелок ушел за пять километров вперед. Они покорно следуют за ним. Вот почтальон. В руке у него деревяжка, в щель которой всунута телеграмма. Адресат находится километров за сто. Почтальон найдет его и вернется обратно.

У этого негра украли корову. Он идет за правосудием к коменданту, получает от него «бумажку с кружком», возвращается за вором и снова пойдет к «белому начальнику». Группа переселенцев отправилась в поиски лучшей земли. Их земля истощена. Они уже много дней в пути.

Негры много ходят. Недельное путешествие не считается большим. Из-за наследства, из-за кражи, часто из-за совершенного пустяка они идут через весь Судан, через всю Африку без гроша денег, с пустой тыквой на голове. Вечером они останавливаются в селениях. Никто их не знает? Не беда! Они войдут в хижину, поздороваются.

— Ты как поживать? Я хорошо поживать.

Их примут как приезжих родственников.

Деньги им здесь не нужны.

Некогда негры работали для того, чтобы прокормиться. Теперь они работают для того, чтобы платить налоги.

Бамако

Мужчины на рынке Бамако шили на швейных машинах бубу — широкую полотняную одежду, нечто среднее между плащом и рубашкой. Женщины продавали разный мелкий товар, разложенный кучками, — три куска сахара, четыре банана, шесть орехов колы, пять или шесть тысяч мух. Маленькие белые шарики, разложенные тут же, издавали особый нестерпимый запах — запах всей Африки. Это каритовое масло. Оно употребляется на кухне и для туалетных целей. Им смазывают блюда и натирают кожу. Чем ярче кожа блестит на солнце, тем обольстительнее считается красавица.

Я рассматриваю «товар для меновой торговли» — отвратительную заваль и рухлядь, которую Франция сплавляет в колонии. Старые шляпы, грязные и без плей — по 12 франков, пара ботинок — желтый № 43 и черный № 40 — за 30 франков, ножи, которые не режут, ножницы, которые не стригут, мыло, которое не мылится, свечи без фитилей, гребни без зубьев, почти что флейты без дыр. Все это красуется на прилавках магазинов. Великодушная метрополия снабжает туземцев невероятной дрянью за дорожную цену.

На дороге работали негры. Согнувшись, как для игры в чехарду, они били планками землю. Франция строит много дорог. Дорожная повинность обязательна для каждого туземца.

Три барабана и флейта помогали работе, отбивая ритм и мелодию из четырех нот. Музыка эта звучит от восхода и до захода солнца. Кроткая собака и та бы взбесилась от этих душераздирающих звуков. Рядом рабочие носили на голове камни. Пятсот метров туда, пятсот обратно — на каждый камень километр пути. В Африке чело-

веческий труд обходится дешевле механического. Негр — «банановый мотор» — долго еще будет заменять хорошую машину. Никаких приспособлений, никакого облегчения труда.

Когда останавливается музыка — останавливается и работа. Капито — черный надсмотрщик — приводит «живые моторы» в движение ударами маниго-ло — бича из гиппопотамовой кожи.

Это невольники? Ну да, невольники. Рабство в Африке отменено только в декларациях европейских министров. Фактически оно существует и процветает по-прежнему.

Когда европейские нации официально «уничтожили» торговлю рабами, люди остались у тех, кто их купил, и переменили только название. Из рабов для торговли они превратились в рабов кижин. Дети их рождаются «габиби» — невольниками. Их нельзя продавать, но можно обменивать.

На одного свободного негра приходится пятнадцать «уолозо» — рожденных в хижине, составляющих собственность вождя, также как коровы и прочий скот. В условиях негритянской жизни уолозо не слишком несчастны. Четыре дня в неделю они работают на хозяина, остальное время принадлежит им. Но вот появляется белый, олицетворяющий администрацию, и требует рабочую силу — негров.

— Вставай, вставай, для мой коменданта 50 человек!

Надо восстанавливать мосты, чинить дороги. Вождь не дает ни детей ни зятьев. Он уступает невольников. На каждого негра кроме налога приходится от одной до двух недель дорожной повинности в год по белому закону. Во имя черных обычаев невольник отбывает две недели, и еще две недели, и еще две, — все те недели, которые не отбывают другие. Он отбывает и воинскую повинность, и хозяин получает за него вознаграждение.

Невольники составляют рабочие отряды, роют каналы в Сотубе, строят железные дороги в Сенегале, Дагомеи, Конго, отдавая заработок хозяину.

Негр — мотор, работающий на бананах. Негра можно заставить работать много и дешево. Зачем же вводить дорогие машины?

Комендант

На расстоянии сотен километров один от другого в джунглях расположены дома французских чиновников-комендантов, как их называют негры, правителей района. Комендант — человек универсальный. Он — полный хозяин своего участка. Вокруг его дома всегда сидит на корточках около сотни негров. В первое время я не знал, что нужно им здесь. Вскоре это выяснилось.

— Бема, — однажды сказал комендант переводчику, — впускай поодиночке.

Бема позвал. Негры встали. Первый вошел.

— Живо, выкладывай дело!

— Коменданта, — начал негр, — ты мой отец, ты моя мать. — Он продолжал на бамбарском наречии.

— Что он говорит? — спросил комендант.

— Он говорит, что два года назад одолжил четыре коровы Ньялебэ из Сао. Эти четыре больших коровы принесли четырех маленьких коров.

А Ньялебэ говорит, что они принесли только двух маленьких коров.

— Где Ньялебэ?

— В Сао.
 — Пусть сходит за ним.
 — А это далеко? — спросил я.
 — Сто двадцать километров.
 Негру дали «сумажку с кружочком», и он покорно отправился в Сао.
 Следующий.
 — Что он говорит?
 — Он говорит, что приходил три недели назад, потому что Самба сломал его корз ну.
 — Ну, и что же?
 — Он говорит, что ты велел ему потребовать у Самбы тридцать сантимов. Он пот ебовал, и Самба дал.
 — Что же ему надо?
 — Он говорит, ему ничего не надо. Он пришел сказать, вот и все.
 «Пять дней туда и шесть дней обратно! И после этого говорят, что негры ленивы», — думаю я.
 Следующий.
 — Он спрашивает, узнал ли ты его?
 — Он смеется надо мной? — сердится чиновник.

— Он говорит, что год назад ты велел ему идти в Абешер (я мысленно в считываю, — это около трех тысяч ки (метров) — получить долг в триста франков.

— Ну?
 — Он ходил в Абешер. Тот, кто был должен ему, умер. Он вернулся. Он рассказывает тебе.

— Откуда он?
 — И. Сана.
 — А, из Сана? Спроси, он устал?
 — Он не устал.

— Так пускай сейчас же отправляется в Сан. Надо отнести этот мешок тамошнему коменданту.

Переводчик взваливает мешок на голову гражданина из Сана.

— Ты понимать? Ты нести мешок к коменданту в Сан. Ты бежаты!

Негр ошеломлен.

— Если ты недоволен, ты в ящик.

«Ящик!» Все негры знают это слово.

— Я доволен, — говорит он и пускается в путь за триста километров...

Черный «банановый» двигатель.

В Африке двадцать миллионов черных французских подданных. Тринадцать миллионов в западной французской Африке, четыре миллиона в экваториальной французской Африке. Остальные — в Того и Камеруне. Эти две области достались Франции от немцев после войны.

Что за прекрасные дороги в этой стране! И как много их — пятьдесят тысяч километров. Дороги не стоили Франции ни гроша: на них расходовали только негров. Все материалы, употребленные для прокладки дорог, были доставлены, уложены и утрачены неграми. Ни одного грузовика, ни парового катка — только черные «банановые моты».

В чем дело? Разве страна так бедна? Ничуть. Бюджет общего управления имеет запасный фонд в несколько сот миллионов франков. Откуда же берутся деньги? От налогов, которые платит каждый негр. От таможенных сборов, которые платят все. Одна Дагомея да а в последний год 62 миллиона сбора. И со ок миллионов из них взяло себе главное управление, находящееся в Дакаре.

Деньги, выжатые из черной страны, пойдут в метрополию. Поэтому накоплено триста миллионов запасного фонда, но нет ни одной машины, облегчающей труд негров.

Надсмотрщик ударами бича приводил «живые моторы» в движение...

Переноска тяжестей — бич. Африки. Переноска тяжестей губит детей, калечит юношей, добивает взрослых, превращает в скотину женщин и мужчин.

«Переноска тяжестей убивает негров. Когда будут готовы дороги — им не придется носить тяжестей. Мы стараемся для их блага» — говорили белые колонизаторы.

Дороги есть. Но негры носят тяжести и поныне... И многим из них уже надоела эта «система». Они бегут из жадных лап французской буржуазии — затем... чтобы попасть в лапы английских предпринимателей.

За последние три года: Два миллиона туземцев ушло в Нигерию (англ. колония).

Шестьсот тысяч перешло на Золотой берег (англ. колония).

Десять тысяч покинули деревню и живут в диком (еще более диком) состоянии в лесах Слонового берега.

Люди спасаются от набора в армию, от изнурительных мобилизаций для постройки дорог, от наборов лесопромышленников.

Страна племени Мосси — Верхняя Вольта — «главный резервуар» — три миллиона негров. За ними приходят как за водой к колодезю. Здесь все кому надо, черпают рабочую силу. И колонизаторы удивляются, что в Судане и Верхней Вольте не производят хлопка?

Вот тысяча негров. С грузом на голове они идут на постройку железной дороги. Семьдесят километров — месяц пути. Пр довольствие? Они найдут его в дороге... «если богу будет угодно». Сколько бы их ни погибло — ряды сейчас же сомкнутся. Можно было бы перевезти их на грузовиках — экономия дв дцать дней и не один десяток жизней. Но покупать грузовики, изнашивать шины, расходовать горючее, брать средства из запасного фонда? Нет. Нет. Это невозможно!

В лесу

Я в Буакэ, на Слоновом берегу. Лесные промыслы находятся ниже, но рабочая сила вербуются здесь.

Для железных дорог и правительственных работ набор производится в официальном порядке. Это — одна из трагедий Африки. Помимо этого тысяч людей нужны для частных предпринимателей. И торговля неземными, уничтоженная официальными постановлениями, снова вступает в свои права.

В Африке белая администрация и коммерсанты постоянно враждуют между собой из-за добычи — из-за негра. Чиновники будто бы охраняют туземцев от хищных челюстей коммерснтов, но пользуются ими для собственных целей. Дельцы обвиняют чиновников в том, что они продлевают с негром именно то, что запрещают делать другим. Но обе стороны сходятся на одном: с негра надо тянуть все, что можно, негра надо заставить работать как можно больше.

Франция богата, колонии богаты, но на покупку тракторов нет денег. Африканский двигатель-негр выгоднее.

И вот я иду по рынку живого товара в Буакэ. Лесные люди, знающие о затруднительном положении лесопромышленников, отправляются в Верхнюю Вольту, резервуар, и вербуют людей всеми возможными способами. Зная цену времени, они везут товар на рынок на подводах и уступают невольников лесопромышленникам по 200 франков с головы. «Рабство больше не существует».

Я покинул Абиджан в поисках места рубки леса. Здесь, на Слоновом берегу, трудно дышится, кажется, будто вас посадили под стеклянный колпак, где вам нужно дозреть. Лес прекрасен... если смотреть на него с дороги.

Ищу устакан. Бреду наугад. Никаких признаков узкоколейки. Встречные негры не знают, они тоже незнакомы. Вот наконец черный вождь, сопровождаемый двумя слугами. Я прибегаю к международному языку жестов. Показываю, как рубят дерево, как тащат бревно.

— Люди рубить? Люди умереть? — спрашивает он и показывает, что это — дальше.

Вот и рельсы узкоколейки. Иду вдоль них неуверенным, несвободным шагом: лес пугает, отталкивает. Сумрак сгущается. Ветер начинает шуметь в вер-

хушках деревьев. Близится буря. На встречу с места рубки идет негр. Для него я белый, — начальство. Вместо пропуска он сует мне под нос раздвоенный палец.

— Хорошо, — говорю я, как будто должен сказать что-нибудь.

Узкоколейка кончилась. На влажной почве — свежие следы ног.

— Йя-о! Йя-о!

Иду на крики. Вот и место рубки. Сотня голых негров, впряженных в бревно, пытается сдвинуть его. Надсмотрщик отбивает такт плетью. Люди напрягаются в нечеловеческих усилиях. Удары маниголо сыплются градом на их обнаженные выгнутые спины, лианы хлещут негров по лицу. Ноги оставляют кровавые следы.

Рубкой управлял белый — двадцатилетний француз, больной и измученный.

— Каторжная работа, — пожаловался он. — Но я еще держусь. Ничего, подправлюсь во время отпуска. Париж! Площадь Клиши в семь часов вечера. Я увижу их через восемь месяцев.

К нам подбежал негр.

— Мисье, мисье Матэ! — кричал он на бегу. — Дровосеки бежать-бежать.

Испугавшись огромного дерева, которое должно было рухнуть, дровосеки бросили роццу и скрылись в лесу.

— Они погубят дерево! Идиот! — закричал управляющий и бросился в лес за беглецами. Но вскоре он вернулся и привел двух новых рабочих.

Получка

На участке 125-го километра железной дороги мне пришлось присутствовать при расчете с рабочими. Был конец месяца, день получки.

— Вы удачно попали, — сказал мне Бернар, лесопромышленник.

— Должен предупредить вас, господин Бернар, — говорит начальник участка: — что десять дней назад приходил агент администрации получить налог с рабочих. И мы заплатили.

— Он не имеет права! — воскликнул Бернар. — Рабочие уже внесли налог начальнику кантона. Они заплатили его два раза! Что же они теперь получают? Пуанкаре, объясни им, что комендант приходил за налогом и что мы вычтем его из жалованья.

— Они говорят — «хорошо», — сказал Пуанкаре, окончив объяснение.

— Тогда начнем. Зиэ! — вызвал начальник участка.

Зиэ заработал за месяц 77 франков. Хозяин заплатил за него 40 франков подушной подати и 48 франков за освобождение от дорожной повинности. Итого 88. После месяца работы у Зиэ — 11 франков долгу.

Медик работал целый месяц. Но получил всего 12 франков. Он насмешливо сказал «спасибо».

— Тикубэ! Где Тикубэ!

— Ушел в Дугуингли. Убежал, — сказал Пуанкаре.

— Жанно! Жанно!

Никто не откликнулся.

в Конго. Это — экваториальная французская Африка.

Черный мыс — будущий порт. В нем будет 100 000 жителей. Пропускная способность его выразится в 150 000 тонн в год. Железная дорога соединит его с Брацлавилем — столицей французского Конго. Все это впереди, но пока что на Черном мысу есть только маяк, больница и таможня. Французы путешественники едут на пароходе до Матади к бельгийцам, которые проложили железную дорогу, и оттуда понадают во французское Конго.

Постройка железной дороги Черный мыс — Брацлавиль величайшая драма. Идея этой линии, провозглашенная проконсулом Ораньером, нашла своего исполнителя в лице Антонетти — нового проконсула колонии.

В порыве административного восторга полный решимости Антонетти приказал начать постройку, заключив контракт со строительным обществом «Батиньоль». Оно гарантировало выполнение работ и потребовало только 8 000 негров. Кроме этого не было обеспечено решительно ничего.

Люди племен бакоти, байа, линфондосара, матака, лоанго и других были оторваны от своих деревень и посланы в «Батиньоль». Выбирали лучших — наиболее крепких и сильных. Их перевозили в шаландах по триста-четыре-ста голов в каждой, загоняя под палубу и на палубу. Из-за тесноты ежедневно 2-3 человека падало в воду и

— Гибель нескольких тысяч негров необходима, — утверждал губернатор

— Это — тиам, африканский орешник, — объяснил он, подводя меня к дереву. — В нем тридцать тонн. Из него выйдет три бревна по 800 франков за тонну. Ну, ну! — закричал он на рабочих.

Те рубили изо всех сил.

— Дунди! — орал белый. — Дунди! Скорее!

Дерево рухнуло с торжественным гулом.

— Йя! Йя! — снова послышались крики негров, тащивших бревно. Плеть из гиппопотамовой кожи отбивала такт по их спинам.

— Он умер! — сказал начальник участка.

— Трикотен! Как, с тебя не взяли налога? Почему?

— Я ловкач. Много хитрый. Я меняю имя в деревне.

Ему дали 76 франков. Гури причиталось всего 22 франка.

— Мауди! Робер!

— Они умерли! — снова сказал начальник участка.

Линия Конго — Океан

На пароходе «Европа» я пересек экватор и высадился на черном мысу

тонудо. Ветви деревьев у берега сшибали тех, кто забрался повыше. Никакого прикрытия. Пятнадцать дней под солнцем и дождем, на открытой палубе.

Из трехсот доезжало 260. Они располагались на берегу, лагерей не устраивалось. Голые люди страдали бронхитом, кашляли, умирали. Одежд не было. Не было и ни одного продовольственного склада! Об этом «забыли»...

Выживших сгоняли в стадо. Началось путешествие пешком, по джунглям и болотам. Припасов не заготавливали. «Есть! Есть!» — этот крик звучал на про-

тяжении всего пути. Но есть было нечего. Люди едва волочили ноги. Плети надсмотрщиков погоняли их. Падавшие оставались умирать на дороге.

Я видел не раз, как строят железные дороги. На месте работы всегда имелись какие-нибудь приспособления. Здесь не было ничего, кроме негров. Негр заменял собой машины, повозки, подъемные краны. Почему бы ему не заменить собой взрывчатые вещества? Два негра переносили на палке бочки цемента весом в 130 кило. Туннель в Майомбе рыли с помощью молота и мотыги, — это было уже важным усовершенствованием на этой современной постройке!

Восемь тысяч человек скоро превратились в пять тысяч, потом в четыре, потом в две, потом в тысячу семьсот. Пришлось добирать рабочих.

Услышав о новой мобилизации на «машину», негры тысячами бежали в леса, спасаясь от верной смерти на постройке. Французы ловили их с помощью лассо, жгли «в наказание» деревни, расстреливали «зачинщиков» и «главарей». Смертность все увеличивалась, так как новый человеческий материал не был уже первосортным. Партия негров из Грибинги потеряла 75% наличного состава. Из Уессо на Санге вышло 179 чекочек, в Брацлавиль дошло 80, на место работы — 69. Через три месяца осталось всего 36 человек. В остальных отрядах смертность была такая же.

— Надо примириться с шестью или восемью тысячами человеческих жертв, — говорит Антонетти, — или отказать от железной дороги.

Во время моего путешествия вдоль ста сорока километров готового пути было уложено семнадцать тысяч негров. А оставалось достроить еще триста километров.

Я проехал по всей строящейся дороге. Картины адского труда тысяч больных и изнуренных негров запомнились мне навсегда. В одном месте на самой тропинке около 200 негров сидели на корточках вдоль огромного сваленного дерева, которое должно было послужить выком для моста. Ни лямок ни веревок — никаких приспособлений, кроме рук чернокожих.

— Ниже! Ниже! — кричали черные надсмотрщики.

С каждой стороны дерева по сто пригнувшихся негров подсовывали руки под ствол.

Милицейский считал: «раз, два, три», вскакивал на ствол, поднять который он приказывал, и полосовал плетью жалкие согнутые спины.

Ствол не подвигался ни на один метр.

Милицейский стегал сильнее. Капито набросились на истощенных и замученных негров, би и их ногами, кулаками. Негры не оказывали сопротивления. Короткая пауза, и работа продолжалась.

Внезапно четыре чернокожих бросили ствол, подошли ко мне и показали свои разможенные пальцы. У двух других лица были исхлестаны плетью до крови. Третий имел рану на шее... Такой способ работы не мог привести ни к чему иному, кроме криков и ран.

Но ведь так строятся все дороги! Каждый участок укреплен кровью строителя-негра. С октября 1926 года до декабря 1927 года тридцать тысяч черных прошли через Брацлавиль, направляясь к машине. Теперь между Конго и океаном их осталось лишь тысяча семьсот... Проклятая Африка!

— Вам дадут землю, дадут семена, — говорил Тимофей

ФЕДЬКИНА НАХОДКА

Повесть П. Зайкина *

Рис. А. Любимова

Когда отъехали на малое расстояние от коммуны, Федька сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

— Выходит правильно...

— Чего это? — полюбопытствовал дед.

— Насчет моих мыслей.

— Каких?

— Об жизни. Я тоже так думаю, дедка, как и они. Мне вот уж и работать хочется...

— Ну чего же? — обрадовался старик. — Вот приедем на Терек и определимся до работы. А то чего хорошего-то шлаться да воровать?

VII

— Как с горы спуститесь, — пояснял неизвестный словоохотливый человек с мешком за плечами, вынырнувший откуда-то из темноты теплой ночи, — то пойду хлеба чисто до самого Прикумка, а за Прикумком горы лесные, под ними хутор Радостный, туда прямо и погоняйте. Его днем отсюда видать, как на ладошке.

— А как здесь насчет рабочих рук? — спрашивал дед Алексей. — Я тут целую артель введу со своим конем.

— Это насчет уборки хлебов? — переспросил человек, перекидывая мешок с одного плеча на другое.

— Это самое.

— Рабочих не хватает. Хлеба уродилось сверх всякой меры, а убирать, извините, некому.

Ночевать решили тут же, на горе, — вышло такое местечко подходящее, у дубового леса, — чтобы завтра чуть свет спуститься в долину. Дед чувствовал себя, как командир перед сражением, суетился, отдавал распоряжения, торопил ложиться спать, угрожая поднять всех до света.

Но первым проснулся не он, а Федор и долго стоял пораженный перед невиданной картиной, открывшейся перед ним.

Слева от него выросли горы, уходившие вдаль, замыкаясь белоснежной двугорбой громадой Эльбруса. Белоснежные пики их вонзались в зеленоватое небо, чередуясь с черными изломами, на крутизнах которых не мог удержаться даже снег.

Камышевые крыши хуторских построек прятались в зелени фруктовых

садов, у подножия лесистых предгорий. Виноградники жались к самому лесу, где столетние дубы обнимались с грабами, ясенем — с каштаном, дикая груша — с яблоней, а мелкий черный виноград оплетал их вершины общей кружевной сетью.

Хутор уже начинал обставляться золотистыми скирдами пшеницы. Тяжелые арбы, груженные хлебом, тащились по всем дорогам к хутору, а на полях уже начинали ползать жатки.

Когда стали спускаться в долину, дед наставлял:

— Вот сейчас, как доедем до реки, вы — в воду, и мойтесь песком до чиста, чтобы не показываться здешним жителям в таком зверящем виде. Они, казак, — сектанты и этого не любят. А я пойду рядиться об работе.

— Ты насчет хлеба, дед, не забудь! Больше хлеба выговаривай. Без хлеба работать не будем.

Купались ребята без конца. Терли друг друга песком, шлепали по голым спинам и хохотали на весь хутор до тех пор, пока на противоположном берегу Подкумка не появился старик. На одной руке у него висело какое-то носильное барахло, а другой он прижимал к груди две огромных буханки белого хлеба. Рядом с ним маленький казачонок, в низкой меховой шапке колесом, натужившись тащил два горшка с кислым молоком, держа их за горлышки.

В куче принесенного дедом барахла были рваные подштанники, детские рубашки, даже женская кофта. Эти наряды ребята по-братски поделили между собою, оделись и принялись за неслышанно вкусную еду.

Когда кончали еду, на хуторском берегу Подкумка появилась высокая худощавая женщина. Не спеша, с солидным хозяйским достоинством, она приблизилась к воде, деловито подобрала платье и стала осторожно переходить в брод.

— Хозяйка идет, — буркнул дед, толкнув локтем в бок сидевшего рядом с ним Федьку. — А вы подтянитесь, ребята, будьте поаккуратнее. Ноги выше головы не дерите, насчет выражений тоже поостерегитесь, — они, евангелисты, этого не уважают.

— Ладно, чего там, сойдет и так! — проворчал Федька, нарочно принимая

самую независимую позу. — Не видали мы буржуев, что ли?

Казачка направилась к ребятам. Внимательно осмотрев их черными, недобрыми глазами, словно ошупав со всех сторон, она стала выговаривать деду:

— Я думала, отец, у тебя действительно рабочая артель, а ты набрал шпаны с железной дороги да еще мелкоты такой. Что это за работники? Им с Афонькой в пору играть, — указала она на казачонка, принесшего молоко.

— А я сколько работников-то тебе обещал? — спокойно возразил дед Алексей, хитро прищуриваясь.

— Троиخ.

— То-то и оно, а здесь пятеро. Неужто ж пятеро не сработают за троих, хоть самых разностоящих?

— Три пары рук и пять ртов — вот какое чудо! — отвечала хозяйка, искривив губы в кислую усмешку.

— А зато конь. Погляди, конь-то какой! — хвастал старик, чувствуя себя настоящим подрядчиком. — Погляди — тыкал он пальцем в кобылку, мирно помахивавшую хвостом у телеги. — Змей, а не конь!

Казачка скользнула опытным хозяйским взглядом по лошади.

— Коня я не осуждаю. Только надо еще попробовать, пойдет ли в лобогрейку, а то бывает, что и пугается... — затем добавила: — Как кончите завтракать, переезжайте на нашу сторону, надо лошадей хорошенько выкормить к работе. — И уж повернувшись, бросила через плечо: — Если еще захотите кислого молока, пришли кого из ребят во двор.

— Богородица! — тишком пустил ей вслед Федька. — Ишь, постная какая!

— А ты брось, ешь! — уговаривал дед Алексей. В обед опять еда будет, а вечером — ужин. Животи здесь до земли отрастим. Ну-ка, Афонька, бежи до матки и кажи, что трудовая артель единогласно еще два горшка простокваши требует.

VIII

У Матрены Парфентьевны Горбуновой двор был богатый. Перед домом — веранда, в спальне — кровать с блестящими шпиками, в столовой — стол под цветной скатертью, горка с посудой, по стенам засиженные мухами генералы, казаки с обнаженными шашками на серых в яблоках лошадях. Во дворе — погреб, ледник, амбар с двухлетним запасом муки и всякого зерна, сарай для скота, для хозяйственных материалов, навес для машин и орудий. Но из скота осталось только три коровы, пара волов и одна лошадь. Поэтому-то Матрена Парфентьевна и пустила к себе во двор старика с его шпаной: на быках косилкой не поработаешь, — тут нужен быстрый напористый конский шаг.

...Хоть и выстриг ребят дед Алексей овечьими ножницами и обмылись они в реке, но вырядились, как на святках, и такой вид получились, что со всего хутора казачество собирается смотреть, как на зверей. Как только перебрались из-за речки да поселились в пустом саманнике, сейчас через плетень в сд перемахнули и начали драть зеленые збоки. А хлеб жрут, как саранча. Он хотя и некупленный, а все же жалко.

Дед Алексей присматривал в оба за своей командой, но все же недоглядел: разодрались Чебак с Ленкой из-за

птенца, выпавшего из гнезда. После этой битвы остался Ленка в чем мать родила, так как из старой женской кофты, что пришлось на его долю, Чебак сразу сделал две.

Тогда с веранды спустилась девочка, тонкая как камышинка, лицом похожая на мать, и вынесла ему старенькую Афонькину рубашку.

— На, одень, а я твою зачину. Потом спросила Антошку: — Ты за что его, курносый, побил?

Антошка вместо ответа стал на руки и прошелся вниз головой через весь двор. Девочка только вздохнула:

— Какой глупый-то! — и ушла в дом.

...Утром, чуть только солнце показалось над снежными громадами горного хребта, ко двору неслышно подъехал в арбе, запряженной парой молодых бычков, рыжебордый казак с розовым шрамом во всю щеку.

Это был Василий Горбунов, брат покойного мужа хозяйки. Дед возился около кобылки и гнедого поджарого хозяйского кабардинца.

— Живо, живо, отец! — стал он топтать старика. — Я заехал вам помочь, а то либо жнейку поломаете, либо сами покалечитесь. Лобогрейку с вечера мазали?

— Не.

— Об чем ж ты думал, старый хрен? Ну, живо! Буди свою команду!

Начались сборы, как на пожар. Торопиво выкатили из-под навеса лобогрейку, запрягли в нее лошадей и двинулись за казакom.

Кое-как переправили тяжелую машину через Пожумок, выкупав ее по самую платформу, затем стали крутиться полевой дорогой среди спелых хлебов, в которых хрипло били отъевшиеся до потери голоса жирные перепела. Казак все время нахлестывал бычков, спеша захватить для работы побольше утренней прохлады, и торопил деда с ребятами. Остановились у большого загона пшеницы, опустившей к земле спелый, тяжелый колос.

— Вот эту самую кулигу и будете убирать, — объявил казак, влезая на машину. — Берй, дед, вожжи и гони коней краем, а я буду хлеб на-земь сталкивать. Ты же, малый, гляди, как я делаю, чтобы потом мордой под вертушку не попасть, — учил он Федора, — а то, как огрет по лбу, так другой раз и не встанешь. Пошел, дед!

Лошади несладко двинулись, кобылка по началу затанцовала на месте, сбита с шага кабардинца, затем пошла боком, но все же лобогрейка зачихала, вертушка закрутилась, и пахучая спелая пшеница хруста стала ложиться на платформу перед казакom. Он поправлял ее вилами, а когда куча достаточно выросла, сильными и ловкими движением сбросил ее на землю, вбок, и стал накапливать новую копенушку. К завтраку порядочно наставили копен вокруг загона, обьехав его со всех сторон, с полчаса отдохнули, закусив мягким хлебом с кислым молоком, и опять принялись за работу.

Горбунов уехал на свой участок. На лобогрейку р ботали теперь Федька с Чебаком. Дело было ответственное и непривычное. Приходилось уху держать остро, чтобы ни пшеницу зря не помять, ни ножей не поломать, да и по лбу вертушкой не получить. Настроены ребята были торжественно и радостно от сознания, что делают серьезное и ответственное дело. Особенно бодро был настроен Федька, ко-

торый все время торопил Антона, смеившегося деда:

— Погоняй, погоняй, Чебак, здесь тебе не ростовский базар!

IX

Пшеницу молотили двумя каменными катками. Федька с Чебаком гоняли катки. Ленка дежурил с деревянной лопатой в руках, наблюдая за тем, чтобы скот не портил навозом хлеба, а дед ходил по кругу с граблями и до тех пор ворошил солому, пока она не отдавала всего зерна, наполовину превращаясь в легкий и мягкий, как пух, саман.

Ребята постепенно втягивались в труд, хозяйка уже являлась предметом зависти для соседей, которые находили, что ей здорово повезло.

— Почем рядилась-то, Матрена Парфентьевна? — спрашивали ее завистники.

— На совесть, там будет видно...

— Совесть-то она, как резина...

Работать приходилось от зари до зари, но кормила хозяйка хорошо, очевидно, боясь, чтобы ребята не перешли к другим, и это отчасти примиряло с тяжелыми условиями труда. О том же, какова должна быть конечная расплата за работу, все, начиная со старика, думали очень мало, довольствуясь обещанием хозяйки рассчитаться без обмана.

В полдень скот ставили на кормежку к колоде, а сами садились обедать под навесом. Потом спали, как полагаются, часа два. Федор же, обыкновенно не ложившийся спать, пользовался этим временем для починки рубахи, которая точно горела от пота, распозаваясь в клочья, или бродил по хутору, с интересом рассматривая новые места. А то просто, уютившись где-нибудь в холмке, наблюдал за тем, как хозяйская дочка носится из дома в погреб, с погреба в сарай, из сарая в амбар, что-то мурлыча себе под нос.

— Ты бы хоть когда-нибудь оставилась погудорить... — как-то сказал ей Федька?

— О чем?

— Разве мало об чем можно поговорить?

Устя глянула на веранду и, увидав в окне мать, сделала презрительное лицо, будто говорила ему какую неприятную вещь, а сама назначила:

— Приходи завтра в обед в виноградник.

На другой день Федор пробрался на виноградник, стараясь по пути не попасться на глаза хозяйке.

Был самый жаркий час дня. Солнце стояло почти отвесно, бросая от тополей короткие, едва заметные тени. Деревья приспустили листья, травы прижали.

Устя бесшумно появилась из виноградника в тот самый момент, как пришел Федор.

— Что ты хотел мне сказать? — без предисловий спросила она, вертя в руках пучок пахучей мяты.

— Я вообще... — отвечал Федька, неожиданно для себя конфузясь до смущения. — Я хотел так вот, просто поговорить с тобой. А то все один да один...

— Как же один, если вас тут целая орава? — возразила Устя.

— То ребята! — презрительно отмахнулся Федька. — Они об жизни ничего не понимают.

— А ты понимаешь? — удивилась она, пытливо взглянув на него

— Теперь начинаю понимать, а раньше и я слепым был.

— Ты грамотный?

— Когда дома жил, ходил в школу, а сейчас все позабыл.

— Хочешь я тебя поучу?

— Поучи, только тебе должно мать не позволить.

— Это верно, что не позволит, — согласилась Устя вздохнув. — Ну, мы будем сюда приходить тишком, в обед. Я тебе принесу книжку, покажу, как читать, потом ты сам будешь учиться, а еще лучше вот что... — вспомнила она. — Есть у нас тут один парнишка, он тебя охотно поучит.

— Кто он такой? — поинтересовался Федор.

— Сын одной бедной казачки. Ты знаешь — кто он? Девушка опасливо оглянулась, как бы боясь, что ее здесь могут услышать не одни только птицы, и шопотом проговорила по слогам:

— Ком-со-мол!..

Федька громко рассмеялся прямо Устинье в лицо.

— Го-го-го! — передразнила она его. — Гусак бесперый! Чего же ты гогочешь?

— А ты чего ж на ушко говоришь об таких вещах, об которых на вывесках пишут. Мне вон в ростовском детдоме обещали за награду потом записать в комсомол, если буду учиться...

— Д-р-ень, так-то ж Ростов, а у нас хутор чисто белогвардейский! У нас один комсомол только и есть, что Тимошка Мазаев, да и тот пока, ради матери, скрывает свое комсомольство, а то сживут ее со свету казаки.

— Это — плохой комсомол, — решил Федька. — Я бы не побоялся. Я бы и других ребят организовал!

— Больно ты боевой! Попробуй-ка у нас... Живо дырку в голове сделают!

— А от тебя он не хоронится? — спрашивал Федор.

— Тимофей-то? Нет, — отвечала Устя без гордости.

— Как же так? — недоумевал Федька. — Ты из богатого дома, а он бедняк... Выходит, что ты идешь во вред своей матери и собственному богатству.

— Есть на свете, что и поважнее богатства, — отвечала она, видимо уже ранее продумав этот вопрос и откуда-то получив нужные ответы. — Если люди такое затеяли, что вверх дном все перевернули, значит новая жизнь лучше старой.

— Это Тимошка говорит?

— И Тимошка говорит, да я и сама читала. Я теперь все понимаю.

— Ах, какие тут умные собравшись! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — За спиной Федьки послышался чей-то деланный нахальный смех и из виноградных зарослей вылез казачонок лет семнадцати в низкой меховой папаше с красным верхом, закрашенным серебряным галуном, с охотничьей берданкой в руках.

— Чего ты здесь шатаешься. Вчерашний день ищешь? — накинулась на него Устя.

— Помешал? Извиняюсь! — и, взяв под козырек, казачонок презрительно оглядел Федьку с ног до головы, будто видел его в первый раз.

— Тимошке Мазаеву компанию подбираешь из всякой рвани? Думаешь не слышал, об чем вы здесь сговаривались? Вот расскажу матери...

— Но, но, а ты поаккуратней! — обиделся Федька. — Шпион!..

Казачонок выругавшись исчез в винограднике.

X

На другой день было воскресенье. Хутор отдыхал. Дед Алексей, после завтрака, завалился спать в саду, ребята пошли ловить форель в горных ручьях, а Федор решил воспользоваться днем отдыха для знакомства с Тимохой Мазаевым.

Тимофей жил с матерью и сиротой Наталкой, девушкой лет пятнадцати-шестнадцати в самом конце хутора. Белая саманная мазанка в два окна жалась к самой опушке леса. Рядом с мазанкой горбатился такой же саманный сарайчик, крытый камышом. Под окнами хатенки цвели крупные пестрые маки и красная лебеда. В стороне у подножья старого дуба белело два рамочных улья, около которых возился, стоя на коленях, худой парень с приятными задумчивыми глазами.

— Кто у вас тут будет Тимоха Мазаев? — обратился к нему Федька.

— Я, — отвечал тот, — а ты — Федор? Тебя прислала Устя Горбунова?

Так началось их знакомство, а через полчаса, сидя на старой дубовой колоде, они беседовали, как давние приятели.

— Вы должны вести свою линию опять на землю, — учил Тимофей Федьку. — Вам дадут землю, может глужок, семена, если сумеете добиться. Но сейчас такое время, что семена и харчи

Ребята купались без конца и хохотали на весь хутор

вы сами заработаете, если как следует прикрутите Горбуниху. Это верно, что ваш старик с нею не рядился о зарплате?

— Я наверняка не знаю.

— Чего же ты сам-то не рядился, чай не маленький?

Почему, в самом деле? Этот вопрос никогда еще не приходил в голову Федьке.

— Да не знаю, что и сказать! Поставил нас старик на работу, и мы больше ни о чем не думали. Как до-рвались с голодухи до хлеба, навалились на него? — не до того было...

— Ну, ладно!.. — улыбнулся Тимофей. — А теперь вот что... Пойду я завтра на ближний хутор, своих ребят повидать, так пришло сюда уполномоченного всеработземлеса, — он же единственный по нашим двум хуторам партиец, — Викентия Копылова. Он заставит Горбуниху заключить с вами договор. Работы у нее хватит для вас до самой осени, вот она и должна будет обеспечить вас харчами до нового урожая.

Около огорода была сложена из каменной небольшой плитка с высокой трубой. Худошавая немолодая женщина, с такими же задумчивыми глазами, как у Тимофея, возилась здесь, приготавливая обед. Ей помогала девушка-подросток, рыжая, с белым, не принимающим загара лицом.

Когда солнце стало на полдень — женщины вынесли из дому стол, накрытый чистой тряпичей, поставили его под густой шапкой белой акации и стали собирать обед. Рыжая девушка пошла на огород и принесла целый подол огурцов и помидоров, а хозяйка положила каравай серого хлеба и поставила на дощечку чугун с постным борщом.

Тимофей пригласил Федьку обедать и за столом рассказал свою историю. Отца он потерял, когда был еще малым ребенком, — застрелил офицер из нагана за то, что «поднял руку» на начальника при исполнении им служебных обязанностей, то есть попросту отделал плетью за удар по лицу по случаю плохо вычищенного коня. Жили помощью дяди. Когда началась гражданская война, дядя примкнул к большевикам, попался в плен к своим же станинникам, и те зарубили его шашками. В хозяйстве была одна корова и пять овец. Пахали им землю лошадные за отработку. Вот мать уже целый месяц ходит на работу, он тоже работает на людях, а Наталка хозяйничает по дому и управляется на своей полосе.

После обеда пришла Устя с замусоленной книжкой, завернутой в газетную бумагу. Наталка поставила жестяной самовар. Откуда-то появилась огромная дыня, Тихон принес глиняную миску меда.

— Не обессудь, Устинька, наше бедняцкое угощение, — извинилась хозяйка, заваривая сушеную арбузную корку вместо чая и разрезая душистую сочную дыню.

А Федька думал про себя.

«Вот жизнь! Мед с дыней — у них бедняцкая еда! Во где живут-то...»

К приходу стада Устинья стала звать Федьку домой, заявляя, что ей пора доить коров.

— Куда же я с тобой пойду? — удивился он. — Ты вон какая нарядная, а я — погляди-ка!.. — и, растопырив руки, представил общему обозрению свою расплывающуюся рубаху и рваные исподники покойного Горбунова, в которых

до сих пор щеголял. — Тебе будет стыдно на весь хутор.

Но Устя не собиралась вести его хуторской улицей, они пошли лесом и попали прямо в горбуновский виноградник. Когда пришли домой, то застали у Матрены Парфентьевны гостей: того самого казачонка, что встретился с ними в винограднике, и его мать, старообразную женщину, которая после каждого слова крестила рот, бо съ как бы туда не влетела нечистая сил. Казачонок теперь был в серой черкеске из кавказского сукна, в серебряных гозырях, при кинжале в серебряной же оправе и поэтому сильно ломался. Его плоское веснушчатое лицо казалось еще противнее. Увидев его, Устинья, сверкнув глазами, тихо сказала:

— Егорка Чумаев снова здесь. Повалил, гаденыш, каждый день ходить!

— Кто он будет? — поинтересовался теперь Федор.

— Наш, хуторской. Его отец за Врангелем ушел в Болгарию.

XI

На другой день во двор Матрены Парфентьевны явился худой, иссушенный солнцем человек с холщевым портфелем под мышкой, спросил деда Алексея и объявил ему:

— Идем, папаша, к хозяйке заключать договор. Благодетели нам не нужны. Все должно быть, как велит пролетарский закон. А потом собрание с твоими ребятами устроим, я хочу с ними поговорить.

Человек с парусиновым портфелем действовал энергично. Сначала Матрена Парфентьевна и разговаривать с ним не хотела, а через полчаса ходила, как с прищемленным хвостом, и не читая подписала бумагу, в которой был учтен не только труд деювской артели, но и отпуска, и спецодежда с переводом всего этого на зерно. Деда, присутствовавшего при заключении договора, даже ударило в пот от такого максимализма.

Выйдя от Горбуновой, уполномоченный собрал ребят, повел их в лесок к Тимохе, а там в два приема наметил им линию жизни:

— Довольно шляться! Принимайтесь за учебу и работу! Учитесь грамоте беретесь Тимофей. А чтобы вы могли жить, отведем вам участок. Наш совет заставит хуторян выделить вам часть белоэ игрантской земли, а не то отрезать от кулаков. А вы должны устроить коммуны и жить общим домом, по-товарищески, одним хозяйством, работая в общий котел. Так будет лучше жить: если кто заболел, об нем будут заботиться остальные. — А затем обратился к Тимофею: Очень спешу я, брат. Ты им по-подробнее объясни, что такое коммуна, дастань в стансовате устав, обсудите, распишитесь и принесите мне, а уж я проведу. Ну, пока! — и побежал куда-то дальше.

Деду такая деловитость очень понравилась.

— Вот это так, — хвалил он. — Пришел, одним духом ушчил хозяйку, произвел оргнаизацию и пошел. Ухари!

С этого дня ребята попадались к Тимофею, проводя у него все свободные часы. Он вел с ними беседы по началкам политграмм, по сельскому хозяйству, объяснял им преимущества коллектива, много говорил о жизни в коммуне, где все равны не только в правах, но и имуществе, за букварь же еще не брался, откладывая это дело до осени, когда кончатся полевые работы.

Устя посоветовала Федьке сходить к комсомольцу Тимофею Мазееву

Федька, быстро сдружившийся с Тимофеем, нередко оставался у него ночевать, и, лежа в сарае на сене, а то и прямо под открытым небом на вязанке соломы, они беседовали до тех пор, пока кто-нибудь не засыпал на полуслове под убаюкивающий шум Подкумка.

Встречаясь с Егоркой Чумаевым, — а это было очень часто, так как Егорка постоянно болтался у Горбуновых, — они чувствовали себя, как враги, между которыми еще не объявлена открытая война. Поэтому Федора крайне удивило внезапное предложение Егорки идти с ним на кабаньи засидки.

— Я и стрелять-то не умею, — признался Федька, соблазненный таким предложением.

— Я тебя научу, дело небольшое, — пообещал тот.

— Опять же у меня ружья нет.

— Дам тебе свое, а себе достану винтовку.

...В том месте, где Подкумок разливался в широкие плавни, заросшие камышом вышиною в два человеческих роста, болгарин Иванов много лет назад выбрал жирный кусок земли и завел на нем большое огородное хозяйство с кустарным консервным заводиком.

У самой воды он поставил норию — гигантское деревянное колесо, обвешанное железными ведерками вроде походных монеров. Нория приводилась в движение лошадью, которая часами ходила одна вокруг привода, медленно вращая колесо вокруг его оси. Купаясь нижней частью в воде, эта машина при помощи ведерок поднимала ее кверху и выливали непрерывной струей в деревянный жолоб, проходивший над всем огородом. Из жолоба вода по особой вертикальной поставленной деревянной трубе падала

в бочку, врытую в землю, а оттуда разбегалась по всему огороду среди борозд или затопляла доверху его гряды, обведенные земляными валиками.

Когда охотники явились на огород, как раз шла поливка, и вода сильной струей бежала, пенясь между бороздами с капустой. Федор впервые наблюдал такой огород и всему дивился: и помидорным кустам высотой в метр, ломившимся от тяжести кораллово-красных плодов диаметром больше чайного блюдца, и горькому перцу, и синим баклажанам. Его поражала морковь, толщею в руку взрослого человека, бураки с детскую голову, хрен, который огородник пилил ножовкой на куски, как дрова.

— Вот дела-то! — удивлялся Федька. — Слово на дрожжах вся огородина.

— Это от воды, товарищ, — пояснял болгарин. — Ну, конечно надо знать, как ее пускать.

Затем повел показывать то место, где хозяйничали кабаны. Это было в нижнем углу огорода, у самого протока. Видимо свиньи перешли сюда с острова, заросшего камышом, и пробыли на огороде всего несколько минут, кем-то встревоженные. Но и этого времени им было достаточно для того, чтобы снести весь угол огорода, обратив гряды с марковью в такой вид, будто по ним прошел дисковый плуг.

— Видели? — сокрушенно качал головой болгарин. — Вчера, было, опять сюда направились, полюбилась им моя морковка, да только сын из станицы в гости приезжал, так отпугнул выстрелом. Ниче, глядите, снова придут. Вот тут засаду и устройте.

(Окончание в след. №)

ЛАГЕРЬ АНДРЭ

Трагическая судьба экспедиции Андрэ продолжает стоять в центре внимания полярных исследователей. Специально снаряженное судно «Избоерн» сделало новые важные открытия. Под небольшим, полуразрушенным глетчером обнаружен лагерь Андрэ, состоящий из примитивной хижины. Под ее развалинами найдены остатки человеческого скелета. Кроме того в лагере найдены различные предметы, принадлежавшие экспедиции Андрэ: ящики с инструментами, оружие, посуда, пустые и невскрытые консервные банки, части оболочки шара и гондолы, обрывки платя, скелеты кажих-то жи-

вотных. Человеческий скелет — повидимому скелет Френкеля. Найдено еще письмо, адресованное Стриндбергу, и несколько записных книжек. Существует предположение, что участники экспедиции стали жертвами какого-нибудь стихийного бедствия — сильной снежной бури или же погибли от какой-нибудь болезни.

Находка в лагере скелета Френкеля опровергает высказывавшиеся раньше предположения, что Френкель погиб во время пути по льду. Вообще повидимому экспедиция не совершала путешествия пешком по льду, так как тут же на острове найдены и остатки воздушного шара.

Железная дорога под Ламаншем

Уже давно говорят о постройке тоннеля под Ламаншем. Но сейчас против этого проекта выдвигаются веские возражения. Постройка тоннеля в самом благоприятном случае продлится больше 6 лет. Но к 1937 году гигантские летательные аппараты значительно облегчат сообщение между Англией и Материком и поставят под угрозу возможность получения дохода от огромного многомиллионного капитала, который необходимо вложить в постройку тоннеля.

Вместо тоннеля инженер Леру предлагает постройку подводную железную дорогу. Прокладка железной дороги по главному морскому дну под водой, на глубине не больше чем 50 метров, вполне осуществима. Стоимость дороги будет равна примерно 30—40 миллионам и работы смогут быть закончены в 8 месяцев при современном состоянии водостроительной техники. Новые водолетные аппараты дают возможность производить регулярную работу на глубине даже в 90 метров. Весь переезд под Ламаншем будет продолжаться всего несколько минут. Сначала предполагается пользоваться электрическими локомотивом. Второй локомотив и мотор, действующий при помощи сжатого воздуха, всегда должен быть наготове на случай порчи первого локомотива. В дальнейшем Леру предлагает использовать ракетный двигатель. Изложение своего проекта он заканчивает словами: «Будущее принадлежит поезду-торпедо, о кислороде и бензине-ракетными двигателями, который быстро, как мысль, будет пересекать канал».

Все попытки соединить Англию с материком всегда встречали резкий

отпор со стороны английского генерального штаба. Тоннель или дорога на дне моря представляют собой своеобразный подводный мост, по которому легко перебраться в Англию, в случае войны, целые корпуса войск с большим удобством, нежели на кораблях и самолетах. Опасаясь военного вторжения, Англия усиленно охраняла недоступность своего острова и потому проект инженера Леру заранее обречен на лежание в архиве.

РАДИОСВЯЗЬ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА С ЮЖНЫМ

В Ленинград прибыл полярный радиоспециалист Кренкель, проведший зиму на самой северной радиостанции — на Земле Франца Иосифа.

Во время зимовки Кренкель следил за радиоперекличкой коротковолнников. Каждый раз, получив позывные, он находил в специальных радиотелеграфных кодах имена тех станций, с которыми приходилось разговаривать. И вот, однажды советский радиотелеграфист услышал имя, показавшееся ему вначале ошибочным: говорила радиостанция экспедиции Берда на Южном полюсе.

Кренкель полнее прижал наушники и включил передат-

чик. Почти тотчас же он услышал ответ от радиотелеграфиста экспедиции Берда, который сообщил, что работает на коротковолновой станции в 800 ватт. Кренкель работал на коротковолновой станции в 250 ватт. Разговор продолжался 40 минут, и люди, связавшиеся с двух противоположных точек земного шара, назначили друг другу свидание на следующий день. Точно в установленный час оба приняли вызовы и снова вступили в разговор, продолжавшийся в этот раз 2½ часа. Так впервые в истории радиотелеграфирования была осуществлена связь Арктики с Антарктикой.

Русские в Аляске

В Аляске недавно найдены связи документов, относящихся к первым временам заселения Аляски русскими. На основании их можно заключить, что Аляска уже в 1546 году была открыта русскими, бежавшими в Сибирь и оттуда проправившимися дальше после неудачного восстания вскоре после вступления на престол Иоанна Грозного. Эти люди пустились в море, выйдя из устья одной из сибирских рек. Их флот состоял из семи кораблей, шесть из которых достигли Аляски. Переселенцы высадились на скалистом, заросшем зеленым берегом и основали там город «Анадыр». Впоследствии русские смешались с индейцами, а город Анадыр был разрушен или покинут. Наибольшее значение этой находки заключается в том, что таким образом подтверждается факт заселения Аляски русскими в XVI веке, тогда как история это заселение относят лишь к 1741 году.

„УЧЕБНЫЕ“ ПОЛЕТЫ

Французская общественность взволнована рядом воздушных катастроф. За последний год во время учебных полетов в одной и той же воинской части погибло свыше 30 человек. За одну ночь потерпели крушение четыре летательных аппарата. Военное начальство не позволяло представителям левой прессы произвести расследование, но журналистам все же удалось выяснить, что учебные полеты производились на заведомо неисправных аппаратах, в крайнем неблагоприятную погоду и без соблюдения необходимых мер предосторожности. Особенно возмущитель-

Домашние животные тропиков

Лошадь, корова, овца — в тех же условиях, в которых мы считаем «домашними». Между тем в тропических странах немало «диких» животных, хищников становятся полезными друзьями человека.

Индийский слон приручен уже много столетий назад и стал одним из самых полезных домашних животных. Этот великан покорно позволяет вести себя даже ребенку. Африканскому негру никогда не приходило в голову использовать для работы огромную силу африканского слона. Для негров слон, как и всякое другое животное, только «нямя» — мясоед. Между тем уже римляне пробовали и с успехом приручать африканского слона, который поддавался приручению так же, как и его индийский сородич.

Обезьяны обычно держат для забавы. Но бывают случаи, когда они оказываются полезными домашними животными. В Индии и Африке обезьяны приручены помогать людям при сборе кокосовых орехов. Обязанная тонкой веревкой, конец которой держит в своих руках хозяин, обезьяна взбирается на верхнюю пальму. Добравшись до скрытого в листве спелого плода, она ждет знака хозяина. Тот слегка дергает веревку, и обезьяна, сорвав орех, сбрасывает его вниз. Некоторые африканские племена на прирученных обезьян возлагают обязанности нянек. Няньки эти не подпускают к ребенку никого кроме матери. Кое-где в Африке змеи, часто даже ядовитые, держат в хижинах для борьбы с мышами и другими грызунами. Леопард тоже поддается приручению и следует за своим хозяином всюду, как собака. Несомненно, что огромную роль в приручении хищных животных играет внимательное отношение к ним со стороны человека.

Пониманию обо всем

В Вельгтийском Конго имеется обширный заповедник для наблюдений за жизнью диких животных на воле. В этом заповеднике живут гориллы — человекоподобные обезьяны. Ученый Гаральд Вингем полагал, что наблюдением за жизнью горилл, изучая их привычки и нравы, так как давно известно, что животные на воле держат себя совершенно иначе, чем в клетке. Оказавшись, гориллы живут группами до 35 особей, преимущественно в гористых местах, почти никогда не спускаются в долины. Они все время передвигаются с места на место и остаются на одном месте не больше одной ночи. На ночевках они устраивают для своих детей подобие гнезд.

Самая крошечная рыба на свете — это «пандака пингвай» с Филиппинских островов. Ее величина меньше полдюйма, т.е. не больше размера муравья! Рыбка совершенно прозрачная, ярко выделяется лишь относительно большое — на 1/12 дюйма — называется «Местхитро Ляозский». Обитатели острова Ляоз ловят ее для пищи.

КОЛХОЗ НА 73° СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ

В Ленинград недавно прибыл начальник Новосибирской экспедиции Н. В. Пинегин. Экспедиция Пинегина, отправившаяся в дальний путь еще осенью 1927 г., имела целью обследовать Новосибирские острова, расположенные в Сев. Ледовитом океане, между 73 и 76° с. ш., и орган зоват на ближайшие из них постоянную полярную радиостанцию. Задача блестяще выполнена: возложено на нее поручение. Сидим 8 человек, в необычайно трудных условиях, станция была готова в месяц с небольшим и установила радиосвязь с внешним миром.

Во время двухгодичного пребывания на островах, Н. Пинегин открыл здесь богатейшие промышленные ресурсы: уголь, укладку жизни напоминающие коммуны.

Ближайший из Новосибирских островов — Большой Ляховский — отделен от

материка проливом. Чтобы перебраться на остров и обратно, нужно каждый раз предпринимать опасное плавание через проливы, ежеминутно рискуя быть раздавленным тородами. Остров необычайной богат пущими драгоценными зверем, птицами и пр. Самые условия жизни и охоты на не битом острове, рискованность и продолжительность промысла, заставляющего часто надолго разлучаться друг с другом (а ведь так легко задохнуться в этих неоглядных, топких просторах!) представляют столько риска и опасностей, что между промышленниками установилось совершенно особое социальное отношение. Перед нами интереснейший пример северной коммуны.

Группа промышленников, объединенных в коммуны, в своеобразный колхоз, имеет в своем пользовании общее имущество. Весь инвентарь в орудия

промысла артели являются собственностью этого коллектива. Кроме того все орудия промысла находятся в пользовании всех отдельных членов коллектива совершенно независимо от того, все ли члены коллектива участвовали в оборудовании инвентаря или нет. Коллектив имеет и свои выработанные практикой и наблюдениями обычаи. Староста выбирается всеми членами артели, в любой момент его могут отвести, при чем тогда же назначаются новые выборы.

Советизация Новосибирских островов, первая основа которой — открытие здесь радиостанции уже заложена, облегчит участь наших новосибирских островников и поможет внимательнее изучить весь уклад их жизни.

Б. О.

САМОУЧИТЕЛИ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Необходимое и доступное пособие для всех желающих научиться иностранные языки. Особенно необходимо парикетникам, профорботникам, торговцам, инженерам, строителям, студентам и другим. Курс самоучителя рассчитан на два года и содержит по 40 занятий лист в 20 выпусках на русском языке.

**ВЫШЛИ И РАССЫ-
ЛАЮТСЯ** подпечатам пер-
вые 4 выпуска.

В 1930 и в 1931 гг. выйду по 1 выпуск., цена за каждые 10 выпусков 3 руб. При подписке (на все 2) выпусков) 5 рублей (любой язык).

Цена отдельного
номера 35 коп.

РАЗГОВОРНИКИ

на английском и немецком языках даю возможность говорить на английском и немецком языках каждому, кто только умеет читать. Очень удобно для переводчиков, товарищей, приезжающих из-за границы в СССР. Необходимо и себе усваивающему за границу, удобный карманный формат 40 печатных листов—10 языков.

Вышел и рассылается подписчикам 1-й выпуск.

Цена на любой язык 5 руб. (все 10 вып.)

В 1930 г. выйдут 5 № ц. 3 руб.
В 1931 г. выйдут 5 №№. ц. 3 руб.

Цена отдельн. выпуска—70 к.

Запросы и переводы направляйте по адресу:
Москва, Центриздат, Никольская, 10/8.

САМОУЧИТЕЛИ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Необходимое и доступное пособие для всех желающих научиться иностранные языки. Особенно необходимо парикетникам, профессорам, инженерам, строителям, студентам и другим. Курс самоучителей рассчитан на два года и содержит по 40 печатных листов в 20 выпусках на каждом языке.

ВЫШЛИ И РАССЫЛАЮТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ПЕРВЫЕ 4 ВЫПУСКА.

В 1930 и в 1931 гг. выйдут по 10 выпусков, цена за каждые 10 выпусков 3 руб. При подписке (на все 20 выпусков) 5 рублей (любимый язык).

Цена отдельного номера 35 коп.

РАЗГОВОРНИКИ

на английском и немецком языках дают возможность говорить на английском и немецком языках кому, кто только умеет читать. Очень удобно для переговоров с иностранцами, приезжающими в наши города в СССР. Необходимо и всем, кто хочет уметь говорить на английском и немецком языках. Удобный формат 40 печатных листов—10 выпусков.

ВЫШЕЛ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ 1-й ВЫПУСК.

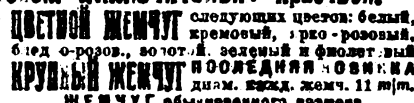
Цена на любимый язык 5 руб. (все 10 выпусков). В 1930 г. выйдут 5 № п. 3 руб. В 1931 г. выйдут 5 № п. 3 руб. Цена отдельного выпуска—70 к.

Запросы и переводы направляйте по адресу: Москва, Никольская, Чеховский дом, 10.

Читайте журнал „КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ“

Соревнования по волейболу. Исключительная красота!

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ШЕМОУГ на УЗНАУ

Цела ожерельна веек видоѵ: 45 см с серебр.
замком—10 р.; 60 см с серебр. замком—13 р.;
76 см с сер. замком—16 р.; 100 см—19 р.;
130 см—23 р.; 150 см—27 р.; 180 см—34 р.;
200 см.—39 р.

СЕРЬГА в серебряной или позолоченной
оправе по одной крупной жемту-
жке для непрокола. Ушей—6 в. 50 к.

ИСЛЬЦА — одна жемчуж. в сер. оправе — 5 р.

Каждая вещь в специальном футляре.
Футляр, упаковка и перес.—бесплатно. Высы-
лают наложенным платежом А. ЧЕРНЫШ. Заказы напра-
вить: Москва, Глав. почт., почт. ям. № 1016/В.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

В Ленинград, 14, Пр. Вовдарекого, 51

„ДЕШЕВАЯ КНИГА

**ИЗДАТЕЛЬСТВА
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“**

РЫБОЛОВСТВО

Зарывцев. Спутник рыбакова-любителя. Изд. 27 г. в. 50 к. за 26 к. С. Ливанов. Плетение рыболовных сетей и выделка ситок, гафалок и мешков, с 44 ил., изд. 27 г. в. 60 к. за 50 к. Камышев. Рыбы, краткое руководство для первого знакомства с рыбами, с 51-й раскрасочной табл. и описанием способов собирания, сохранения и блюд. Изд. нами, для учащихся и самообразования, изд. 12 г. в. 30 к. Петров. Рыбалка зимой: все виды рыбное время года, практ. руковод. для любителей на удочку, подпускания, сетями и др. снарядами. с 17 рис. и 8 табл. пород рыб, изд. 27 г., с 1 р. 25 к. Рогов. Разведение раков и дождевых червей, практ. руковод. для любителей рыболов. и промысловиков, с 9 рис., изд. 13 г., с 20 к. Финдзис. Золотая рыбка, уход за ней, лечение болезней и разведение в прудах и аквариумах, изд. 1937 г., с 20 к. Стодольский Я. Как построить водоем, практические указания для проектир. и рыбовод. прудов и устройств к рыбовод. хозяйствам, изд. 11 г. в. 80 к. за 30 к. Соболев. Рыбы России, жизнь и дощл., ухаж. и пресновод. р. 6, 492 полититиж. с прилож. рыболовного календаря, изд. 11 г., стр. 1082, с 6 р.

АКВАРИУМ

Нетисья, пособы возухонасы-
щения кимнагих аквари, м. н.,
с 38 пол. тип. жами, руков. для
люб. елей рыб. водства и дене ла,
изд. 1899 г., в. 1 р. 60 к в 75 к.
Проз. Морской аквариум и как
его самому устроить, с 3 ри-
з. 13 г., к. 21 к. Фандизь.
Аквариум и его обитатели, руков.

к устройству и содерж. аквар.
с 7 рис., изд. 1995 г., ц. 80 к.

ТЕРРАРИУМ

Бадз. Террариум, его устройство и содержание, с 73 ил., с 1 р. Ляхман. Террариум и терра-аквариумы и их обитатели. Практическое руководство по устройству холодных и теплых, сухих и влажных террариумов и терра-акв и выращивание и содержание в них жив. вт., с 26 рис., изд. 14 г., с. 20 к. Его же. Террариум как его сделать, засадить и содержать, с 28 рис., изд. 28 г., с. 45 к.

КНИГИ ПО ОХОТНИЧЕСТВУ

Кисавишич. Ружье валячи ющего
охотник. 13 рис., в 35 к. Рахмат
хана. Календарь охоты
и птиц, в 41 рис., изд. 29 г.
К. О. Колов. Охотничьи
двух. краткая программа
руководств для бириани
по охотничьему делу, изд. 23 г.
в 50 к. Формозов. Следопыт
сибирской тропы, как по следам
следить зимой жизнь и шитье
и птиц, в 57 рис., в 60 к.
Е. о. м. Следопыт по черной тропе
и птиц, в 59 рис., в 60 к. Ширин
Шихматов. Медведь и медвежье
охоты, с планами и рис., в 85 к.

СОБАКО-ОДСТВО

Мю лер. Болезни собак, крат-
руков., с 76 рис., изд. 28 г., ц. 2 р.
Нарцов. Воспитание, дрессировка
и пагаска под ужейной собаки
изд. 28 г., ц. 85 к.

КОНЕВОДСТВО

Исландский. Лопать скаковая, верховая, рысистая, упряжная и тяжеловозная, полнокорпусная, искусно ковать здоровье и больные концы, простые домашние средства к лечебным: внутренним и наруж-

болезней, ис травление паровоз и
гигиенич. уход за лошадьми, с
рис., вк. 2 р. за 1 р. Урусов. Ко
ление лошади, вад. 18 г., ц. 20 к.
Кулашев. Тренировка рысаков,
с 39 полититнаж., вад. 15 г.,
ц. 1 р. 50 к.

КОЛЛЕКЦИИ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Залесский. Наблюдка чучел птиц и зверей, уток, к набивке шкур и чучел птиц, зверей и собак; учебно-показ. зоологическ. коллекц. о 69 рис. и 5 таб., изд. 28 г., в м. 85 к. за 70 к. **Домура.** Наблюдка чучел птиц и животных и приготавливание шкур и скелетов, рисовка кустов ели, охоты кив и соопавителей, учебно-показа ельная коллекц. с 61 рис. и 5 та., изд. 29 г., ц. 65 к. **Селина нов.** Наблюдка чучел птиц и животных, практ. курс в д.я. охотников и любителей. по назвие чуч. л. разн. животн. и птиц. с 30 рис., изд. 27 г., в м. 60 к. за 50 к.

ФОТОГРАФИИ

Анков. Регулер-шмат-ль, практи-
рующ. по ретш-ривал. и отделке
фотог., негативов и позит., рас-
суживание фотог., с 4 р.
181. 17 г., им. 50 к. за 25 к. Барна-
за. Общедоступный самоучитель-
ство фотог., пр. ег. 1900. для
фотог. и люит., с 111 р.,
над. 80 г., с 3 р. Гальвар. Репен-
ту а фотогра-любите-я, над. 28 .
с 15 к. Голье им. Фотография для
всех, с 125 фотог., на 1. 29 г., с 1 р.
Евдокимов. Пастическая намотка
и переплетива для фотог. портре-
та т., с поясн. рис., над. 29 г. Цир-
Е. е. м. Фото-репечтура и фото-
графический справочник, полный
обозн. практик. ретштон с а-
блжидка, вынкл. хим. веществ

хм. сл варем для "фотографов
ир феонон. и жинг. по послед.
иностр. источ., изд. 28 г., в м.
в. 3. 60 к. за 1 р. 60 к., в переп.
м. 3. р. за 2 р. Его ж. Популяр-
ное рук.-вод. современ. фотографии,
с 42 рис., изд. 25 г., ц. 1 р. 40 к.
Его ж. Цветная фотография, упрощен-
ные способы получения цвет-
ных снимков обыкновенной каме-
рой, с мног. рис., чер эж и табл.
для определ. времени экспозиции,
изд. 12 г. в м. 85 к. за 75 к. Его ж.
Как получить без ретуши худож-
ственные портреты с самодельн. им
дешевым длиннофокусным объекти-
вом. с 110 рис., 7 ч. т., изд. 18 г.,
ц. 90 к. Его же Фотограф. забавы.
опис. нов. опытов и аянт. л, легко
выполнимых п. и помощи фот. гр.,
о рис. и черт жмк, издания 25 г.
Ц. 80 к. Его ж. Лучший, простей-
ший способ раскраск. масляными
краск. ам. без помощи живо-
ру. ов. к раскраск. фотогр., де-
вятич.е, открыт. нием, а также
гравюр фототипии, рис. и т. д.
изд. 28 г. в м. 75 к. за 40 к.
Крив. ов. Фотография, ее прош. ее,
на. то. ящее и будущее, с 26 рис.,
изд. 23 г. ц. 50 к. Монаши. л.
Стереофотографич. е. я аянт. ц.
о м. ентальн. затвор. м, как: его
с. м. о. у дешево сделать и как им
снимать, с 17 рис., изд. 12 г.,
в м. 30 к. за 20 к.

Выполнение заказов на книги поощряется
отраслью знания. Заказывайте деньги
направлять его адресу: Ленинград, 14,
Прес. Влодарского, 51/в. Магистру
"РАШЕВСКАЯ КНИГА". Издательство
"РАШЕВСКАЯ ГАЗЕТА". Заказы на
сумму свыше 10 руб. выносятся от
п. по у. они заказ. в размере 25%
от стоимости заказа. Парольный код
заказчика. П. и з. адрес и прилагать
10-но, почтовую марку или отсылать

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

„ДЕШЕВАЯ КНИГА“

Издательство „Красная газета“
Ленинград, 14, Пр. Володарского, 51.

ЭКОНОМИТЕ ТОПЛИВО

Шуман, Г. О., инж.
Методы экономического от-
платения котлов с 30 чертежами
в тексте книги в пер. ам. 1 р.
75 к.

Шуман, Г. О., инж.

Методы экономического сжи-
гания топлива с 28 чертежами,
цена в пер. ам. 1 р. 70 к.—
75 к.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР

„Гутенберг“ необходим и
полев, кажд. для печат.
бланков, конв., карт.,
им. отт., фамил., по-
вест., стих. и пр. 220
каун. букв, цифр, знаков
и украш. с приклад. и
руковод. 2 р. 50 к.,
320 б.—3 р. 75 к. и 500
б.—5 р. 75 к. Перес. и упак. за счет
заказч. Высыл. по получ. заплата 1 р.
пр-во Е. И. Генфанштейн. Одесса, ул.
Зиновьева, 36.

НА
ГАРМОНИКЕ
заочно учу
играть по само-
учителям:
для балла ц. 3 р. 85 к., для венской
по пифр. сист. ц. 2 р. 50 к. и аль-
бомы, №№ 1, 2, 3, 4 и 5 по 2 р. 75 к.
Требуйте проспект за 10 к. марку.
Адрес: Москва, 61. Завьялов пер. д. 4/л.
Н. С. Герасимов.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

„ДЕШЕВАЯ КНИГА“

Издательство „Красная газета“
Ленинград, Пр. Володарского, 51.

Книги по фотографии

Б. А. Едонинов.
Фотопроцесс в фотографии саранцев.
Полный сборник практических рецептов
с таблицами, энциклопедией химиче-
ских веществ и химическим словарем
для фотографов-профессионалов и лю-
бителей по последним иностранным
источникам. 447 стр.
1928 г. Вместо 2 р. 50 к. за 1 р. 50 к.

Б. Едонинов.
Лучший и простейший способ распрям-
ления пленки без химич. средств.
Руководство к распрямлению фото-
графий, увеличений, открытий пленки,
а также гравюр, фотографий, рисунков,
чертежей, карт, планов и т. д.
1928 г. Цена снижена с 75 к. на 40 к.

Б. А. Едонинов
ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАБАВЫ
Описание опытов и занятий, легко вы-
полнимых при помощи фотографии.
С рисунками и чертежами.
1925 г. Цена 80 к.

Р. Ю. Тиле.
ФОТОГРАФИЯ В СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ
Т. I. Новейшая фотография и су-
дебная фотограмметрия. 229 стр.
Т. II. Стереосфотограмметрия. 247 стр.
Т. III. Воздушная фотограмметрическая
система. С 153 рис. в тексте и 6 таблиц.
Вместо 7 р. за 2 р. 50 к. три тома.
Надание К. Л. Риккера 1908 г.

П. И. Заренков
СПУТНИК РЫБОЛОВА-ЛЮБИТЕЛЯ.
Ловля рыбы на удочки и дорожку.
С 4 характерными иллюстраци-
ями при ужении рыбы.
Вместо 60 к. за 25 к. Над. 1927 г.

Имеется большой выбор литературы по
разным отраслям знаний.
Заказы свыше 10 руб. выполняются по
получению задатка 25% стоимости за-
каза. Наложением платежей выпол-
няется на сумму не ниже 1 руб.
Соревнования за отчет заказчика.
При запросах для ответов прилагать
почт. марку или открытку.

Книги и целые библиотеки на русском и
иностранных языках

ПОКУПАЕТ „Красная газета“

Предложения и списки книг (с указанием автора, на-
звания, книг, год изд., томов, состояния книг: без пер.,
в пер., сохранность) из провинции направлять по адресу:
г. Ленинград, 14. пр. Володарского, 51, кн. маг. изд.
„Красная газета“, „Дешевая книга“. В Ленинграде
звонить по тел. № 6-19-76.

САХАР ИСКУССТВ. МЕД. И ПРОЧ.

ТАБАК ИСКУССТВ. АРОМАТНЫЙ

Домашнее, домашним способом
помогает приготовить напитки для
себя из недефицитного, аромат-
ного сырья.
Одно наставление высыл. за
2 р. 85 к., оба вместе за 5 р.
ИЗВ. Г. Моты, вып. 139-а.
И. И. ПЕРЕНРЕСТОВ.

ПОРТРЕТ ХУДОЖЕСТВЕН.

с любой фотограф.
карт., размер с паспорта: 32×40—8 р.,
44×63—12 р., 54×68—18 р. Заказы
высыл. нал. платом. по получении не
более половины стоимости заказа че-
рез 10 дней. Марочная доставка.
Москва, почт. аб. № 574/л. Худ.-фот.
А. ЛЕВИН.

„УЛЬТРА“

ЛУЧШИЕ КРАСКИ

для художественной разбивки
тканей, кожи, знамен, плакатов,
платов, шарфов и пр.
Доступны каждому. Не требуют спе-
циальной подготовки.
Торговыми организациями и при
оптовых покупках — омида.
Проспект высылается по получе-
нию 10 коп. марки.
Ленинград, Мойка, д. 53.
„КУБУЧ“.

ЧИТАЙТЕ

ЖУРНАЛ

„НАУКА И ТЕХНИКА“

для заочного обучения без
помощи учителя:

1) Новая ПЕНИЯ

Постановка и развитие голоса. Тех-
ника дыхания. Начальные упражнения.
Цена малом. плат. 3 р. 85 к.

2) Самоучитель игры

НА СКРИПКЕ
Меткая грамота, наставления, упраж-
нения и ноты. Малом. плат. 3 р. 60 к.

3) САМОУЧ. НА ДВУХР.

ГАРМОНИИ
не требует знания нот. Цена маломе-
ным платомом 2 р. 50 к.

ИЗВ. Ул. Воробьевского, 24/5, кв. 121.
Нов. т-во „ЛОГОС“.

Иприт

Лори Лен
Шах и Мат

Романы при-
ключений по
9 выпусков
каждый полн.
по 1 р.
50 к. с перес.

Луцкий. Шахматный самоучи-
тель. 50 к.

Достоевский. Бр. Карама-
зовы. 2 тома. 3 р.

Иванов. Лекарств. растения
с раскраш. таблицами, ц. 1 р. 50 к.

Цены с пересылкой.
Каталог бесплатно.

Книжный магазин Н. В. Во-
ронова
Ленинград, 28, Пр. Володар-
ского, 45.

ЧИТАЙТЕ

научно-популярный и культурно-
образовательный журнал

„ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА“

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

„ДЕШЕВАЯ КНИГА“

Издательство „Красная газета“
Ленинград, 14, Пр. Володарского, 51.

Книги по физкультуре и спорту

Н. В. Тарасов.
ФРАНЦУЗСКАЯ ГИМНАСТИКА
Краткое практическое руководство для
занятий с детьми.
Вм. 60 к. за 50 к. — 1927 года.

Н. В. Тарасов,
преподаватель физкультуры
Новая французская система физич. культуры
для детей, взрослых и военных.
Вм. 60 к. за 50 к. — 1926 г.

Фобин Адриана и гимнастическое развитие
(популярная легкая атлетика).
Составлена С. Павликовским, под ре-
дакцией и предисловием М. Собольева.
Вм. 1 р. 20 к. за 1 р. — 1924 г.

Профессор атлетики М. В. Лебедев
(дядя Ваня)
ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА
(основные приемы и советы по трени-
ровке), с 80 рисунками, 1926 года.
Цена 30 коп.

ФУТБОЛ
правила, история, тренировка, тактика игры.
Под редакцией М. Ренни, перевод с ан-
глийского М. Паниель и М. Ренни.
Цена 50 коп. — 1913 года.

М. Веллер
РАКЕТБОЛ, ПУШБОЛ, БЕЗВОЛ
Три английских игры.
С рисунками. 1916 года. Цена 15 коп.

Г. И. Бирани и В. В. Горинская
РУКОВОДСТВО ВО ВРАЧЕБНОМУ КОНТРОЛЮ
ЗА ФИЗИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ
16 диаграмм, 8 таблиц, 6 рисунков.
Цена 75 коп., изд. 1926 года.

Выполнение заказов на книги не воен
отраслям знаний. Заказы на сумму
свыше 10 руб. выполняются по получе-
нию задатка в размере 25 проц. стои-
мости заказа. Переоценка за счет за-
казчика. При запросах прилагать поч-
товую марку или открытку для ответа.

КНИЖНЫЙ СЕКТОР

„БОРЬБА ЗА ПО- ЛЮСЫ ЗЕМЛИ“

Стремление человека узнать тайны
полюсов, трагическая история ги-
бели многих исследователей, по-
лет и гибель „Италии“ и „Амундсона“,
подвиги „Красина“, „Малыгина“,
„Седова“ — темы 11 книг, богато
иллюстрированных и доступных
малоподготовленному читателю.
Цена библиотечки 8 р. 35 к.

„БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА“

22 книги о жизни знаменитых лю-
дей, путешественников, пилотов, ави-
аков, детей других стран и т. д.
Много иллюстраций. Цена библио-
теки 11 р. 45 к.

СБОРНИК ПЯТИЛЕТНИ

Ежегодник на 1930 г.
Содержание: Мир. хозяйство в
1929 г. СССР и мировое хозяй-
ство. СССР и миров. политика. Между-
нар. комму. движ. в 1929 г. Мир.
профдвиж. Выполнение плана ве-
ликих работ. Государства мира в
цифрах и др. Цена в проч. колен-
кор. перекл. 2 р. 50 к.

КНИГИ ПО БУХГАЛТЕРИИ

БЫСТРОВ З. М. — Техника новой
бухгалтерии. (Копир-учет, шахмат-
но-ордерная, машинная и др. фор-
мы). Цена 2 р. 50 к.

ЕВЗИН З. П. — Фабрично-заводо-
вая бухгалтерия в связи с кассиро-
ванием. Цена 2 р.

ГАВВ Ц. И. — Учет материальных
ценностей. Цена 2 р. 75 к.

КОШКИН М. Я. — Личная отчет-
ность. (Документировка, учет и
ответственность рознич. предприятий).
Цена 1 р. 80 к.

ПЕНДОРФ Б. — Фабрично-заводо-
вая бухгалтерия в связи с кассиро-
ванием и статистикой. Цена 2 р. 50 к.

ШЕР И. Ф. — Топки и задачи по бух-
галтерии для самообучения и про-
паганды. Ч. I — задачи. Ч. II — реше-
ния. Цена 3 р. 50 к.

Все нужные вам книги высылать через „ГОНЕЦ“. Высылаются на-
лож. платом. Приславшие деньги вперед за пересылку не платят.
Деньги и заказы адресуйте: Москва, „ГОНЕЦ“, Москворецкая, 24.